

Певчие птицы

Шумит тихонько на ветру столетний бор. Его шум так задумчив, ровен и вечен, что сразу мирно становится пришедшему сюда. Хочется броситься в траву под соснами, в запахи земляники, хвои, топленой смолы и цветов. Я лежу на пригорке в редкой тени, слушаю ветровой шорох сосен, утренние голоса птиц. Летом, радостью, безмятежным лотом звучит замирающий раскат зяблика. Еще нежнее откликается ему с опушки пеночка-весничка, а щелкающий удивительный пересвист лесной малиновки торжественно подчеркивает их голоса, сплетаясь с одиноким криком иволги. Поют птицы. Пахнет трава. Синее небо. Шумит лес. Поют птицы...

Певчие птицы. Они есть в аллеях городского парка, па светлых березовых опушках, в еловом темном лесу и в поле, над рожью, меж летними облаками, в густом и сильном солнечном разливе. Певчие птицы... Найдется ли человек, который равнодушно идет по росе, но глядя, не слушая пригожую птаху, из всех силенок звенящую на розовом от зари сучке? Наверное, найдется и такой. Да не для него писана эта книга — не для равнодушного. А мы будем слушать, как звучит птичий голосок — свидетельство высокого совершенства природы. Мы поглядим, как хорошо ее оперение, перышко к перышку, тон в тон. Птичка... Существо задорное, бойкое, пугливое, миленькое, радостное и незащищенное — его можно сравнить разве что с маленьким ребенком.

О вреде и пользе

Вредны ли содержание певчих птиц в клетках и охота за птицами (здесь под охотой, как и везде далее, я понимаю ловлю певчих птиц, а не стрельбу из ружей)? Вероятно, если бы на этот счет было ясное и единое мнение, я не стал бы начинать книгу такими рассуждениями.

Некоторые (в основном равнодушные к природе ила чрезмерно сентиментальные люди) считают, что ловля птиц и содержание их в клетках не более чем вредная забава, которую хорошо бы воспретить, искоренить, предать забвению. Так ли это?

Могу лишь заметить, что содержание певчих птиц имеет едва ли не более широкое распространение, чем охота плюс рыбная ловля плюс увлечение аквариумом плюс разведение голубей. Ведь почти в каждой семье, особенно там, где есть дети, живут или жила одна, две, три птички. И сколько же таких временных любителей? И сколько любителей постоянных, для которых птица — спутник всей жизни, любимое существо. Побывайте в воскресенье на Я птичьем рынке, постоит в очереди у дверей зоомагазина, посмотрите, как, приплясывая от радости, беспрестанно заглядывая в клетку с желтоперым щегленком, бежит домой за отцом счастливый потомок, и вы убедитесь, что содержание певчих птиц — огромное интересное увлечение.

По сравнению с уже названными видами увлечений, отдыха и спорта содержание и ловля певчих птиц имеют множество достоинств.

В сравнении с ружейной охотой, так или иначе связанной с пролитием крови, ловля певчих птиц позволяет совместить всю прелесть скитаний по лесам, полям и болотам в поисках добычи с прекрасным результатом, когда птица, живая, красивая, здоровая, попадает в руки охотника.

И она даст ему столько удовольствия своим бойким нравом, пением, повадливостью и привязанностью, сколько не могут дать никакие убитые птицы.

Не жестоко ли запереть живых существ в клетки? — спросит сердобольный человек.

Только что говорил я о ружейной охоте, объявлять которую варварством никто не собирается, которую издревле воспевают, посвящают ей страницы журналов.

Подавляющее большинство любителей содержит птиц в осенне-зимний период, когда голодно и холодно. Не секрет, что огромное количество птиц гибнет именно зимой и ранней весной от бескормицы. На лето многие птиц выпускают. Делать это нужно с осторожностью, в подходящем для птицы месте, а не просто в форточку. Всякой «сиделой» клеточной птице нужно время, чтоб она «облеталась», восстановила подавленные в клетке инстинкты самосохранения, осторожности и т. д. Я знаю много примеров, когда птицы, выпущенные из клеток в лесу поздней весной и летом, нормально гнездились. Так, в июне 1965 года я нашел в ельнике гнездо снегиря, на котором сидела весьма потрепанная снегириха с подстриженным хвостом, ясным

свидетельством пребывания в мальчишеских руках. Гнезвился в саду и выпущенный мной щегол. Он очень скоро нашел себе, по-видимому, такую же бывшую пленницу, и щеглы построили на березе отличное гнездо. Выпущенного закольцованного реполова я поймал через год в той же местности (окрестности поселка Елизавет на южной окраине Свердловска). Случайно вылетевший на охоте снегирь был пойман через три недели абсолютно здоровым.

Почти все выпущенные птицы гнездятся поблизости от города или в садах. Именно этим выпуском мы обязаны тем, что под Свердловском стали нередкими гнездящиеся снегيري и даже чечетки, а прямо в городе — щеглы.

Не следует выпускать птичку, если она прожила в клетке много лет. Такая полудомашняя птица скорее всего станет добычей ястреба или кошки.

Наконец, последнее. Не приносит ли птицеводство ущерб народному хозяйству и жизни леса? Можно только сказать: любая охота — удочкой, ружьем, капканом — гораздо большее зло, чем ловля птиц. Во-первых, объектом ловли являются в основном птички, не приносящие существенной пользы. Таковы чечетка, чиж, щегол, снегирь, реполов, клест. Все они большую часть года питаются семенами и зернами растений. Они поедают и семена сорняков, и семена деревьев. Эти птицы не столько способствуют уничтожению бурьянных порослей, сколько их расширению, ибо сорят, развеивают и разносят семена сорных трав. Поедая в летнее время насекомых, они не различают полезных от вредных.

Определенный вред может наносить лишь охота на птиц насекомоядных, в первую очередь синиц, но и здесь есть несколько важных примечаний.

Как правило, в большом количестве ловятся лишь синицы-кузнечики. Они очень бойки и часто попадают в мальчишечьи западни. Зато так же скоро их выпускают, ибо выдержать дикую, злобную, все время долбящую клетку синицу у редкого мальчишки хватает терпения. Мелкие синицы: гаечки, гренадерки, московки, лазоревки — редко попадают в клетки. Из сотни любителей лишь у одного-двух живут такие птички. То же самое можно сказать о чисто насекомоядных — пеночках, славках, камышевках и других прилетных птицах. Бывают они у нас обычно в тот период, когда певчих птиц не ловят. Содержат их в клетках отдельные знатоки-охотники, которых и на , тысячу любителей один не найдется. Птицеловы-промышленники насекомоядными не интересуются, у них все такие птички называются «пеночки», а «пеночки» конопли не едят, спроса на рынке не имеют. Так что процент «вреда», если говорить всерьез, просто ничтожен.

Десятилетия, проведенные бок о бок с птицами, убеждают, что клеточное содержание имеет и свое будущее. Разве не от диких птичек с Канарских островов выведены все породы домашних канареек? Разве австралийский волнистый попугайчик не стал завсегдатаем наших квартир? Канарейка буквально завоевала весь мир благодаря стараниям целых поколений любителей певчих птиц. Ее содержат и в Африке, и в Австралии, и в обеих Америках, не говоря уж о Европе и Азии. Одомашнены и разводятся в клетках многие тропические ткачики и вьюрки. Любовь к живому, несомненно, перерастет в новое качественное состояние, когда натуралисты-любители будут разводить (и уже разводят) в клетках и вольерах и полевых жаворонков, и юл, и соловьев. Таким энтузиастом был, например, выдающийся советский орнитолог Промптов. Клеточное разведение, приручение и одомашнивание лучших певчих птиц, выведение новых пород — увлекательное и нужное дело.

Что же полезного дает нам ловля певчих птиц, содержание их в домашних условиях? Я не ошибусь, наверное, если скажу, что эта прекрасная бескровная охота — один из самых лучших способов познания природы, воспитания любви и бережного отношения к ее обитателям. Она развивает наблюдательность, эстетический вкус, жажду знаний. А ведь только на знании строится истинная любовь к природе.

Ловлей птиц чаще занимаются дети и подростки. Вместе со снегирями, с чечетками, с желтыми чижиками и часами, проведенными где-нибудь в полевых межьях, в репьях, на опушках леса за выслеживанием щеглов, приходит и на всю жизнь укрепляется великая любовь к своей земле, своим березам, к самому воздуху Россия.

Я убежден: если б молодежь и подростки больше увлекались содержанием птиц, мы растили бы армии защитников природы и радетелей леса. Как близок в памяти ясный звонкий день, когда мать принесла с рынка мне, шестилетнему, желтую клетку с зеленоватой черноголовой птичкой. Это

был молодой осенний чижик, уже набравший окраску, остроклювый, непоседливый, все время кричавший свое тонкое «тивит», «пивит». Даже и ночью я вставал, щупал клетку, глядел на мирно спящую птичку, что-бы проверить, не приснилось ли мне такое счастье.

Помню синие сумерки утра в октябре. Снежок. Себя, озяблого, восторженного, с гурьбой таких же худо одетых ребяташек. Мы пробирались в заросший парк, на пустырь, ловить в лебеде чечеток. И с какой же радостью принималась тогда каждая пойманная серо-белая пташка! Стучаясь лбами, мы разглядывали ее бурые перышки, рубиновую красинку на вертлявой милой головенке, желтый восковой клюв и черные глаза, глядящие с трогательным испугом. Наша птичка!

Мы слушали пиньканье синиц, глядели, как дятел ползает по березе, остукивая ее так и сяк. Большие, крапленые серым дрозды возились в рябинах, жадно оклеивая терпкие кисти, набивали тугие зобы подмерзлой ягодой. Дни, проведенные в парке, остались со мной навсегда.

Разве не были в юности страстными птицеловами и любителями птиц Аксаков, Горький, Чехов, Мамин-Сибиряк, Гаршин, Багрицкий, Пришвин? А великий знаток соловьиного пения Тургенев? Разве не отразилась любовь к птицам на их творчестве, знании природы, лесов и полей?

Я говорил о детских днях. Но прошло детство, минула юность, а привязанность к птицам сохранилась и выросла. Очень скоро я совсем отказался от ружья, чтобы приходиться в лес ради леса и его добрых существ. Птицы открыли мне безбрежный мир опушек, болот, торфяников, речных урем, полевых окраин. Вместе с ними я познавал тишину рассветов и неповторимые краски закатов — закатов весенних, лесных, необыкновенных...

Медленно вянет, остывает небо. Лес затихает в темноте и безветрии. Красным винным цветом меркнет далекая заря. Певчий дрозд начинает выкрикивать свою ни с чем не сравнимую песню. «Иди... иди... иди... кум...» — ясно выговаривает он в черной кремине высоких елей. Ему вторит стеклянный голос зарянок, цвириканье вальдшнепов над непролазно заросшей порубью. Первая звезда открыла голубые ресницы над ступенчатой елью. Сыреет воздух. Ясны и чутки ночные запахи протаявшей земли, синих пролесок, отходящего снега. Пугающе-дико стонет темная сова. Гулькает, торопится рассказать кому-то свое ручей-ручьишко... Не хочется уходить с апрельской опушки, где так по-своему открывается весна.

Пение птиц

Пение — трели, россыпи, щелканья и свисты, которые издают певчие птицы, — одно из самых привлекательных свойств этих замечательных существ. Мелодичное пение — особенность только мелких воробьиных птиц да еще некоторых куликов и куриных. Всех певчих по способам питания мы делим на птиц зерноядных и насекомоядных. И хотя это деление условное, считается, что насекомоядные совершеннее по песне. Их голоса более музыкальны, чисты и затейливы, и с этим утверждением можно согласиться, ведь самые лучшие певцы — дрозды, соловьи, славки — птицы в основном насекомоядные.

С другой стороны, не совсем зерноядные жаворонки и вполне зерноядные канарейки могут соперничать с лучшими певцами из насекомоядных.

Пение птиц связано с периодом размножения, наивысшего расцвета всей жизни весной. Пение — это сигнал, что гнездовье занято, способ привлечения самки, облегчающий ей поиск самца в лесу, и, наконец, просто выражение бодрого настроения птицы.

Существует еще осеннее пение после периода линьки. В солнечное безветрие бабьего лета, когда лес уже сквозит и теплится желтизной, а над полями шелково-сизо плывет и садится тенетник, слышно в вышине пение отлетных жаворонков. Бывает, и дрозд закричит в лесной просеке, уикнет по-своему. Негромко запоет славка. Откликнется пеночка в золоте кустов. Поют осенью почти все птички: одни — много, другие — меньше, третьи — совсем мало, вполголоса, но осенняя тихая песня ни в какое сравнение не идет с самозабвенным захлебывающимся торжеством весенних голосов. Сколько раз приходилось видеть: поет ну вершине куста птичка, забыла обо всем. Вдруг, как из-под земли, вывернется малый ястреб. И — только перышки потом по ветру. Всякое бывает в лесу...

Пение продолжается на воле от полутора до шести-семи месяцев, считая и осенние. В клетках птицы поют подольше (до 8—9 месяцев в году в зависимости от вида). Поющих без перерыва птиц нет, а всякие рассказы о соловьях и жаворонках, поющих «круглый год», «день и ночь» — обычные басни досужих охотников и вралей. Наверное, все виды охот: и рыболовство, и

ружейная, и голубиная, и наша — имеют своих, так сказать, записных, штатных лгунов, которые ловят щук на 3 пуда, кроют по 100 чижей за раз, бьют на току по десятку глухарей... Возвращаясь к пению птиц, хочу сказать, что к нему не относится птичий «разговорный» язык, то есть все звуки, которыми птицы выражают радость, страх, призыв, настороженность, озлобление. Песни птиц делятся на «колена», или «строфы», в свою очередь колена распадаются на «слова». Например, песенка обычной желтой овсянки, звучащая примерно так: «зипь-зинь-зинь-зипь-зиии» — состоит из двух колен, причем первое из пяти слов, а второе — из одного.

Чем больше колен в песне, чем они чище, многословнее и приятнее для слуха, тем выше ценится птица.

Среди колен различают:

пиньканье — «пинь», «шшьк», «финь»;

тевканье — «тек», «чев», «тев»;

колокольчик — «тинь», «зинь», «цвипь»;

раскат — например, как у соловья — «чо-чо-чо-чо»;

россыпь, или дробь, — быстрое повторение одного слова в одном тоне (кенар или камышевка-сверчок);

щелканье — короткие щелкающие звуки (соловей, реполов);

ручеек — льющияся неопределенные колена (садовая славка);

свисты — отдельные красивые сильные звуки (соловей, певчий дрозд, иволга).

Всякие режущие слух, чавкающие, трескучие и скрипящие колена и слова называют помарками и полупомарками.

Начало песни у охотников именуется «почином», а последнее колена «концовкой» или «росчерком» (например, у зяблика).

Короткие промежуточные «полуслова», вставляемые птицей между строфами, называются «оттолчкой».

Иногда следующие друг за другом одинаковые группы колен именуется «веретенками».

Вот, пожалуй, и все специальные слова, которыми охотники-любители разбирают песню птицы.

Обычно любители спорят — каких певчих птиц отнести к самым лучшим. Мнения и вкусы могут быть различны, но я, нисколько не собираясь навязывать свое, на первое место поставлю певчего дрозда, затем соловья, полевого жаворонка, степного жаворонка-джурбая, черноголовую славку и лесного жаворонка-юлу.

Вот эти птицы и составляют высшую лигу. Может быть, к ним следует приписать и канарейку, до пения которой я не охотник. Безусловно, имеются в виду птицы отличные — «концертные», как говорят любители. Известно, что далеко не каждый соловей, жаворонок или дрозд поет красиво. Среди них есть плохие или посредственные певцы, вся песня которых состоит из 3—4 колен.

Чаще всего эти птицы молодые, не обучившиеся настоящему пению. Склонность к красивому пению у птиц так же индивидуальна, как, скажем, у людей. Она зависит от врожденных качеств, обучения, возраста. У птиц также бывают свои Карузо, Шаляпины и Козловские.

Певчие птицы второго разряда — поющие хорошо, но не могущие соперничать с первыми: из зерноядных — реполов;

из насекомоядных — черный дрозд, белокрылый жаворонок, пеночка-пересмешка, лесной конек, садовая камышевка, большая синица, ястребиная славка, сорокопут-жулан.

К птицам третьей группы, характерным очень звучной, красивой, но бедной коленами односложной песней, отнесем:

из зерноядных — чечевицу, зяблика, овсянку-дубровника, овсянку-ремеза;

из насекомоядных иволгу, Дрозда-дерябу, белобровика, синиц московку и гаечку, горихвостку, пеночку-весничку.

К четвертому разряду относятся птицы, поющие в клетках много и охотно, голоса их приятны своим веселым щебетом, живостью, отдельными красивыми коленами, но музыкальности здесь меньше, тона сбивчивы. В песне есть помарки, чириканье, треск.

Сюда относится большинство так называемых «простых» птиц, а именно: щегол, чирик, клесты, зеленушка; из насекомоядных — зарянка, дрозд-рябинник, скворец, варакушка.

Выносливые в клетках, неприхотливые, доверчивые и ласковые к людям, птицы четвертой группы пользуются любовью тысяч охотников.

И, наконец, есть пятая группа птиц, поющих слабее других. Назовем известную всем чечетку, снегиря, вьюрка, дубоноса, свиристеля, лазоревку белую и зеленую, синицу-гренадера, поползня, пищуху, короля, плик и чеканов.

К достоинствам птичек пятого разряда относится необычайная цветистость оперения многих из них. Это птички декоративные — украшение наших лесов. Чего стоит, например, наряд белой лазоревки-князьки — этого удивительного существа с голубыми крыльями и голубым хвостом! А броский наряд важного снегиря! А окраска вьюрка, щеголяющего атласной, переходящей в синеву чернотой головы и кирпичной грудкой! Как великолепно розовое оперение свиристелей, шафран и желтизна долгохвостых плик, цветные пятна в окраске дубоносов!

Интересно, что в группе певцов высшего класса нет ни одной ярко окрашенной птицы. И соловей, и жаворонок, и Певчий дрозд отличаются строгой скромностью пера, подчеркнута благородной изящностью всех линий контура. Несмотря на отсутствие ярких тонов оперения, наши лучшие певцы очень красивы. Это — элита птичьего мира. Из сказанного не следует, что охотнику-любителю с самого начала во что бы то ни стало надо стремиться добыть птицу высшего класса песни. Все разряды по-своему хороши, у всех есть свои преимущества и недостатки. Следует помнить начинающему любителю, что великие певцы, как правило, дики, приручаются с трудом, требуют хлопотливого, бережливого, умелого обращения, большого отбора. Громко, отлично поющий и к тому же не дикий певчий дрозд или полевой жаворонок — большая и редкая ценность. Почти то же можно сказать про всех певцов высшего класса.

Поддержите разных птиц. Поймите, полюбите, испытайте их и постепенно вы доберетесь до вершин охотничьего знания. Иных путей тут нет.

Певчие птицы полей, пустырей и городских окраин.

Поля, засеянные низкими травами, клевером и викой, а также поля чистые, паровые и хлебные вместе с широкими пустошами, залежами, непаханой целинной крепью — места, где свой отличительный и разный мир птиц.

Птицы полевые тесно соседствуют с живущими по городским и сельским окраинам — вот почему к объединяю их в одной главе.

Имея большое сходство со степью, поля являются местом обитания и многих степных птиц. И часто, забираясь в бесконечный, уходящий за горизонт простор полей, чувствуешь себя как в степи: один между небом и землей, один в потоках льющегося, осязаемого света и тепла, один среди мягкого шелеста колосьев. Поют жаворонки. Свистит суслик. Плывет, высматривая, белый лунь-степняк.

И ветер песет с далеких межей нежно-сладкий запах полевой акации и цветущего донника.

Поля... В их безлюдном вечном молчании скрыто что-то завораживающее душу. Я люблю бывать в них под осень,

сидеть на холмиках и бугрищах среди ржи и овсов, слушать великую тишину. Комья серой иссохшей земли скупо видны меж строя соломин. Мышь, шелестя и мелькая, суетится и шмыгает там, собирает опавшее зерно. Упадёт срезанный ею колосок, просвистит и канет вдали табунок куропаток, заскрипит вдруг кочующий к югу невидимка-дергач. Снова молчание.

Ветер седыми жемчужными переливами бежит по овсам. Редкие темноватые тучки роняют преддождевую слезу. И вот он, томящий душу, запах близкого ненастья — запах мокрых хлебов, земли, близкой осени.

Всяк, кто бывал и жил в полях долго, замечал и жаворонков, то грустно горчащих на отлете под самыми тучами, то переливающихся долгими чистыми трелями во время летних жаров, то просто слетающих из хлебов у дороги своим характерным трепетным полетом, похожим на полет куличков. Без жаворонков нет полей.

С жаворонков и начну я рассказ о полевых певчих птицах.

Полевой жаворонок

Трудно найти птичку, имя которой было бы так известно даже самым далеким от природы людям. Но, зная жаворонка по имени, очень немногие представляют его внешний вид.

Вот приходят ко мне знакомые, видят бегающих по клеткам жаворонков, и первым бывает вопрос: а что это за птички? Жаворонки? Не может быть! Неужели такие серые?

Жаворонок действительно серый, точнее, буровато-серый по своему перу. Так окрашена вся спина, голова и крылья. Низ жаворонка посветлее, с красивыми черточками по бокам. Голоса тонкая и точеная. Величина — побольше воробья. Крылья в сравнении с туловищем очень велики и широки — сразу выдают неутомимого летуна.

Всех жаворонков, в том числе и полевого, узнают по несуразно длинному заднему когтю на лапах. Правда, такие коготки есть еще у коньков и подорожников, но конек отличается от жаворонка длинным хвостом, а подорожник белым цветом в оперении.

Чем-нибудь испуганный или взбудораженный, жаворонок поднимает треугольный хохолок, и

Полевой жаворонок.

оттого издали кажется, что на голове птички надет остроконечный колпак. Самец-жаворонок отличается от самки большим ростом, длиной и шириной крыльев, а также общей «петушиной» широкогрудой статью. При некоторой тренировке и наблюдательности опытный глаз охотника тотчас отличит самцов от самок, и сидящих на земле, и в полете, тогда как для непосвященного птицы кажутся абсолютно одинаковыми.

Самка-жаворониха всегда поменьше ростом, держится приземисто, пригнуто, перьями не так чиста и складна. Но главной отличительной чертой самца служит его чудесное пение.

Самки жаворонков, да и почти всех других певчих, лишены этого качества,

Едва сильное мартовское солнце и теплые ветры стронут в долях снег, и оп вдруг потемнеет, заискрит тысячами недолговечных ручьев, начинают пролетать жаворонки. Иногда летят они очень рано — в последних числах марта (например, 26 марта 1951 года под Свердловском). В среднем же первые жаворонки приходят между вторым и седьмым апреля.

Ранние старые жаворонки появляются совсем незаметно. Они держатся по обтаявшим буграм, на проталинах, и, только специально разыскивая их, можно убедиться, что птицы тут. Лишь через неделю пойдет массовый пролет, летят они почти непрерывно с криками, с короткими песенками. Лет жаворонков не стайный, а какой-то рассыпчатый: одна, две птицы, тройка в снова одна, две. Окончательное передвижение жаворонков на север и восток затихает лишь к началу мая. В ясные голубые дни слышно,

как жаворонки поют над городом. Екает сердце любителя, задирает он голову, придерживает шапку и глядит, глядит в золотистую глубокую синь, слушает жаворонка — забывает про грязные ручьи, про шум трамвая, тесную суету бульваров...

Жаворонки быстро занимают гнездовья. Еще в полях беляками лежит тающий снег, а они уж начинают спорить из-за гнездовых участков, дерутся друг с другом, гоняются за самками. Над парным, напитанным водой коричневым полем, то там, то здесь с говорливым урчаньем поднимаются они в вышину, мелко трепеща крыльями.

Когда участок поля или сухой луговины занят, самец начинает устойчиво петь над ним. Он гонит со своей земли всякого залетевшего чужака. С резким особым криком он преследует его до тех пор, пока нарушитель не пересечет незримую границу гнездовья.

Поют жаворонки, поднимаясь и спускаясь с излюбленных мест. Чаще всего это кочка, камень, пенек и просто ком твердой пашни. Изредка жаворонки садятся на мелкие сосеночки или невысокие столбы изгородей.

Самка меж тем строит гнездо, выбирая для него выбоинку, копытный след, гривку сухой травы. Хотя жаворонки гнездятся только на земле, найти их маленькое гнездо очень нелегко. Можно сто раз пройти мимо и не заметить, тем более, что насиживающая жаворониха сидит очень прочно. Птицы, носящие корм, всегда падают в стороне в траву и уж оттуда почти ползком пробираются к гнезду. Жаворонята появляются в конце мая. Уже на восьмой-девятый день они разбегаются из гнезд и западают в траве. Родители кормят их поодиночке, ориентируясь на слабое чириканье, которое издает проголодавшийся слёток. Гнездовые птенчики жаворонка ужасно уродливы. Со своими разинутыми оранжевыми клювами и странными птенцовыми пушинками на темени, жаворонята похожи на крохотных дракончиков. Зато оперенные слётки очень милы, ни дать ни взять мелкие серые цыплята. Они шустро бегают, затаиваются в траве и могут подлетывать на больших, несоразмерных с короткохвостым тельцем крыльях. Очень быстро начинают они есть сами, схватывают любую живность, которой кишат июньские травы. Кобылки, жучки, кузнечики, муравьи - все идет в корм.

В июле жаворонки гнездятся вторично. В кладках по три-четыре яйца. Второй выводок докармливается в августе, когда старые птицы уже начинают линять. К этому времени стихает и пение жаворонков, замирает немолчный звон над русскими полями, августовская живая тишина нарушается лишь свиристеньем кузнечиков да сиплым шипением кобылок-краснокрылов. Полевой жаворонок — с давних времен любимая певчая птица. Но держат его только классные охотники, хорошо понимающие этих диких птиц. Пение хорошего жаворонка богато прекрасными трелями, россыпями, переливами и раскатами. Он отлично копирует многих гнездящихся по соседству птиц, кричит канюком, свистит мелодичными куличьими свистами, вскрикивает чибисом, и все это соединяется и переливается собственными жавороночьими долгими переливами. Лучшие певцы-жаворонки гнездятся на сухих болотах и луговинах возле болот, на старых торфяниках и мелких полях, окруженных лесом. Здесь они набирают в песню самые красивые чудные колена от лесных и болотных птиц.

Бесподобно звучит песня жаворонка, когда он, налетавшись в поднебесье меж облаками, спускается, высвистывая, плавно покачиваясь на расставленных неподвижно крылышках, на свою любимую кочку.

Поют жаворонки и сидя на комьях и сурчинах в дикой степи, но песня «на полу» звучит тише и не столь красива.

Почему же полевой жаворонок — птица многочисленная — не частый гость в наших клетках? Объясняется это тем, что далеко не все охотники умеют его ловить, а кроме того, большой пугливостью, строгостью птицы, быстро разочаровывающей нетерпеливых любителей. Есть у жаворонка и еще одно неприятное качество: он купается не в воде, а в песке, в пыли. Не каждая из женщин (они в основном и есть главные противники содержания птиц дома) долго терпит сыплющийся из клетки песок и сор.

Однако при бережном, добром отношении к птице, она не преминет отблагодарить хозяина за хлопоты и уход. Однажды, чаще всего в марте, жаворонок разбудит вас своей громкой звучной песней, перед которой бледнеют все напевы хваленых кенаров и прочих птиц. И день ото дня он начнет прибавлять, да так порой, что дрожь бежит по спине. Как он поет! Все меркнет и тонет в звуках его голоса. Даже равнодушный человек заслушается:

— Ну, молодец! Вот это птичка!

Клетка для жаворонков нужна особая (№ 3), Обычно делается два вида. Длинная — 70X30 см и 25 см высотой, ящичная и квадратная русская — 40X30X22 см. Обе обязательно с мягким верхом. Расстояние меж спицами редкое — 2—2,5 см. Лучше, если спицы деревянные или из толстой проволоки. Жердочки не нужны, вместо них кладется кочка с травой, камень, кусок спекшейся сухой глины.

Я говорил выше, что неприятным свойством жаворонков является их пугливость, взлетывание свечой вверх. Такая непрерывно «хлопающаяся» буйная птица раздражает. Чтобы «хлопанья» не получалось, делается подвесной застекленный тамбур-песочник, который привешивается к клетке на крючках. Он избавляет от всех бед. В нем жаворонок прячется, купается, отдыхает и не сорит в

комнату. Кормушку также делают навесную, застекленную, Водопойку навешивают у борта, и жаворонок быстро привыкает пить, просовывая голову меж спицами. Такое сложное оборудование клетки позволяет не тревожить птицу, а корм, вода и комната не загрязняются.

Как видите, если охотник захочет слушать жаворонка дома, сначала он должен позаботиться о квартире для птички.

Ловят жаворонков с прилета, чем раньше, тем лучше. На проталинах на спокойного приманного жаворонка или же на прикормку. Последний способ позволяет поймать любого выслушанного жаворонка, но требует времени и терпения. Прикорм зерновой и из мучных червей устраивается там, где жаворонок больше поет. Через два-три дня ставят самоловы или подсиживают с сетью. И. самоловы и сеть ставятся на прикорм и хорошо маскируются. Веревка к сети нужна длинная, до 50 метров. Жаворонок не какой-нибудь чиж-простофиля, а птица умная и осмотрительная. Если он заметит подвох, в сеть вы его не загоните. Бывает, не одно утро пройдет, пока покроешь привередливую серую птицу, И вот счастливый, веселый идешь домой сырыми апрельскими полями. Ноги вязнут в упившейся влагой земле. Жаворонки заливаются на все лады. Цветы мать-и-мачехи густо золотятся по всем межам. Как славно, тепло, суглинок на косогорах уже проявля, заохрился под ветерком и, кажется, пахнет слегка молодой крапивой и пыреем. День не солнечный, но такой весенний, благодатный, лучше не надо. В его теплой умягченной грусти растворяются все твои чувства, ты сливаешься с этой молодо дышащей, обтаявшей землей, с перелесками в синем пару, с легкой завесой неподвижных серых облаков, А главное, ведь поймал своего жаворонка! Остановишься. Поглядишь. Вот он сидит в матерчатой куролеске — пепельный, чистый, большекрылый. Весь он полевой, именно полевой.

Дома обдержишь день-два, и можно в клетку. А потом часами сидишь, смотришь, как он ходит гордо и пугливо. Золотая русская птица — вешний голосок.

Корм для пойманного весной жаворонка нужен самый лучший. Зерновую смесь, штук 5—10 мучных червей, кусочек размоченной булки. Жаворонки всегда берутся за корм. Птица эта выносливая. У хороших любителей по 18 лет живет и птенцов может в вольере вывести.

Постепенно приучают жаворонка к мягкому корму. Тертую морковь с хлебом, яйцо, мясо, моченый хлеб — все это он осваивает скоро. Летом понемногу примешивают свежие муравьиные яйца.

Надо помнить, что жаворонок — птица более насекомоядная, чем зерноядная. На одном зерне песни от него не дождешься. Конопля, семечки, прочий «традиционный» корм — для него гибель. Давать их надо только давленные, понемногу, как добавку к мягкому корму.

Обжившийся весенний жаворонок петь начинает через неделю. Но первую весну поет мало, дичится. На другой год начнет с февраля, а иногда и раньше. Кончается песня в середине июля, перед линькой. Хороший, то есть не пугливый и певучий, и в сентябре поет, что, впрочем, бывает и в природе. Осенью понемногу поют все птицы, а некоторые даже токуют.

Доброго жаворонка не враз достанешь. Иные слишком дики. Иные плохи по песне. Выкормыши по песне исключительно плохи. Их надо учить. Носить весной в клетках, как говорят, под хорошего жаворонка, а также содержать рядом с поющими синицами: большой, московкой или гаечкой. Неплохо, если молодой жаворонок слушает пеночку-весничку, певчего дрозда и дубровника. Такой обученный жаворонок через два-три года становится классной птицей и намного превосходит любого ловленного жаворонка, но дело это слишком хлопотливое и под силу людям незанятым. У меня сейчас живет четырехгодовалый выкормыш, поющий сильно и чисто. В его песне отличные удары синицы, колокольчик московки, свистовой перебор пеночки, песня дубровника, реполова и голоса куликов в соединении с хорошими жаворонковыми горчащими коленами, но и у него есть брак. Взял он где-то громкое колено вроде «тив-ве-тивве-тивве» и как заладит иной раз повторять — ничему делаешься не рад. Стучишь на него, шикаешь, а он себе напевает, как заведенный. Такие огрехи часты у выкормышей. У ловленных жаворонков брака не бывает, а перенимать чужие песни они тоже горазды, особенно годовалые, двухгодовалые птицы.

Прочие жаворонки

В степях Южного Приуралья встречаются и другие виды жаворонков. Это некрупные, похожие друг на друга жаворонки серый и малый, очень большой, своеобразный по окраске жаворонок черный и крупноватый, статный жаворонок белокрылый. Кроме них, залетом может быть встречен

довольно обычный в южных районах нашей страны степной жаворонок, или джурбай, называемый также черношеем.

Джурбаев часто содержат хорошие любители, и я хочу сказать о нем хотя бы немного. По оперению он похож на полевого, но статью гораздо крупнее и грубее. Клюв у джурбая мощный, толстый, крылья широкие, длинные. Хвост коротенький. По бокам шеи черные пятна, иногда соединенные в ленту. Вид у джурбая очень гордый, приятный, пение мощное, звучное, богатое, имеет много сходства с полевым. В голосе молодых птиц есть неприятные трескучие колена, выкрики и скрипы. Голоса других птиц джурбай перенимает хуже, чем полевой жаворонок. Я никогда не ловил джурбаев, но держал их много и держу сейчас.

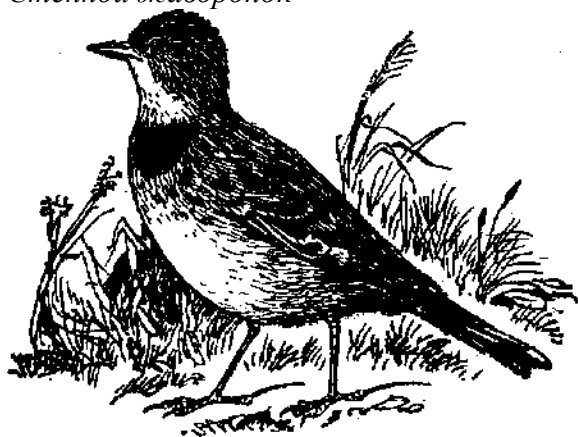
Все, что сказано о содержании жаворонка полевого, относится и к степному. Оборудование клетки то же, лишь расстояние между спицами вполне может быть до 3 сантиметров. Корм джурбаю нужен погуще, с большим количеством дробленой пшеницы, семечек, овсянки и конопли. Мягкий корм — тертая морковь с хлебом, 3—5 мучных червей. В отличие от полевого жаворонка, который глотает зерно целиком, джурбай лущит его и спокойно раскусывает даже семечки. Хорошо ест и любит разную рубленую зелень, проросшие зерна овса и пшеницы, которые лучше давать весной и летом.

Неплох по песне и жаворонок белокрылый. Он крупнее полевого, с белыми зеркальцами, хорошо видными в полете.

В степном Зауралье живет жаворонок черный. Осенью и в предзимье он может быть встречен на полях и дорогах в Челябинской и Курганской областях. Жаворонок этот не отлетный, а кочующий. Из всех жаворонков — более зерноядный, судя даже по толстому клюву. Пение его приятное, мелодичное. О клеточном содержании этой интересной птицы ничего не известно.

Жаворонки малый и серый поют бедно, так что для содержания в клетках вряд ли подходят.

Степной жаворонок

Жаворонок рогатый, или рюм

В середине апреля на дернистых буграх и обтаявших торфяных болотах появляются изредка станички красивых нарядных птичек. Летают они и по огородам, в полях, по окраинам городов на картофелищах, перебегают подобно жаворонкам, что-то клюют и непрерывно тихо перекликаются. Они пугливы, не подпускают близко, но если как-нибудь подобраться из-за укрытия и обнаружить себя вдруг, птицы на мгновение замирают и удивленно таращат черные перышки по бокам головы, словно бы рожки поднимают.

Вид у птичек презабавный — не то морской куличок-зук, не то крылатый чертенок. А это — рогатые полярные жаворонки.

Не в пример своим серым и глинистым в оперении собратьям рогатый жаворонок довольно цветист. У него черный, полумесяцем, нагрудник, оранжевое горло и светло-бурая спинка. Брюшко у птичек беловатое.

Я не один раз добывал рюмов и держал в клетках и вольерах и не считаю, что полярный жаворонок ручнее и доверчивее всех прочих. Все жившие у меня птицы этого вида были по-жавороночьи строги и привыкали с трудом. Вообще, разнообразие характеров и темпераментов птиц бесконечно велико. Есть птицы злобные и добрые, хитрые и глупые, забияки в тихони. Среди птиц каждого вида встречаются буйные холерики, уравновешенные флегматики, непостоянные сангвиники и задумчивые меланхолики. Они есть и среди жаворонков.

Охотнику надо не отмахиваться от буйной птицы, а терпеливо за ней ухаживать. Время и терпение — два главных союзника любителя певчих птиц. За редкими исключениями все птички, прожив полный год в клетке и благополучно закончив линьку, делаются спокойнее. Иногда и такое обдерживание не требуется. Лучше приручаются молодые птички, совсем трудно «старики», которые, однако, лучше по песне. Все это надо испытать любителю на практике, а она часто опровергает, казалось бы, прописные истины. Существует, например, мнение, что соловьи пугливы. Оно справедливо. А мне приходилось ловить таких, которые ни разу «не хлестнулись», говоря словами охотников. Дубровники, как правило, чрезвычай-

Рогатый жаворонок

ные дикари и хлестуны, а попадаются ж такие, что запевают в клетке через час после поимки и не подумают биться... Но я уклонился от рассказа о рюмах.

Гораздо заметнее, чем весной, рюм бывает на пролете поздней осенью. Уже не раз припугнула зима, выпадал и стайвал снег, все яркие краски осени погасли и затухли вместе с облетелой листвой. И все-таки жухлая бурая земля по-своему хороша, в печальном запустении лежит она под низким хмурым небом. Печалются поля. Чернеет лес. По гривам пахучих бурьянов с шумным чечеканьем пересыпаются реполовы и воробьи. Иногда заведет па неделю мелким холодным ситником, и он кропит, сеется б перерывами, не буйно, не сильно, не так, как летом,— то перемежаясь со снежной крупой, то слезно-слезно оплакивая поле и дали. В осеннее ненастье вполне можно ходить в лесу и в полях. Никогда не вымокнешь до костей, лишь слегка потемнеет одежда на плечах. Зато какой ясный запах увядания стоит в мокрых березовых кустах опушки, как свежо дышится в поле, как горит лицо, охлажденное ветром ненастья... В такие дни сгонишь где-нибудь в бурьяне на непропаханной залежи белобрюхого зайца или даже полярную сову — белое привидение молчаливой тундры. Однажды я заметил ее, когда шел по вырубке к полю. Сова сидела на большом березовом пне, странным образом дополняя его, сливаясь с ним. Она подпустила довольно близко, в меру выстрела, но я был без ружья и только с завистью поглядел па изумительную, неправдоподобно светлую птицу, легко слетевшую на широких белых бесшумных крыльях. Почти тотчас согнал я стайку рюмов. Оли поднялись с обочины поля со своим характерным тоскливым писком. Не знаю, что заставило их подпустить меня шагов на пять. Может быть, они западали в траве, боясь лететь на виду у совы. Но вряд ли такие крупные хищники смогут поймать рогатого жаворонка, летающего быстро и ловко. Скорее, они одновременно прибыли из засыпанной снегом тундры и случайно оказались вместе.

Специальной ловли рогатых жаворонков нет. Они попадают на полевых точках и в огородах, где ловят осенью щеглов, зеленушек и коноплянок. Но если имеется приманный спокойный рюм, ловля может быть удачной. Рогатых жаворонков никогда не возьмешь много. Два-три за утро — уже большая добыча, потому что пролетают они редко и как-то незаметны, все время держатся невысоко над землей.

Песней рогатый жаворонок не может похвалиться. Она короткая, бедная красивыми звуками и поется негромко. Наверное, потому мы встречаем рогатых жаворонков лишь у редких любителей. В большом садке и вольере рюм очень приятен своим необычным видом, яркой окраской и торчащими «рожками». Птичка презабавно поднимает и опускает «рога». Этот жаворонок любит сидеть на камнях, кочках и пеньках — вот почему в вольере оборудуется уголок по его вкусу. В клетке обычной, жаворонковой, с мягким верхом, нужна хорошая жердочка — рюм садится на

жердочки не в пример другим жаворонкам — и небольшой камень. На Дно сыплют песок. Подвесная купалка но обязательна. Корм рогатому жаворонку — обычная зерновая смесь и соловьиный суррогат из моркови и муравьиного яйца (половина на половину). Мучных червей ест хорошо, но давать их не более 5 штук зимой и до 10 — летом.

Скворец

По своей известности может поспорить с полевым жаворонком. Скворца знает и стар и млад, а потому я не буду описывать его внешний вид. Миллионы скворечников ежегодно вывешиваются в городах и деревнях, и это отлично подчеркивает народную любовь к черной, желтоклювой полудомашней птице. По скворцам замечают приход устойчивой весны. Скворец в скворечнике — последний гвоздь во всяком хозяйстве, претендующем на полную чашу. Считается, что скворец очень полезен. Я не буду пускаться в длительные рассуждения о вреде и пользе, хотя замечу, что скворцы не абсолютно полезные птицы. В массе своей они питаются дождевыми червями, весьма нужными преобразователями, рыхлителями и удобрениями тяжелых почв.

Скворец на Среднем Урале появляется очень рано, иногда в 20-х числах марта. Самая ранняя дата — 24 марта 1951 года. Первые прилетные скворцы редки и незаметны. Еще кругом лежит синий тающий снег, слепят с пригорков витые ручьи, бока земли мокры и холодны, пар не курится над ними, как в теплом апреле, а мартовское небо — прозрачный холодно-пустой океан... И вдруг на голубом от ветхости скворечнике появляется черная, непривычно большая в сравнении с приглядевшимися воробьями, ладная птица. Первым долгом она хлопотливо нырнет в жилище, точно жадный хозяин, боящийся за свое добро. Цело ли? Вылезет, посидит на крышке как бы в раздумье и снова заберется, теперь уже надолго. Нет скворца и нет. Подойдешь поближе. А вот он! Желтый клюв высунул в леток. Сидит. Едва видно голову. Кажется, скворец говорит: «Ну, братики, дома... Теперь уж глазам верю... Дома».

И радуешься, что опять он тут. И отношение к скворцу такое же, как, скажем, к давно потерявшемуся и вдруг вернувшемуся коту.

Знать, потому, что скворцы сходят за домашнюю птицу, их редко ловят и редко держат в клетках. Однако у завзятых любителей, не гоняющихся за высоким классом песни, скворец относится к числу любимых птиц. К человеку он привыкает очень хорошо. Нестарые птицы быстро перестают дичиться, скоро берут всякий предложенный корм, преимущественно дроздовый, кашу, хлеб в молоке, червей. Все скворцы отлично едят молотое мясо, сырое и вареное, а мучные черви — для них особое лакомство, которое надо давать понемногу.

Редкие охотники ловят скворцов с прилета, пока они не загнездились, скворечником-самоловом

или сетью па прикормку. Они высматривают места, где пролетный скворец держится иногда огромными сотенными стаями, поначалу состоящими сплошь из одних самцов. (У скворцов самки всегда с пестринами, в то время как самцы весной чисто воронье с зеленым глянцем по зобу и голове.)

Нетопкие болота по окраинам городов, берега рек и озер, навозные кучи в поле — любимые обиталища, где пасутся с весны шумные скворцовые ватаги. Я уже говорил, что сперва прилетают только скворцы-старики. Примерно через неделю пойдет валовый стайный пролет. Еще через несколько дней являются самки и отставшая молодежь. В иные весны скворцов бывает исключительно много (например, 1940, 1951, 1956, 1964 годы), в другие — довольно мало, так что на один занятый скворечник приходится по десятку «пустых», заселяемых полевыми воробьями. В клетке скворец на правильном корме — очень долговечная птица. Двадцать, двадцать пять и тридцать лет живет он без видимых признаков старения у заботливого хозяина. Скворец — пересмешник. Он чисто и точно копирует многие домашние звуки, вплетая в свою скрипящую песню и лай собак, и мяуканье кота, и скрип дверей, и щекотанье сорок, кудахтанье кур, бой степных часов. Изредка некоторые способные птицы могут выучить несколько слов. Учить скворца надобно годами, каждый день перед кормежкой, утром и к вечеру, повторяя нужное слово в одном тоне. Легче берет скворец слова с шипящими согласными, вроде: черный, черныш, скворка, кошка, иди прочь и т. п. Произносит их птица не чисто, а всегда с прищептыванием, прищелкиванием, хотя достаточно ясно и забавно. Надо ли писать, что скворец отлично перенимает голоса птиц: колена певчего дрозда, свист иволги и чечевицы, выкрики куличков есть почти у каждого старого скворца, и тем ценна его песня. По качеству пения хороши болотные и лесные скворцы, то есть живущие возле болот или (редко) гнездящиеся в дуплистых ольхах, ивах, липах по речным уремам. Тут они набирают в песню множество отличных колен.

Я никогда не был любителем скворцового пения и, тем более, не жаловал скворцов за постоянную сырость и грязь в их клетках. Птицы эти очень любят купаться, постоянно полощутся, как утки, выплескивают всю воду, опрокидывают все чашки и кормушки. Это обстоятельство надо учитывать любителю и ставить скворцам посуду тяжелую или закреплять ее. Надо закрывать надежно дверки — скворец быстро научается отгибать любую задвижку. Клювом своим он работает необычайно искусно, то подсовывая его под любые предметы и быстро раскрывая, подобно ножницам, то стучая, как дятел. Скворцы очень смиренно живут вместе с другими птицами в садках и вольерах, но, по-моему, куда лучше они на свободе, живущие у вас на дворе, взахлеб и хрипло высвистывающие по скворечникам от зари до зари. Чтобы они гнездились у вас постоянно, заметьте несколько важных правил устройства и подготовки скворечников.

Домик должен быть плотным и с толстыми стенками, чем толще, тем лучше. Сколачивать его надо крепко на пакле по швам. Тонкостенных и, тем более, фанерных домиков птицы избегают.

Добротная дуплянка, выдолбленная из целой колоды или половинника, еще лучше. Не красьте скворечен и не делайте у летка никаких крылечек

и перил. Вешайте скворечник повыше и крепко, чтоб не болтало ветром. Леток должен быть направлен к востоку. На зиму скворечник снимайте и вешайте снова за неделю до прилета, то есть двадцатого марта. Шест обейте листом железа, чтоб не лазали кошки. Никогда не делайте рядом двух скворечников. После вылета птенцов, нескладных и пестро-пятнистых, скворцы сразу же покидают гнездовья, уходят в поля и в стаи. Здесь они живут полуоседлой жизнью, сбиваясь иногда в огромнейшие многотысячные стаи. Целый день скитаются скворцы по пашням, по бережьям мелких степных озер, на сохнувших грязях. Тут они едят всякую водяную живность, вроде личинок стрекоз, поденок, мотыля, жуков. К ночи они слетаются в камыши. Мне приходилось видеть, как стаи скворцов, буквально закрывающие солнце, с шумом, подобным урагану, садились и садились в камыши на закате.

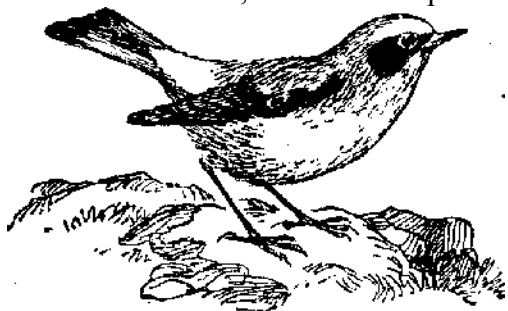
В сентябре скворцы отлетают. Перед отлетом они часто кружат над полями на большой высоте, согласно переливаясь крылышками в бледной синеве предосеннего неба. Интересно, что некоторые пары возвращаются к своим скворечникам и день-два поют тихонько. Отдельные скворцы задерживаются очень долго, до выпадения первого снега. Так держалась осенью возле нашего дома в саду самка-скворчиха с двумя молодыми. Последний раз я их видел 28 сентября. Однажды так же поздно видел я трех скворцов в стае дроздов рябинников и белобровиков. Шел снег вперемешку с дождем, дрозды кормились мелкими яблочками в городском сквере. Скворцы

сидели вместе с ними нахохленные и мокрые.

Каменка

На зарастающих бурьяном пригородных пустырях, возле свалок, каменоломен и заброшенных карьеров почти всегда можно вспугнуть в летнее время некрупную птичку. Станным, как бы порхающим полетом летит она прочь над самой землей. Отличительная черта птицы — яркое белое пятно-надхвостье, сразу бросающееся в глаза. Отлетев немного, птичка садится на камень, пень или грудку мусора, поворачивается к вам и начинает заодно кланяться, дергать хвостом. Это знакомая многим каменка — птичка из породы дроздовых, близкая к луговым чеканам.

В мае раздается более чем скромное скрипучее щебетание, с которым самец иногда взлетает в воздух подобно лесному коньку. Он поет поблизости от гнезда, помещенного в грудку камня, в скалистой осыпи, обломках кирпичей — не даром птичка называется каменкой.

Веселая и любопытная, она изредка попадает в сеть птицелова, но для любительского содержания не годится. Почти всегда, подержав каменку с неделю и наглядевшись на ее грациозные поклоны, которые птичка отвешивает с испугу чуть ли не все время, я отпускал ее с миром, что и советую делать всякому, кто поймал каменку. Песни от самца каменки раньше чем к следующей весне вы не дождетесь, а хлопот с пей не меньше, чем с соловьем, и корм тот же, соловьиный. Песня каменки немногим краше воробьиного чириканья, смешанного со щебетанием ласточки,

Дубонос

Как-то еще в детские годы я был сильно озадачен, увидев на яблоне-китайке в соседнем саду трех необыкновенных птиц. Они казались побольше снегиря и были короткохвостые. Очень нарядное розоватое оперение и коричневые беретки на больших головах были мне незнакомы. Но самое удивительное — клюв толстенный, широкий, округлый, голубого цвета.

— Ах, какие птички! Вот бы поймать! — от волнения

У меня пересохло в горле.

Птички перелетели с яблони на старую черемуху и клевали засохшие ягоды. «Чик, чик, щелк» — раздавались сухие щелчки от расколотых косточек. Я не сводил с птиц восторженного взгляда, пока они не слетели разом с пискливым протяжным цыканьем. Чудесные незнакомцы запомнились мне надолго, но потом я их нигде не встречал и почти забыл. Лишь уже будучи взрослым и всерьез занимаясь птицами, я сделал открытие — ведь это были дубо-

носы. Еще два десятка лет назад дубонос считался для Среднего Урала редкой залетной птицей, но в послевоенные годы, когда везде начали разводить сады с яблонями и вишнями, дубонос стал обычен. Ежегодно выводки крепкоклювых «костогрызов», как зовут дубоносов на Украине, до глухой зимы шатаются по садам, паркам, зеленым зонам и кладбищам. Везде, где растет бузина и рябина, где остались мелкие мороженые яблочки и засохлая вишня, можно увидеть кормящихся неповоротливых дубоносов. Они летают на городские улицы вместе с хохлатыми розовыми свиристеями. Они устраивают набеги па яблони и в одиночку. Даже в декабре, когда кругом

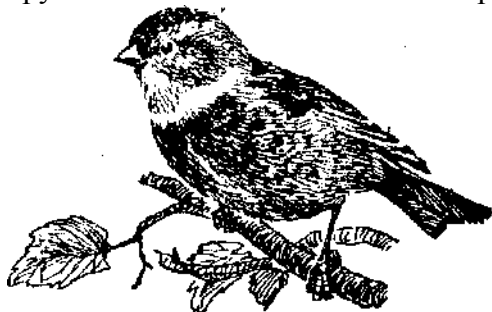
метровые сугробы, местные птицеловы приносят па рынок дубоносов, пойманных обычной западней, и продают их мальчишкам. Серьезный любитель избегает дубоносов. Их можно содержать лишь ради красивого оперения, ибо пение Дубоноса не может быть даже названо таковым. Тихий скрип, чириканье и какое-то бульканье никого не приведут в восторг. Еще благо, что дубонос поет немного. Обычно он важно сидит на жердочке, строгий, внушительный, с каким-то секретарским, чиновничьим видом. Мне он, например, всегда напоминает коллежского асессора из петровской юстиц-коллегии. Желтоватые глаза дубоноса никогда не меняют своего строгого выражения, а внушительный клюв дополняет впечатление озабоченной напыщенности.

По-видимому, дубонос — вредная для садов птица, питающаяся мякотью, косточками и семенами из плодов и ягод. Он лушит горох и подсолнухи, с треском колет вишневые косточки, в глухозимье кормится на мелкоплодных яблонях-сибирках, как свиристель. Ест он и почки плодовых деревьев. Степень вреда и пользы дубоносов пока не выяснена, но едва ли она слишком велика, ведь дубонос нигде не многочислен. Вообще эта крупная птичка очень скромна, тиха и незаметна. Иногда только тихий писк выдает присутствие сидящих в яблонях дубоносов, а увидеть их можно лишь приглядевшись. Поймать большеклювых красавцев нетрудно. Зимой и осенью в том саду, куда повадились летать дубоносы, ставят обыкновенную мальчишечью западню с прикормкой из орехов, семечек, конопли и ягод. Кормящиеся птицы, особенно молодые, часто попадают. Еще лучше идет ловля, если есть проданный Дубонос. Здесь успех обеспечен полностью. Пойманному Дубоносу нужна обычная клетка первого, а лучше второго номера, без мягкого верха. Осваивается птица быстро, но ручной почти никогда не становится и всегда недоверчива к хозяину. Корм, состоящий из зерносмеси с включением в нее овса, семечек, кедровых орехов и ягод, принимается сразу. Летний корм тот же, с добавлением 2—3 мучных червей и обильной зелени. Любит грызть и точить березовые, яблоневые и липовые пруты, очищая их добела, Дубонос может прожить в клетке до 20 лет. Даже в наших зоопарках, где условия содержания певчих птиц далеко не лучшие, дубоносы жили десятилетиями.

Особенно надо предупредить охотников, которые берут птиц при пересадке в руки, что дубоноса надо ловить с полотенцем или мешком. Иначе своим мощным клювом он прокусит кожу, как сахарными щипцами, или оставит синяки. Удивительно, что, живя в общих вольерах и садках с мелкими птичками, «коллежский асессор» никогда не пускает в ход свое страшное оружие и не обижает никого. Но птички все же побаиваются дубоносов и уступают им место у кормушки.

Реполов, или коноплянка

По своей прекрасной минорной песенке реполов только жаворонку уступает. Есть в ней и богатые высвисты, и отличные россыпи и даже нечто похожее на соловьиное щелканье, соловьиную дробь. Такое пение в соединении с очень приятным неброским, аккуратненьким видом птички делает реполова любимцем у хороших охотников. Буроватый сверху, стройный самец-реполов весной становится щеголем. Два красных, иногда пунцовых, изредка оранжевых пятна выступают круглыми печатками по обеим сторонам грудки.

Красный цвет есть у старых самцов и на темени, но там он не слишком ярок и не так заметен, как, скажем, у чечеток, близких родственников реполова. Молодые птицы и самки с грудки покрыты штриховидными пестринами по светлому, с охристым оттенком, фону.

В осеннем пере коноплянки окрашены тусклее, как почти все отлинявшие птицы. Тогда красный цвет едва виден на грудках самцов. Перья имеют седоватые кончики-настволья. Иного пойманного первогодка-самца долго разглядываешь так и сяк, раздуваешь перья на грудке, пока блеснет хоть одна рубиновая крапинка-чешуйка.

В орнитологической литературе обычно пишут, что к весне седые кончики перьев «стираются», и

красный цвет как бы проявляется. На мой взгляд, это совершенно неправильно. У самцов-реполовов даже в клетках перед весной (февраль-март) бывает частичная линька груди, где перышки с наствольями заменяются перышками без серых кончиков. Жаль только, что красный цвет у реполовов в клетках не сохраняется, а становится буроватым или желтым. Такое «переодевание» окраски с частичной линькой головы и груди бывает перед весной у самцов дубровников, тростниковых овсянок, овсянок-ремезов и других птиц.

Реполов — птица открытых мест. Никогда не водится он в лесах или садах. Он любит селиться в полях и оврагах, на мелколесных опушках по соседству с огородами и пашнями. Ему по душе бурьянные пустоши, конопляники по задам деревень, зеленые льны, залежи и всякая, как говорят в народе, летая, заросшая сорняком земля. Тут реполовы кормятся, а гнезда строят поблизости на низких сосенках, елочках, кустах можжевельника. Ельники и сосняки, густо саженные вдоль железных дорог, — самое подходящее место для гнезд реполовов.

Птички, совсем не боятся постоянно бегущих грохочущих составов. Часто приходилось видеть: идет паровоз, клубит дымом и паром, стелет его вдоль обочин, а на проводах рядом поют коноплянки и не слетают, не тревожатся ничуть.

Реполов для Урала — прилетная птичка. Он появляется рано, едва первые проталины зачернеют в полях меж сырых и грязных скипевшихся надувов. Если весна теплая, ранняя, реполовы прилетают под Свердловск в последних числах марта. А впрочем, ранний прилет птиц ' зависит не столько от сроков наступления весны, сколько от того, какой была зима. В мягкие «сиротские» зимы птички, подобные реполовам, не отлетают далеко, зимуют в средней полосе России и возвращаются раньше.

Реполов, наверное, самая миловидная птичка из всего семейства вьюрковых.. Я очень люблю слушать нежное чечеканье коноплянок, когда мелкими стайками они непрерывно летят к северу и востоку в хмурое апрельское утро. Птицы спешат, нигде не останавливаются надолго.

Покормившись едва-едва на буром тощем придорожнике, снова взмывают в воздух. К середине апреля, когда подлетят запаздывающие самки, коноплянки быстро разобьются на пары по своим участкам, непременно по соседству с полями и мелким хвойным лесом. С этого времени самец непрерывно поет, сидя на сосенке, па верхней мутовке елочки или на проводах. В погожие дни он с песней взлетает и поет над участком на лету, как жаворонок, но недолго. Он кидается на всякого самца, пересекшего границы гнездовья, и часто можно видеть, как реполовы, сцепившись, валятся на землю. Однажды такая пара драчунов свалилась мне прямо в ток, где я поджидал чечевиц. Обычно хозяин побеждает, а чужак поспешно ретируется, оставив в воздухе выдернутый пух.

Инстинктивной защитой гнездового участка пользуются птицеловы-промышленники и ловят от гнезд в западню, на реполова-самца. Такая охота не больше как варварство и браконьерство. Она должна решительно пресекаться. На птичьих рынках нельзя допускать продажу реполова позднее 15 апреля.

К великому сожалению, мне пришлось не раз убедиться, что наши егеря, лесники и даже лесничие часто неграмотные в орнитологии люди, не умеющие отличить воробья от вороны. Для таких все мелкие пернатые просто «птички», ни которых они махнули рукой, и случай поимки, а главное, наказания птицелова-браконьера — невероятная редкость. А ведь достаточно установить на птичьих рынках регулярное дежурство охотников-любителей, хорошо знающих птиц, дать им права инспекторов, и случаи браконьерства, ловли самок, нарушения сроков и т. п. можно свести к нулю.

На Урале реполов гнездится дважды — в мае и в июле. В августе-сентябре птицы линяют, понемногу сбиваясь во все укрупняющиеся стаи. Осенью коноплянки обитают исключительно в полях, на задах деревень, в огородах. Там всегда растет подле изгородей дикая конопля, лебеда, пустырник и чертополох. Часто реполовы кормятся вместе с полевыми воробьями на птичьей гречихе-муравке, обильно растущей по деревенским улицам. Очень охотно они летают на места глинистые и песчаные, старые карьеры, ямы, выработки возле кирпичных заводов, посещают засоленные осотом и сурепкой поля, залежи и картофелища.

Отлет птичек идет глубокой осенью, в конце октября.

В это время удачно ловятся коноплянки под проводами телефонных линий и на убранных полях. Однажды, в середине октября, я охотился в таком месте па картофелище. Разбил ток под проводами, построил в стороне нечто вроде огромного гнезда из картофельной ботвы и, сидя в

нем в тепле — утро было ветреное и студеное,—с большим комфортом поджидал пролетные стайки. На всю жизнь запомнился мне этот печальный долгий и темный рассвет. Редкие снежинки. Голоса чечеток, щеглов и рогатых жаворонков. Маковым зерном летящие в поднебесье отлетные станицы разных птиц. Запах картофельной ботвы и земли. И несравненная радость ожидания, когда вдруг закричат, зачечекают приманные, и вдали в суровом воздухе слышишь ответные ясные голоса. Реполовы рядком садились на проволоки, а потом дружно падали па ток, 50 Я поймал за утро одиннадцать великолепных по стати

и окраске самцов, были среди них и светлые, длинные северные реполовы и более яркие, короткохвостые, местные. Самок и молодых я выпускал тут же, не считая. Удачнее охоты у меня никогда не было.

Любителю пения Коноплянок всегда трудно подобрать хороших птиц, несмотря на то что реполов вовсе не редкость на птичьих рынках. У этой птицы есть много пороков и особенностей, затрудняющих выбор. Во-первых, все реполовы пугливы и такими остаются, прожив в клетке годы. Более спокойными бывают птицы молодые. Реполов никогда не привязывается к человеку и не возвращается в клетку, как делают это часто выпущенные на волю чижи или щеглы. Реполов не берет корма из рук. В клетке некоторые птички постоянно машут крыльями, приплясывают на жердочке или загибают голову к хвосту (дефект неустранимый). Такие реполовы неприятны, их надо немедленно выпускать, толку от них не будет.

Надо учесть и особенности песни, ведь есть среди коноплянок виртуозы, не уступающие жаворонкам, а есть посредственные певцы.

Вот и получается, что из десятка добрых ярких самцов выберешь себе пару, тройку, остальных выпустишь. Пара хороших реполовов, не диких и голосистых,— большое достояние. Любители дорожат ими и берегут их.

Из всех зерноядных птиц коноплянка наиболее капризная, слабая. У неумелых и нерадивых охотников она почти всегда гибнет в первые месяцы. Неопытные любители склонны приписывать гибель птиц чуть ли не сверхъестественным силам. Был в Свердловске такой старый птицелов и любитель. К его мнению прислушивались, а он говорил так:

— Птица, ояа к дому, значит. Вот у меня все хорошо живут, а репол да клест — никак. Сколь ни держал, проживет неделю-две, натотуршится и изгибнет. Не к дому; птица... Вот, значит, как. Секрет содержания реполовов раскрылся мне после многих мучительных разочарований. Случалось, что прекрасные певцы, за которыми я ухаживал самым тщательным образом, вдруг начинали хохлиться и быстро гибли.. Оказалось, все дело в корме, а главное, в режиме кормления. Реполов — птица полевая, питающаяся тощенькими; семенами сорняков. Грубые, но вкусные масляные семена конопли и подсолнуха, которые он выбирает из смеси, вызывают у него расстройство пищеварения, воспаление кишечника и гибель. Реполова надо содержать на смеси: просо, лен, сурепка, салат, конопля. И эту смесь давать не один раз «навалом», когда птичка объедается на выбор, а два раза в день малыми порциями, чтобы реполов был чуть-чуть впроголодь или по крайней мере съедал все семена — и лакомые, и не очень вкусные. Весной хорошо давать часть пророщенных семян.

Тощенький корм и нормативный режим — полная гарантия, что реполов проживет многие годы, будет здоров и весел.

Правило содержания это применимо ко всем птицам и особенно к чечевицам, зябликам, овсянкам. В летний корм реполову дают обильную зелень мокричников, одуванчик и птичью гречиху с полужрелыми семенами. Безусловно и всегда нужны в клетке песок с глиной, известь, малая толика соли.

Запеваает реполов при правильном уходе скоро: весной — через неделю, осенью — через две.

Поет много, до восьми месяцев в году, с небольшими перерывами. Клетку надо вешать поближе к окну (полевая птица!) и по возможности не перемещать.

Птицы вообще не любят частой смены клеток и перестают петь.

Щегол, или щегленок

Такой яркой, расписной птицы и в тропиках не скоро сыщешь. Любители экзотического постоянно вздыхают о попугаях, а ведь, по правде говоря, щегол много красивее, пестрее, необычнее окрашен. Белый, конусом, сильный клюв, красная лента-обводка, черный крестик на темени, коричневые пятна на грудке и желтые, словно кадмием прописанные зеркала на черных

крыльях — все это в сочетании с общим белым фоном делает щегла наряднейшей из птиц, настоящим щеголем, откуда, видимо, произошло его известное народное имя.

Щегол — птица городских окраин, перелесков и лесостепи. В самых больших количествах встречается он тут. Чем дальше на север Урала, в леса, тем меньше щеглов, зато к югу и востоку, под Каменском-Уральским, Камышловом, Челябинском и Тюменью, видел я осенью тысячные стаи щеглов, кочующие по деревенским околицам. Главные кормильцы щегла — конопля и репейник — растут здесь большими полосами. Их дополняет лебеда, высокий чертополох-татарник и седая полынь. Масса птичек кормится здесь па пролете — зяблики, зеленушки, снегири, но щеглы всегда как-то заметнее, слышнее прочих. С веселым стеклянным «пи-пить-пить, попить» перелетают они по репейникам, легкие, воздушные, беленькие, вспыхивающие желтыми искрами зеркалец. Одни перекликаются, другие поют, третьи стрекочут и ворчат, и все так весело, живо — залюбуешься. Проплывет над бурьяном ястреб, редко взмахивая острыми крыльями, и тотчас стихнет перекличка. Что это? Исчезли щеглы! Нет ни одного. Лишь подойдя близко, можно увидеть неподвижно сидящих птичек — так растворяется в грязном тряпье сохнувших лопухов их яркая «камуфляжная» окраска.

Щегол никогда не гнездится в глухом лесу. Береза посреди деревни, тополь на окраине, темная липа в тихом саду — тут строят щеглы свое укромное, отлично сплетенное гнездо. Как все мелкие певчие, щеглиха насиживает две недели, и столько же времени птенчики остаются в гнезде.

Подобно реповолу, щегол выводит птенцов дважды в лето. Сероголовые, без черного и красного, молодые выглядят необычно, словно какой-то птичке, вроде реповола, пришиты щеглиные желтоперые крылья и черный хвост. В августе-сентябре мелкое перо головы облиняет, появится красная лента у клюва, черный крестик на темени, щеглы, как говорят птичники, «переберутся» и станут полностью похожи на взрослых птиц, лишь чуть-чуть тусклее тоном. С годами яркость и чистота окраски повышается. Здесь уместно будет сказать и о том, почему незнающие любители часто жалуются:

— Купил щегла, уж чем только ни кормил, а не поет, целый год прожил — песни нет...

— И не будет, — скажет опытный охотник, едва взглянув на такого щегла.

Дело в том, что куплена щеглиха, то есть непоющая самка. Самки щегла почти точь-в-точь похожи на самцов, и этим пользуются на рынках ловкачи-промышленники, сбывая свой товар. Как же отличить щегла-самца? Вернейший признак — общая чистота, яркость и четкость всех тонов окраски. Кроме того, самец крупнее, большеклювее, черный цвет на голове у него без проседи, черная уздечка вокруг клюва ясно видна и есть мелкие волоски, называемые «усами».

Щеглиха всегда меньше, тусклее, крестик на темени у нее выглядит черно-серым.

Ловят щеглов в основном сетью, но в зимнее время можно и западнями. Так делается на перелёте, в поле. Возле сети для спуска ставят снопики репья и конопли, предварительно околоченных и вылущенных. Подтайнички с проданными щеглами не маскируют. Прикормка и вода даются обычно. В зимнее время щегол хорошо идет на коноплю. Стая щеглов, заслышав проданных, непременно завернет к току, сядет на репьи, но не найдя семян, один по одному спустится на ток. Тут уж нужны терпение и сноровка, чтобы покрыть чисто. Потом надо отобрать нужных самцов, а самок выпустить.

Принесенные домой, рассаженные по клеткам щеглы долго дичатся и месяц-два не поют. Но с января начинают понемногу «разговаривать». А в феврале запевают в полный голос.

По песне они сильно различаются, и лучшими будут старые самцы с широкой лентой, захватывающей иногда пол головы, В их пении пет трескучих колен-помарок. В па-боре первоклассного щегленка должны быть горчащие зябликовые колена, как бы великолепное вибрато, взятое искусным солистом.

На Урале, да и по всей средней полосе, попадаетея щегол трех разновидностей в окраске.

Крупный, светлый, с едва заметными коричневыми пятнышками на чистой груди и алой полосой в полголовы — «северный», как называют его охотники, попадаетея исключительно редко. Лет тридцать назад, еще мальчиком, поймал я такого щегла в обыкновенную западню. Дело было в январскую оттепель в пасмурный тихий день. Я ловил щеглят дома, в огороде по репейникам. Пробравшись в убродном снегу по пояс до ветхого забора, я повесил западенку и едва вылез обратно, как услышал щелчок западни. Этот щегол-великан умудрился попасть в западню так, что защебил и выдернул хвост. Но даже и куцый был он необычно яркок, бел и велик. Песня у него

была исключительно звучная и разнообразная. Подобный же крупный щегол жил у меня пять лет, прекрасно пел, а когда я его выпустил, целый месяц ежедневно возвращался ночевать в свою клетку, висевшую отворенной на березе в огороде.

Такие возвращения совсем не редкость. Возвращаются в клетки и щеглы, и снегيري, и чижи. Из насекомоядных особенно часто зарянки, варакушки, соловьи, синицы-московки. Они отлично опровергают сентиментальные вздохи на тему, что «птичке ветка дороже золоченой клетки». Можно даже с уверенностью сказать — хорошая клетка большую часть года лучше голодной ветки.

Другая разновидность щеглов называется «березовики». Это щеглы средней величины с белыми пятнышками под клювом. Ничем особенным по песне они не знамениты, но попадаются не часто. И, наконец, идет обычный мелкий и средний щегол, которого можно назвать полевым. Меж ними хорошие певцы бывают на полусотню один, а остальные поют, что называется, более или менее. Молодые щеглята-первогодки всегда поют скудно, трескуче и однообразно. Видимо, на этом основании существует еще один разбор щеглов по белым пятнам в хвосте на четвериков, шестериков и восьмериков. Чем больше пятен, тем щегол считается лучше. По-видимому, число пятен меняется с возрастом, тогда же закономерно улучшается песня.

Как большая редкость попадает под Свердловском сибирский седоголовый щегол, без черного крестика на голове. Один такой щегол (самка) жил у меня зиму до весны и был выпущен в мае 1956 года. О достоинствах песни этого некрупного щегленка судить не берусь, но, говорят, она хуже обычного.

Содержание щеглов самое простое. Птичка эта бойкая, крепкая, выносливая. Для начинающих любителей — сущий клад. Клетка нужна 1—2-го номера, обыкновенная. Корм — смесь из семечек, овсянки, проса, конопля и репейного семени с добавлением тертой моркови. Любит щегленок кусочки яблока, белый капустный лист, вареный картофель. Летом нуждается в большом количестве зелени и добавке мягкого корма, пророщенных семян подсолнуха, репы, проса.

Получая достаточное и разнообразное питание, обжившийся щегол поет в клетке почти круглый год, кроме периода линьки, и может прожить до 12—15 лет, что значительно дольше жизни той же птицы в вольных условиях.

В больших садках и птичниках щеглы могут гнездиться. Для гнезда делается чашечка из шпагата, волос, пера, соломы. В клетку ставится сучок березы, а сверху кладутся березовые ветки с листьями. Ветки предварительно нужно подержать в банке с водой.

Зеленушка

Вместе со щегленком, дубоносом и реполовом может быть отнесена к тем птицам, которые любят окультуренные ландшафты. Всякие пригородные лески, парки с засыхающими сухихвершинами соснами, железнодорожные зоны, окраины поселков и околицы деревень — типичные места, где водятся зеленушки. Резкое «ижжж-ж-ж», составляющее часть пения зеленушек, слышно иногда и на городских улицах с вершин высоких деревьев. Для Среднего Урала зеленушка — пример птицы, недавно распространившейся, особенно по Зауралью. Еще два десятка лет назад она была редкостью под Свердловском, теперь же ее знают все мальчишки-птицеловы. На Урале зеленушку именуют по-разному: зеленка, крапивник и даже «колотень». Последние два названия явно по недоразумению.

Внешний вид этой постоянной спутницы щеглов сразу запоминается. Птичка с крепким конусовым клювом, размером с воробья, самцы желто-зеленые с грудки и тусклые, сероватые сверху. Самки и молодые бледнее. На крыле есть желтое зеркальце, как у щегла. Зеленушка близка к щеглу. В природе известны помеси этих птиц.

Специальной ловлей зеленушек никто не занимается. Они попадают случайно при ловле щеглов и реполовов. Пренебрежительное отношение к зеленушке основано на том, что она весьма капризна в смысле пения — то поет исправно месяц и два, то замолчит на полгода. Качество же песни, за исключением жужжащей трели в конце, вполне хорошее. Но это резкое, неблагозвучное «жжжии» заставляет отнести зеленушку к четвертому разряду. Птицеловы и любители европейской части

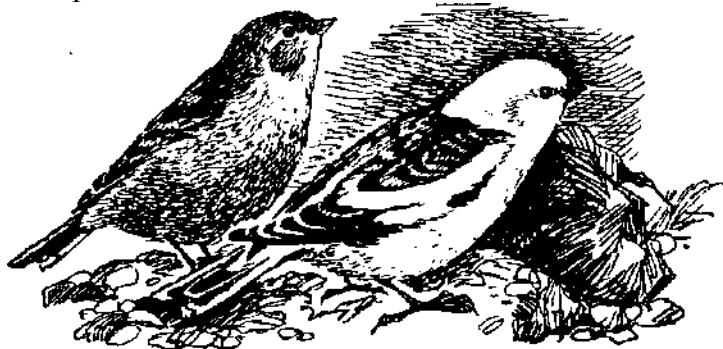

Союза называют зеленушек лесными канарейками. Название, безусловно, искусственное, ибо ничем зеленушка не подобна канарейке, разве что некоторым сходством в окраске.

Во всем остальном: питание, размножение, корм и все правила ловли и содержания — зеленушка не отличается от щегла. Как щегол, она любит бурьяны и кромки полей; как щегол, она лишь кочует в зимнее время, но не является перелетной птицей; как щегол, дважды выводит птенцов, по гнездится на хвойных породах, которых щегол избегает. В отличие от щегла она никогда не образует таких сотенных и тысячных стай, а всегда держится выводковыми группами по 3—5—8 птиц.

Пуночка, или снежный подорожник

В начале марта бывают деньки, когда уже сильно пахнет весной. Темнеет снег, слепит солнышко, хрустальная капель, сверкая и вспыхивая, хороводит по крышам. Бахаются, раскалываются па куски ледяные редьки недолговеких сосулук, в солнечном небе томятся притихшие тополя. Это в городе. А на полевых желто-гладкоукатанных дорогах, еще не тронутых горячим лучом, вспугнешь вдруг стаю красивых белых птичек, словно бы маленьких голубков. Белоголовые и белогрудые, они взлетают пугливо и дружно, но скоро снова падают на дорогу, бегут по ней. «Подорожники прилетели!»— скажешь себе и про себя поймешь, что скоро уже водополье, веселая пьяная весна, когда все зазвенит, заискрит ручьями, запахнет теплом и землей. Птиц же так и называют подорожниками, или пуночками. Сейчас летят они на север, в тундру. Наша даже самая суровая зима для них не в тягость. А в теплую малоснежную зиму большие стаи подорожников колотятся вместе с обычными овсянками по сдувам, гумнам,

кладям соломы и овсяных Снопов. Они летают по рекам, где проходит зимний санный путь, и по озерам, где сидят армии рыбаков и остается много крошек, кусков хлеба, мерзлого мотыля и мормыша. Этот даровой корм птички находят с удивительным проворством. Вообще пуночка, несмотря на грузноватый голубиный склад, птица очень живая и подвижная. Стая снежных подорожников — самое приятное зрелище: летят белые птички над зимней дорогой, над бело-голубой чистотой, и вот уже не видно, не слышно их, словно растаяли, растворились. Еще четверть века назад я наблюдал сотенные табуны пуночек, скитавшиеся в марте и начале апреля по городским окраинам. Они не были редкими в самом городе, и подчас можно было видеть их на почерневшей мокрой навозной мостовой вместе с грязными городскими воробьями, клюющими овес. Сейчас лошадь уже редкость на улицах города, и не стало пуночек. Теперь лишь дважды в год, осенью, в начале ноября, и весной, в марте-апреле, можно иногда встретить пуночек поодиночке, мелкими стайками или в компании красивых рогатых жаворонков и скромных лапландских подорожников. Подчас пуночки летят в тундру очень поздно, как, например, было весной 1960 года. Большая партия этих свежепойманных птичек продавалась на рынке 28 апреля. Специальной ловли пуночек почти нет. Птичка не известна большинству

птицеловов, но завзятые охотники знают и любят ее за красивое оперение и смирный добрый нрав.

Я испытывал всегда особенную любовь к овсянкам и подорожникам, дорогим птицам нашей печальной осени и робкой весны. Мне нравятся все эти птички за их красивый полевой облик, выгодно отличающий их от примелькавшихся в клетках снегирей и щеглов. Наверное, поэтому я охотился за пуночками, не жалея времени.

Я ловил их по кромкам овсяных полей, у кладей соломы и на некоторых проселках, устраивал заранее обильную приваду. Если есть приманная птица, ловить хорошо. Без нее труднее, но зато и намного интереснее накрыть пару, тройку черно-белых контрастных самцов. Обычно на санной, не очень уезженной, тихой дороге я высыпал кило-грамм-два подходящего корма — овса, проса, конопля и сурепки. Делать прикорм надо всегда после выпадения первого снега. Когда все поля и жнивья побелели, заголубели, птички быстро находят корм и привыкают летать на него, пока не съедят дочиства. Хорошо также набросать у прикорма охапки соломы — подорожники любят на неё садиться и бегать по ней. Дней через пять я отправлялся на охоту, расколачивал на прикорме сеть и устраивался ждать в бурьяне, в шалашике, а то и просто притаюсь за скирдой обмолоченной, светлой, нежно пахнувшей снегом и ветром овсяной соломы. Прислонясь к ее колючему, шуршащему боку, стоишь, зябнешь потихоньку, поджидая желанных северушек. Летят над полем стаи тундровых запоздалых коньков, проносятся дружные станички острокрылых свиристелей, большой дрозд трещит и чакает на лиственнице у лесной обочины поля. Низко и плавно летит сорокопуд, высматривая мышей и полевок. А иногда надолго затихает все. Лишь шорох снежинок о солому. Снег, снег с темноватых облаков, белый, нежный, зимний свет на все четыре стороны и черная уютная опушка одышка за полем. Как же хорошо, просторно, свежо на душе от этого мягкого снега и осеннего позднего ветра, переметающего снежинки сетчатой грустной метелью. Вдруг слышишь короткие знакомые звуки. Весь встрепенешься! — Летят! Бот они — белыми голубочками на сером. Падут или пролетят? Снижаются. Развернулись дружно, мелькнув черными крылышками. Сели- Рассыпались. Замерли. И не видно стало — так слились со снегом. Но вот задвигались, побежали, снуют у тока. Рука со шнуром напряглась. Сердце вот выскочит! Ждешь, когда сбегутся кучнее, и дергаешь веревку.

До чего же мила теплая, по-северному наряженная птичка. Все пуночки различны пером: одни — чище, белее, другие — с рыжинками на голове и груди (те, что помоложе), у некоторых рыженькое ожерелье, вроде как у дубровника, только посветлее. Эти самые красивые. С поимки пуночка диковата, но каждая, конечно, и всегда из трех-пяти покрытых выберешь одну, а то и двух смирных, красивых. Их-то и надо оставить. Старый дикий самец пуночки не скоро запоет. Подержать в клетке парочку снежных подорожников — истинное удовольствие для тех любителей, кто не гонится за классическим пением. Поют пупочки довольно бедно, хотя и приятно. Их можно отнести к третьему разряду певцов с односложной песней. Зато как дорог один вид кроткой женственной северянки, такой белой, чистой, принаряженной.

Клетка пуночке нужна лучше всего длинная, жаворонкового типа, немецкая. Мягкий верх не обязателен. В клетке должен быть камень или комка. Жердочки две, толстые и шероховатые. Пуночка — птица близкая к овсянкам и к жаворонкам, как бы промежуточная меж ними. Клюв у псе совершенно овсяночный, с особым, присущим всем овсянкам зубчиком. На нижней стороне, а ножки, точно жаворонковые, с длинными задними когтями. Птица любит бегать по земле и на местах гнездовья держится в сухой каменистой тундре.

Корм пуночки: давленный овес, овсянка, конопля и зерносмесь наполовину с мягким соловьиным кормом¹, 2—3 штуки мучных червей. Летний корм тот же, с добавлением муравьиных яиц и рубленой зелени.

Поют пуночки немного, как и все овсянки: апрель, май, июнь. В июне начинается линька, и птички теряют свой прекрасный белый наряд в клетке, он заменяется осенней окраской с рыжинами и пестринами. У самцов снежного подорожника в феврале еще дополнительная брачная линька головы, но в клетке на неподходящем корме ее может и не быть.

Лапландский подорожник

Значительно реже попадает под сеть и совсем не известен рядовым любителям другой вид подорожника — лапландский. Как и пупочка, он тоже бывает на осеннем пролете по дорогам, обочинам полей, окраинным огородам. Но «лапландец» менее заметен, может быть, по малой

численности в стаях и не столь видной окраске. Этот северянин одет в буро-ржавое перо под цвет тундры. Он меньше пуночки, па голове и горле — черное пятно. Задние коготки такие же длинные, как у пуночки.

¹ Описание соловьиною корма дано в разделе «Основные правила содержания певчих птиц».

Лапландских подорожников ловят при случае в поле. Они попадают вместе с пуночками, краснозобыми коньками, сибирскими завирушками и рогатыми жаворонками обычно в конце апреля и осенью, в октябре, начале ноября. Все, что сказано о жизни пуночки, относится и к лапландскому подорожнику. Гнездится он в каменистой горной тундре, по осыпям пологих полярных хребтов, на альпийских лужайках. Здесь он многочисленнее пуночки, и везде раздается его громкий однообразный напев. По песне птичка не может быть отнесена к хорошим певцам и содержится только редкими охотниками, что называется «для коллекции». Лапландский подорожник красив и мил в компании подходящих птиц. Однажды целую зиму жило у меня такое тундровое сообщество из двух пуночек, одного подорожника, рогатого жаворонка, чечеток двух видов и краснозобого конька. Жили птички в большом длинном садке, оборудованном под кустом лесотундры. Не скажу,

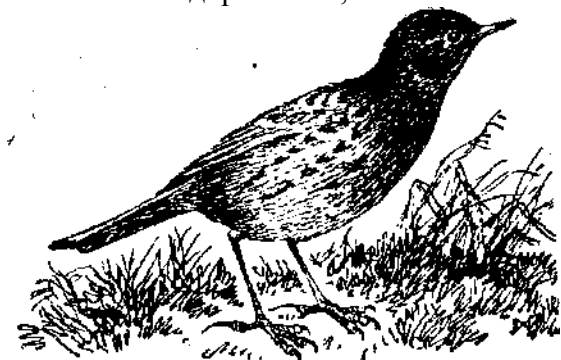
чтобы птицы много пели (время было зимнее), но они доставляли много удовольствия одним своим видом.

К особенностям содержания подорожника относится его меньшая по сравнению с пуночкой приспособленность к зерновому корму. Смесь ему надо подбирать мелкозерную, крупное зерно обязательно давить; мягкий корм, морковь, хлеб и распаренное муравьиное яйцо обязательны. Осенью под Свердловском пролетает он пораньше пуночки, от середины до последних чисел октября.

Краснозобый конек и луговой конек

В конце апреля, когда уже все обтаёт, забуреет и пустые поля стоят пресыщенные снеговой влагой, начинают пролетать на север многочисленные стаи мелких птичек своеобразного облика. В полете они похожи на жаворонков, но мельче, стройнее, и хвостик у них длинный. Пойманная птичка обнаруживает очень большое сходство с лесным жаворонком-юлой, не встречающимся на Урале, и с обыкновенным лесным коньком. Зобик птички может быть ржаво-бурый (краснозобый конек) или обыкновенный охристо-серый с пестринками (луговой конек).

Оба этих мелких конька тоже тундровые птицы и добываются охотниками случайно при ловле щеглов, жаворонков и пуночек. Осенью еще большие, иногда тысячные, стаи коньков скитаются по клеверищам, засоренным полям, по межьям и пустырям. Коньки не редки тогда в огородах и на картофелищах, где собирают они мелкие, размокшие под дождями семена лебеды, крапивы, дикой конопли и подорожника, а также личинок гусениц и тлей. Надобно

заметить, что некоторые комарики, гусенички, жучки-жужелицы и бродячие пауки необычайно крепки к холоду и подчас встречаются бегающими даже по снегу в оттепельные дни. Такими

насекомыми и кормятся коньки, а также другие позднеосенние птички, отлетающие от нас последними: зарянки, синехвостки, завирушки.

Краснозобые коньки особенно часто попадают осенью. Иногда целые стаи их забегают на ток под большую сеть, настроенную на реполовов. Но крыть птичек не стоит. Пение тундровых коньков намного хуже, чем у их лесного собрата. Специально этих птиц не содержат. Но если любитель хочет подержать тундрового конька ради его изящного внешнего вида, он может руководствоваться правилами для жаворонков или для лесного конька, изложенными в разделе о певчих птицах леса.

Воробьи

Воробьи, конечно, не относятся к клеточным птицам, но по систематическим признакам — это певчие птицы, да еще из тропического семейства ткачиковых, к которому принадлежит множество ярких нарядных птиц Азии, Африки, Поскольку воробей часто и есть самая первая мальчишеская добыча, я скажу немного об этих дворовых спутниках человека.

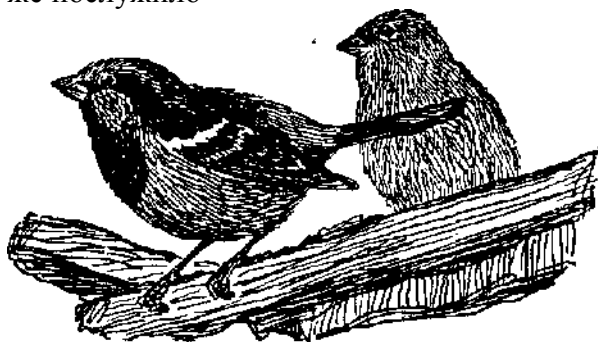
Несмотря на самую широкую известность воробьев, далеко не все знают, что в селениях живет два вида хорошо отличающихся друг от друга (особенно самцы), но одинаковых для невнимательного глаза.

Воробей домовый — самый обычный из городских, хотя и не самый многочисленный в селах, городах и деревнях. Он отличается крупным черным пятном под клювом (галстуком) у самцов и отсутствием особых пятнышек-скобочек на щеках. Эти скобочки сразу отличают другого воробья — полевого или деревенского, более распространенного на окраинах городов и в сельской местности.

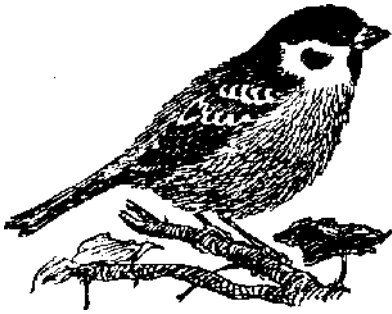
Замечу, что воробьи домовые, казалось бы, так приспособившиеся к жизни около человека, постепенно вымирают, число их сокращается год от года и уже по моей памяти сократилось в десятки раз. Тридцать лет назад я видел осенние стаи воробьев (хотя птичка эта оседлая, но осенью табуניתся), слетавшие с придорожной травы с гулом, подобным отдаленному грому.

Я помню, как, усевшись на крышу сарая, птицы размещались плотной шеренгой во всю длину конька.

Воробьи гнездились тогда под каждой застрехой, во всяком незанятом скворечнике и дупле. Что же послужило

причиной уменьшения численности воробьев? По-видимому, главное — отсутствие лошадей. Лошадь, превратившаяся в крупных городах почти в музейную редкость, — вот прежний добрый кормилец невзрачных птичек круглый год и особенно зимой. Полупереварившимся овсом и навозом питалась и грелась вся чирикающая воробьиная братия. Теперь не стало комьев навоза по дорогам, одетые в асфальт улицы и бетонные дома уже не дают воробьям ни приюта, ни места для гнезда, и вот сокращается численность вида без всяких, казалось бы, истребительных причин. Я не думаю, что домовые воробьи скоро станут редкими, как зубры, — птица эта очень изобретательна и уже понемногу приспособилась нищенствовать по бульварам, по скверам и около булочных. Она толчется везде вместе с попрошайками-голубями и урывает себе кусочки. Но не лучше ли нам вспомнить для примера Китай, где воробьев сначала полностью истребили, а потом вынужде-

ны были ввозить и охранять. Дело в том, что домовый воробей вовсе не такая вредная птица, как думают многие. Вред, приносимый воробьями при склевывании гороха и ягод, с лихвой окупается несчитанно великим количеством садовых и огородных вредителей, которых воробьи уничтожают летом. Вряд ли так полезен поселившийся на короткое время скворец, собирающий свой корм на луговинах и в полях, как прожорливая семья воробьев, с ранней весны до первого снега оглядывающая каждую огородную былинку. Посмотрите, как хлопотливо прыгают они по грядкам, как старый суровый воробей гоняется за жуками по комьям земли и, поймав, задорно подскакивает к трепещущему крыльями желторотику. Очень хлопотливы серые «дворняги», ведь за лето надо прокормить два-три выводка. А кому не придавало бодрости бойкое чирикание, когда с первым ласковым теплом воробьи клубками начнут гоняться за воробьями, и токовать, и драться, и падать прямо под ноги прохожим.

Может быть, вы просыпались раным-рано, слушали особый гомон этих птиц, приветствующих свежее новое утро, еще задолго до солнца...

Итак, бросьте им зимой горсточку крошек и зерен, воробьи заслуживают такого внимания. Далеко не столь полезен более красивый воробей — полевой. В окраинных районах он везде вытесняет домового, и за численность его нечего опасаться. В последние годы в связи с развитием садоводства и великим множеством скворечников (которые предприимчивые садоводы стали делать даже из железа!) для полевых воробьев создались прекрасные условия. Кормясь в садах и на полях, этот воробей приносит вред посевам и ягодникам, хотя и здесь вред несколько окупается уничтожением насекомых. Вопрос вреда и пользы полевых воробьев еще ждет своего научного разрешения.

Я уже сказал, что воробьев ловят только мальчишки, и сам я в раннем детстве деятельно охотился на этих птичек с обыкновенным ящиком, под который подставлялась палка с веревкой и сыпался прикорм — овес. Прячась за сараем, я азартно подстерегал немудрую добычу, смотрел, как воробьи собираются своей забавной поскочью на приваду под ящик. Дерг! Хлопается ящик, и я бегу доставать теплых, кургузых, клюющих птиц, чтобы через день-другой их выпустить и снова ловить.

Воробьи, при всей привязанности к жилью и людям, в клетке очень дики (особенно полевые). Раз заподозрив неладное, они уже не идут в ловушки за исключением молоденьких большеголовых и глупых воробушков, которые

часто попадают летом в западни на любую зерновую приманку. Содержать воробьев в клетке может, конечно, лишь чудак или мальчишка. Но если вы желаете получить ручную птичку, преданную хозяину, как добрая собака, выкормите червями и хлебом в молоке птенчика-воробья, лучше из вида до ЛЮБЫХ. Я не встречал более привязанных потешных и нахальных птиц, пожалуй, за исключением выкормышей скворцов.

Ласточки

Деревенская, городская и береговушка. В городах и селениях еще очень обыкновенны ласточки — птицы, также относящиеся к певчим, хотя содержание их, несмотря на очевидную красоту, слишком затруднительно. Ласточки — настоящие дети воздуха. К беспрестанному полету приспособлено все их стройное обтекаемое тело, крепкие острые крылья, гладкое оперение. Когда видишь ласточку в полете в белом небе, над крышами, создается впечатление, что она плавает в воздухе без усилий, — вот так же легко и невесомо плавают рыбы.

Самый обыкновенный вид ласточек — деревенская вилохвостая касатка, так любовно назвал птичку народ. Распространенная по всему сельскому Уралу, она широко известна и в европейской части и в Сибири. В городах касатку замещает меньшая по величине, более скромная в своей двухцветной окраске и с хвостом без длинных «вилок» — ласточка городская.

Наконец, ласточка береговая — еще меньше городской, с поперечной полоской по зобику — известна своими колониями по берегам рек в обрывах и, как правило, тоже близ жилья. Если два первых вида строят под карнизами глиняные гнезда-чашки, скрепляя глину клейкой цементирующей слюной, то береговушка роет норы, довольно длинные, до 2 метров. Большая колония береговушек из года в год гнездится под Свердловском на полуострове Большом Конном возле электростанции в старых зольных отвалах.

Все ласточки прилетают в мае, по установлении теплой погоды, выводят птенцов один раз и отлетают в конце августа, после стрижей. Раньше всех прилетает деревенская касатка — в первой декаде мая, за ней — городская и береговая.

Касаток я видел в клетках. Были эти ласточки выкормлены из слётков. Такие выкормыши неплохо живут в больших садках на лучшем соловьином корме. Но для истинного любителя хороше-

го пения птички совершенно неинтересны. Даже красивая касатка поет свою щебечущую песенку не более месяца, у городской же и береговой я никогда не слышал песни за исключением беспрестанного приятного чириканья, с которым они кружатся над улицами, выгонами, парками, гонясь за насекомыми - воздухоплавателями.

Ласточки дороги нам как вестники устойчивой погожей весны, тепла, близкого лета, по которому наскучилась душа. Их встречаешь всегда с затаенной радостью: припоминаются летние деньки, жары, широкие грозы, блики зарниц, теплые дождички. Какой-то приятный мир вносят ласточки в вечернюю тишину улиц. Их голоса хорошо слушать утром, спросонок. Негромкие голоса. Но к ним привыкаешь, как ко всему родному, домашнему.

А когда с первыми заморозками сбитые в небольшие стаи ласточки отлетят, с тоскливой сладостью вспоминаются проникновенные стихи старого поэта:

Взгляну ль по привычке под крышу —
Пустое гнездо над окном.
В нем ласточек речи не слышу,
Солома обветрилась в нем...

Не нужно только путать с ласточками стрижей, также живущих в городах летом, но не относящихся к певчим птицам. Главное их отличие — большая величина, одноцветная темная окраска (у ласточек брюшко белое) и визгливый свист-крик вроде — «стрижжи-стрижжи».

Певчие птицы лугов, болот и речных урем

В этом разделе мне хотелось рассказать о птицах, связанных образом жизни с близостью воды, с местами сырыми, влажными, топкими, всегда заросшими густой травой, кустами или даже лесным тростником, багульником и сосновым криволесьем. Для певчих птиц растительность имеет самое важное значение, и потому они встречаются в таких местах помногу как в видовом, так и в количественном отношении.

Следует оговориться, что болота, торфяники, сырые низины и речные уремы обильно заселены птицами лишь с поздней весны, летом и в начале осени. Остальное время года, особенно зимой, луга и болота пустынные, даже на удивление, и очень унылы. Глубокий снег закрывает траву, заносит кусты до макушек. Метели и вьюги безраздельно царствуют на обширных низинах. Все живое отлетает, забивается в спячку или уходит в лес, где все-таки теплее и тише. Мертвая, пустая, заваленная снегом страна — вот зимнее болото, и, кроме нескольких приспособившихся к жизни в тростниках птиц, вроде красавицы белой лазоревки, пернатые здесь — редкие гости. Зато в разгаре весны и лета нет более населенных веселых живописных мест, чем луговины с кустами, тенистые уремы и открытые нетопкие болотца-кочкарники. Как буйно растет тут все на влажной, теплой и жирной земле; кусты и трава тянутся к солнцу на глазах. Все благоухает, горит и сверкает в ярком благостном свете. Нежные глаза фиалок, желтая простота калужницы, белокрыльник, разбредающий по самой воде, сочные, пропитанные водой цветочки тrefоля, белый сердечник, седоватая пушица — сколько цветов млеет на солнце и прячется в прохладе, нежится в воде и взбегает на кочки. Вот малиновые кисти дербенника, по народному плакун-травы, цветущей до первого снега. Вот прекрасная орхидея-ятрышник, притаившаяся среди осок... Кокушник, лютики, дурмань подбел... И над всем этим живым скоплением красок, ласкающим и удивляющим глаз, звучат голоса птиц. Свистит чечевица, поют дубровники, трещат камышевки, скрипит дергач, цокают, щелкают соловьи. Идешь и не перестаешь удивляться то перемазанным в пыльце шмелям, то бабочке-авроре с оранжевыми уголками белых крыльев, то величавому соломенному махаону, пролетающему над кустами, подобно тропическому птицекрылу.

Я очень люблю болота лесные и луговые, простые калужинки в яркой осоке, с бегаящими в ней жуками-радужницами, кочкарнички, просыхающие в летний жар, и огромные лесистые моховищамшары с прячущимися в их глубинах черными озерами, с разводьями и бездонными окнами. Мшары, пожалуй, единственные теперь места, где первобытно сохраняется лес, зверь, птица, куда избегают

заходить вездесущие туристы, охотники и грибники. Хороши болота, но больше всего люблю я нежных болотных птичек. Они и в клетках выглядят как-то необычно, утонченно, все эти варакушки, соловьи, золотистые дубровники и наряднейшие чистюли-плиски.

Тростниковая, или болотная, овсянка

Самая простенькая птица весеннего болота — тростниковая овсянка — птица, отчасти похожая на полевого воробья, но гораздо стройнее, тоньше его и по окраске имеющая лишь приблизительное сходство. Весной самец болотной овсянки щеголяет черной окраской головы, снежно-белым ошейником и светлой чистой грудкой, лишь с боков тронутой пестринами. Осенью, после линьки, окрас головы с рыжеватыми наствольями сходен с окраской самок и молодых, которые гораздо рыжее, глинистее и не так красивы.

Болотная овсянка прилетает рано, в первой декаде апреля. Под Свердловском самый ранний срок отмечен 2 апреля 1965 года. Она вполне может составить компанию самым первым прилетным гостям: жаворонку, реполову, скворцу и белой трясогузке. С прилета птички держатся на обтаявших дерновых буграх, по дорогам, ведущим через луга и вдоль речек, везде, где растут ракитник, вербы, корзиночный ивняк. Особенно любит тростниковая овсянка заброшенные, зарастающие мелким лесом торфяники. Здесь по сухим долгим релкам уже в середине апреля можно услышать более чем скромную песенку болотной овсянки! «щыть-щыть-щыть-щыре... щыть-щыть-щыть-щыре»

Щеголь-самец, прилетевший на неделю раньше буроватой самочки, сидит на засохшей, выдающейся над кустом ветке и без конца упражняется в немудром своем искусстве. Где-нибудь поблизости тростниковые овсянки устроят и гнездо, прямо на земле, под кочкой, под куртиной нависшей травы, но обязательно в сухом месте, не заливаемом полной водой. В середине мая у них уже птенцы, которых усердно кормят оба родителя.

Как клеточные птицы болотные овсянки не представляют большого интереса. Их содержат те охотники, кто собирает коллекции овсянок и подорожников. Есть редкие любители до этих пугливых и скромных птичек с приятным «диким» обликом.

У овсянки тростниковой (самцов) в году две линьки — полная и неполная. Полная бывает в августе-сентябре, когда птички гнездятся. В буром осеннем перье они и отлетают с Урала поздно, во вто-

рой половине октября¹. Неполная линька головы у самцов происходит в феврале-марте. Буроватое осеннее перо заменяется черным. Сразу после частичной линьки самцы начинают петь и поют весьма усердно до конца июля.

Корм тростниковой овсянки — обычная смесь зерна с добавлением двух-трех мучных червей и

какого-нибудь мягкого дополнения в виде тертой моркови с сухарями или хлеба в молоке. Ловятся болотные овсянки на прикормку лучком или самоловом. Прикорм следует делать у тою куста, где самец больше поет. По качеству пения овсянку можно отнести лишь к пятому разряду.

Варакушка

Это было лет тридцать назад. За ветхой изгородью нашей усадьбы находился большой пустырь. Там росли лебеда, полынь в человеческий рост и полосы серых репьев. Кроме грязных беспутных коз, никто не забредал туда, но для меня пустырь был милее двора и огорода. Пустырь всегда казался огромной, неведомой и дикой страной, если учесть, что в детстве все кажется больше и заманчивее. С трепетным сердцем забирался я сюда — искал жуков, подкарауливал бабочек, слетающих в жаркий полдень па цветущий бурьян. Но больше всего я любил бурьяны осенью, когда появлялись на пустыре разные пролетные птицы.

В бурьянной заросли так тихо и глухо. Терпкая горечь

¹ *Не спутайте с похожими по осенней окраске овсянками-ремезами, которые отлетают гораздо раньше — в последних числах сентября.*

полыни перебивает слабые запахи лопухов, лебеды и малинового пустырника, мешается с пряной сухотой розовых тысячелистников, бодяка и дурманного клоповника. Здесь просиживаю я долгие счастливые часы, глядя, как стайки птиц летят высоко в небе, как птицы вдруг сбиваются, ныряют и падают в бурьян. Они отлично знают пустырь и валяются, говоря языком птицеловов, сотнями. Здесь кормятся долгохвостые лесные коньки, бегают, как то ни странно, перепелки, вьюрки с пронзительным жвяканьем и кевканьем садятся в лебеду огромной станицей. Тотчас, чем-то напуганные, они срываются, пролетают над головой серой мелькающей вьюгой. До глубокого снега держатся по репьям щеглы и зеленушки, а к перевозимку появляются чечетки и снегири. Отлично помню, что среди всех птичек, названий которых я тогда не знал, попадались на глаза удивительно изящные пичуги с голубыми «манишками» на груди и красноватым хвостиком. Птички были светлобровые, стройные, тонкоклювые. Чем-то напоминали они крошечных куличков. Вместе с голубогрудыми держались такие же по складу, но без голубого, а только с темным неясным полумесяцем на беловатой грудке (самки). Все они ловко бегали, шмыгали в стеблях лебеды и ловко прятались. Однако, когда я сидел тихо и не шевелился, птички переставали пугаться. Они подбегали на расстояние вытянутой руки. Я видел, как они хватили жучков, с подлетом гонялись за мошкаркой, хватили мелких ночных бабочек и склевывали еще что-то. Иногда они замирали, словно бы в испуге, задрав двухцветный с рыжинкой хвост, и стояли так долго. Что за птички? Я звал их тогда голубогрудками.

Позднее на пустыре построили дома, разбили сквер, насадили деревья. Не стало здесь пролетных птичьих табунов. Но о голубогрудых птичках я вспоминал, теперь я знал точно, что это были варакушки — птицы соловьиной породы. Лишь осенью бывают они на пролете по таким пустырям, огородам и заброшенным кулигам. Весной же и летом живут эти пересмешницы, забавницы на болотах, в уремах, по мочажинам, обросшим кустами, по луговым речкам.

Когда идешь в апреле через оттаявшее болото, дивясь обилию света, воды, голубизны, варакушка уже тут как тут. Вот она скрипит, звенит, прищелкивает. Горлышко так ходуном и ходит...

Она прилетает намного раньше ближних родичей — соловьев, с которыми живет по соседству. 24 апреля 1951 года — самый ранний, отмеченный мною срок.

Свою затейливую песенку варакушка начинает через два-три дня по прилету. В песне сплетаются и соединяются в одно трели соловья, колена дубровника, трели камышевок, скворчиное бормотанье, храп уток, свист погоныша, голоса куликов и даже кваканье лягушек. Всегда варакушка добавляет свою собственную хрипловатую вставку, звучащую примерно так: «и-вва-рак-рак... и-вва-рак». Наверное, отсюда птичка получила свое тарабарское имя. В разгар гнездовья варакушка токует — взлетает с песенкой с вершины куста и планирует, подобно лесному коньку, на другой облюбованный куст или прямо на землю.

Все варакушки сильно отличаются по набору в песне (особенность пересмешников). Наряду с непревзойденными по точной копировке певцами попадают такие хрипуны — тошно слушать. Конечно, это молодые птицы, песня которых не сложилась, но есть и старые самцы, бесподобно чирикающие воробьем, стрекочущие сорокой и даже каркающие.

Помимо колен наших болотных птиц, варакушки передают и голоса заморские — зимует птичка в Африке. У меня бывали варакушки, издающие тихое треньканье, как на средних гитарных

струнах, а одна кричала низким голосом какой-то ночной птицы — возможно, цапли. За необычайную красоту оперения — голубой нагрудник с красной звездочкой посередине и буроватой каемкой — варакушки ценятся охотниками высокого класса. Да и поет она в клетке много. В треть голоса начинает уже с октября и так пропеваает изредка. С января начнет прибавлять все громче и чище. В полный голос войдет в феврале и поет громко до июля. Конечно, главное условие долгой и громкой песни — правильное содержание. Содержать варакушку надо в соловьиной клетке с мягким верхом обязательно, иначе птичка собьет в кровь надклювье. В клетке нужны две жердочки и посередине сухая веточка-рогулька, тут варакушка будет петь. Хорошо и кочку ей поставить в уголке. К корму голубогрудка более строга, чем соловей, всякие суррогаты осваивает медленно, однако, когда привыкнет, ест с охотой, лишь бы корм был свежий. Смесь для варакушки обычно соловьиная: $\frac{1}{3}$ моркови, $\frac{1}{3}$ муравьиного яйца и $\frac{1}{3}$ мяса вареного и крутого яйца, 3—5 мучных червей обязательно. В летнее время мешают до половины свежего муравьиного яйца. Число мучных червей со времени громкого пения увеличивают

Бывают варакушки с белым пятном на синем или даже без пятнышка по сплошному голубому. до 10—15 в две порции. Хорошо ест мотыль (малинку), но давать его следует понемногу.

Ловят варакушек в начале мая, с прилета. Уже в середине месяца ловля должна быть закончена, так как к этому времени птички разбиваются па пары. Ловить их для опытного охотника совсем не трудно. Прежде всего надо «выслушать» птичек. Для этого стоит утро-другое побродить по сырому мелколесью, купам луговых кустов, возле овражков и обросших ракушником канав. В глухом, закрытом лесу варакушки никогда не встретятся. Выслушав хорошего певца и усмотрев, где он чаще держится, делают на земле обильную прикормку из мучных червей и муравьиных яиц. Варакушки находят корм скоро, и тут можно не торопиться с установкой лучка — птичка будет прилетать или прибегать до тех пор, пока не соберет все или не будет поймана. Шалаш и укрытие для ловли не обязательны. Однажды я поймал самца варакушки, стоя в трех шагах от лучка, весь на виду. Иногда эти птички ловятся при охоте на соловьев, дубровников, ремезов, прикармливаясь раньше всех. Если варакушка поймана до 15 мая, ее можно оставить. Пойманных по случаю позднее надо немедленно отпустить. Они уже загнездились, и никакой песни охотник не дожидается. Довольно пугливая, нервная в клетке, свежепойманная варакушка может даже погибнуть от шока. Все это должен знать каждый настоящий любитель и не надеяться на «авось выживет». Надо помнить, что самец и самка варакушки насиживают яйца оба, сменяя друг друга. Поэтому поздняя ловля — потеря гнезда.

Осенний лов варакушек может быть обилён по сырым и заглохшим углам, например, по берегам торфяных канав, но осенью ловить приходится без песни, наудачу, и попадаются тут варакушки молодые, с бедной хриплой песней.

Отлетают варакушки постепенно. Ни стай, ни сколько-нибудь значительных компаний они не образуют, появляясь в отлетное время повсюду в огородах и садах. Отлет приходится на конец сентября. Самая поздняя дата, когда я видел варакушку, — 12 октября 1965 года. Она держалась в кустах вишенника и выбегала кормиться на только что вскопанную грядку. День был теплый не по-октябрьски, стоял в тишине и безветрии.

Варакушки очень привязчивы к месту и никогда не уходят от гнездовья далее 10—15 метров. Однажды я купил у старого, но мало смыслящего в содержании птиц охотника большую нахохленную варакушку. Этот охотник каждую весну ловил и соловьев, и других птиц, был очень кичлив, самоуверен, но, как правило, насекомоядные у него гибли к зиме, посаженные на гнилой суррогатный корм и в темные клетки. Варакушка была в линьке и тоже погибла бы. Два дня я откармливал ее мучными червями, а потом выпустил в кусты смородины, надев на ножку медное проволочное колечко. Мельком видел я варакушку и в августе, и в сентябре, а в первых числах октября поймал снова лучком в снежный и ветренный день. Птичка вылиняла на славу, вид имела здоровый и веселый.

Эта варакушка оказалась средних достоинств. Громко запела в декабре и пела до июня. Она отлично передавала голоса уток, свист чирков, крик перепела и бекаса.

Несмотря на то, что варакушки долго не привыкают, их можно рекомендовать опытным любителям как прекрасную клеточную птицу.

Соловей

Синяя свежая ночь. Черемуховые кусты у воды. Ни шороха, ли звука. И вдруг удивительно: будто

стонет черная желна, угукает филин, вопит неведомая лесная нечисть и тут русалочьим смехом, дивным свистом перемежит, раскатится, разнесется и замрет.

— Иди... иди... иди...— зовет кто-то.

— Чо-чо-чо-чо-чо,— заговаривают темень, кусты.

— Угу-гу-гу-гу... угу...

— Чо-чо-чо-чо-чо,— отзывается темный берег. Соловьиные места. На Урале они располагаются по ручьям и сырым займищам с высокой, еще не подкошенной в июне травой, по мелким речонкам с насквозь видным галечным и песчаным дном, плутающим в распаханых полях, меж ложков и оврагов.

На черноземных берегах рек растет урема — тихие кусты ракитника, кое-где разнеженные березкой или осинкой. Но главным образом берега речонки застилает черемушник. Черемуха, черная и гибкая, весной немилосердно обламываемая любителями ее горько пахучих цветов, забелевших в майском пасмурном холоде, а летом сплошь осыпанная глянцем вяжущих ягод, дает такую буйную корневую поросль, через которую ни пройти, ни проехать, разве как-нибудь проломиться к воде. Часто по ее прямостоячим побегам ползет и вьется северный хмель, вьюнки висят лещачьими бородами. Зубчатолостая жальщица-крапива стережет и пугает всякого. Листья, вьюнки, крапива и хмель... Тут полным-полно насекомых. В зеленом сумраке порхают красные стрекозки, голубянки роятся и вьются над солнечным пятном.

Глубь уремы полна темнотой, и не скоро заметишь там соловья, словно бы самую душу зеленых дебрей, их голос и сказку.

Соловьи прилетают не так уж поздно в сравнении со всякой южной птицей. Еще до распускания первых листьев являются они в любимые места, но в холодную погоду совсем не показывают себя. Не поют. Самых ранних соловьев видал я восьмого мая. Тихонько перебежали они в голый черемушнике, быстро скрываясь из глаз.

Числу к 11, 15-му соловьи начинают петь, сперва робко и немного, на первой заре, а чем теплее становится, тем дольше. Идешь соловьиной речонкой, полями, и вдруг он защелкает в береговых кустах.

Екнет сердце охотника. Прилетел... И слушаешь, слушаешь, его. Знали бы вы, как хорошо услышать первого

соловья. Сколько морозных дней прошло, сколько снегов, сколько зимней тоски...

Весна гуляет по земле. Жаворонки поют, поют над полями. Еще рано. Нет солнышка. А уж светло, свежо на востоке. Редкий туман жмет в низинки. И пахнет холодом, и проснувшейся землей, и сырой, обомлевшей за ночь травкой, и светлыми черемуховыми почками.

Самого соловья не увидишь. Он сливается в кустах с ржавым тоном жухлой листвы и коричневой корой веток. Разве что перелетит, тогда скорей обозначит себя. И странно: сперва заметишь дрогнувшую ветку, а потом уже неясную тень птицы.

Он не боязлив. Иные соловьи, из молодых, конечно, подпускают шага на три. Пробререшься в чащу, тихо сидишь в уреме, следя за соловьем.

Птичка крупноватая, но поменьше певчего дрозда, лупоглазо-удивленная и очень изящная, как-то благородно точеная, перебегает по земле, быстро ворошит клявом листья. Иногда она стремительно схватывает что-то. Останавливается, насторожив голову, красиво поворачивая хвост вверх, вбок и вниз.

Она поглядывает на меня, точно прикидывает: опасно? нет?

Видимо, решив, что большой беды не случится, соловей принимается за прерванные занятия.

Я проверял не раз, что ищут соловьи под опавшим листом. Разгребал его осторожно и всегда находил желтые твердые личинки жуков-щелкунов, тех самых, что удивляли нас в детстве умением прижимать усы, прогибаться и подскакивать с легким щелчком, едва перевернешь их на спину. Всякому, кто копал полевою картошку, знакомы эти личинки-проволочники, насквозь буравящие гниловатые клубни.

Время от времени соловей издает негромкое «фи,.. фи... фи...», а когда настораживается, слышен глухой и приятный храп: «кrrrr... карrrr...»

Но вот птичка «набиралась», легко порхнула на удобный сучок. С минуту соловей сидит в задумчивости, взъерошив перо, точно великий маэстро, которому давно нот дела до слушателей, и он, не стесняясь их, задумался попросту: что бы исполнить сейчас?

И вот такое ясное звучно-глубокое «фьи-у-вить...». Соловей запел. Всегда смешны, хоть небезосновательны, попытки звуками нашей речи передать соловьиную песню. Она так своеобразна, так странно сладка, дика, нежна, так необычайны издаваемые птицей высвисты и крики, что трогают до озноба. Особенно, если слушать соловья до утренней зари, когда кругом тьма и тишина, а поле, и звезды, и черные кусты тоже слушают, слушают. Слушают и молчат... Только так, узнав соловьев, понял я, как откровение, стихи Толстого, например его «Родину».

Помните;

Край ты мой, родимый край!

Конский бег на воле.

В небе крик орлиных стай,

Волчий голос в поле.

Гой ты, Родина моя,

Гой ты, бор дремучий,

Свист полночный соловья,

Ветер, снег да тучи.

Песни соловьев в полную силу начинаются с двадцатых чисел мая. К этому времени на занятые самцами участки прилетают соловьи. Они появляются примерно через неделю, много через две после прилета самцов и так ЖКД внезапно, ибо летят ночью. С первого дня прилета соловей гоняется за своей рыжей, точь-в-точь похожей на него, соловьиной, ухаживает за ней. Их постоянно можно видеть вместе. И стоит ей куда-нибудь отлететь, как самец беспокойно кричит и кидается на поиски.

А уже через неделю в самом захламленном, заросшем травой и молодыми побегами месте соловьи строят гнездо. Я не раз находил эти рыхлые, словно наспех свитые из сухих травинки гдезда с розовато-коричневыми яичками. Они помещались то меж корнями черемухи, то под свесом приросших к земле ветвей, даже под кучами сухих, нарубленных с осени веток.

Там же встречал я позднее темноватых и крапчатых снизу (признак родства с дроздами) шустрых соловьят. Уже на девятый-десятый день они убегают из гнезда и шмыгают по уреме, как мыши, помаленьку привыкая к самостоятельности.

Они ловят и стерегут всякую живность, бегающую по теплой листовой подстилке уремы. Они подкарауливают жучков, склевывают пауков, гоняются за мошкаркой и пяденицами и сами часто становятся добычей горностаев, ласок и хорьков, всегда живущих в таких дебрях. Очень помогает соловьям бесподобное умение прятаться, затаиваться, замирая на минуту и более. Птички делают это часто. Как же трудно различить такого окаменевшего вдруг соловья среди листьев, травы и веток!

Вывелись птенцы. Пение соловьев стихает. Да и одних ли соловьев? Откуковала горюнья-кукушка. Не слышно печальных строк дубровника. Молчит варакушка. Утихли жаворонки в полях. К августу птицы становятся незаметны. Идет линька — трудное время. Всякая птица норовит укрыться подалее от врагов, а соловья и подавно не увидишь. Только по редкому призывному фисканью узнаешь, что он еще тут. А в первые числа сентября ударят холодные утренники, и пойдет соловьиный ночной отлет — не известный никому.

В отлетные солнечные дни вспугивал я иногда соловьев прямо дома, в огороде, в малиннике. Они держались всегда поодиночке. Никогда — ни весной, ни осенью — не замечал я соловьиных стай. Выпорхнет рыжая тихая птица, канет в широкий куст. И жаль станет. Теперь уж до новой весны не услышишь ее ключевой голос.

Отличное пение соловьев, однако, не причина для их массовой ловли. Вы никогда не увидите соловья на птичьем рынке рядом с обычными чижами и снегирями. На весь наш миллионный Свердловск не наберется и трех охотников, у кого бы жили, а главное, пели соловьи. Слишком трудно содержание нежных птиц для неопытного любителя. Ведь соловей не какой-нибудь зерноядный щегол — коноплю и семечки не ест. Подавай ему муравьиные яйца, мучных хрущей, живых тараканов, и тертую морковь, и вареную телятину, и рубленое яичко вкрутую. Иначе капризная птица перестанет петь, а поет соловей немного — месяца два-три в году. Остальное время он молчит, как немой, быстро разочаровывая нетерпеливых любителей. И все-таки я очень любил соловьиную охоту, К тому же, тогда я работал в школе, и как было не показать ребятам звонкоголосую русскую красу? Иные ведь про соловьев на Урале слыхом не слышали. Еще не капало с крыш и снегом мело в окна, а я уже начинал обдумывать, где буду искать дорогую птицу. Переберешь в уме все знакомые речки, торфяники, болотца и мочажины. Везде будут соловьи, да ведь поймать-то надо лучшего из лучших. По песне они очень различны. Молоденькие соловьи-первогодки и поют все равно как молодые петушки — хрипло и бедно. Два-три колена — и все тут. Зато меж старых птиц попадаются — до двадцати колен дают самых невероятных. Мне же надо было соловья не простого, а с лешевой дудкой — есть такое у них дикое и прекрасное басовое колено, будто бы сам леший кричит: «ого-го-го-го, у-гу-гу-гу-гу». Такое под силу редкому соловью — на сотню одного не разыщешь. И ловить соловья надо как можно раньше, с прилета, пока он не загнезвился. Соловьев от пары только подлец и браконьер ловит. И все равно птица у него не запоет, погибнет скорее всего.

С первых чисел мая начинаешь готовиться. Пересмотришь, перечинишь сеть-лучок. Сто раз попробуешь, как он кроет. Даже ночами не спится. А весна, как назло, едва бредет и то дождичек, то снег подсыпает. После первого мая часты такие озимки. Глянешь поутру — белым-бело, а на черемухе, на тополях почки вот-вот лопнут, и горихвостка на заборе сидит, дрожит хвостиком. Вечерами, а когда позволяет время, — и утром, уезжаешь слушать соловьев; не явились ли? Ходишь, ходишь по речкам... Нет. Уже и варакушки поют в уреме, пеночки рассыпают переливчатый голосок. Нет соловьев. Холодно... Наконец потеплеет словно. Пасмурный такой, темный вечер. Заря уж едва тлеет. И вот он начал!

Дня три бегаешь, не щадя ног, пока выберешь по песне. Редка лешева дудка. Зато услышишь — с места не сойдешь.

Иду я однажды по речке Шилодке и слышу: гремит соловей. Дудку дает неслыханную. Следуют и другие колена чередом: гусачок, кукушкин перелет, иволга и дроздовый накрик, и все это соловьиной дробью с перещелком покрывается, да как чисто! Стал я его высматривать, подходить. Вижу: соловей крупный, статный, на высоких ножках — картинка. И не боязлив. Иные ведь пуганые соловьи на глаза не покажутся. А этот близко подпускает — то в черемушнике гремит, то на отдельную ольху невысоко взлетит. Заведет раскат, и слышу я, как у него что-то в горле чмокает, точно он воду холодную жадно пьет, не может напиться.

Теперь надо было мне найти то место, где он держится. У всякого соловья есть такой любимый куст, чаще всего сухой, погибший, в который не просунешься без риска выколоть глаза. Птичка в этом кусте сидит тихо, отдыхает, чистится, перышки оглаживает. Иногда и запоет вполголоса, будто портниха за работой.

Долго я лазал по уреме, собирал на одежду жадных весенних клещей. Их много бывает в мае в таком вот сыром мелколесье. Куст я нашел по кучкам беловатого соловьиного помета. Тоже ведь птичка-птичка, а не святым духом живет. Соловей бегал в кусте и тихонько, осторожно каркал, поводя хвостом.

Я разгреб под кустом сухие бурые листья и на влажный чернозем насыпал прикормку — горсть куколок рыжего лесного муравья и десяток мучных червей.

Прикорм на черной земле яснее видно. Птичка находит его скоро. Другой соловей через десять минут бежит к прикорму, машет своим вертячим хвостом. Поклюет — и ставь тогда лучок...

Жду я лешачью Дудку, жду... Не торопится. Очень уж мудреный соловей оказался. Поет, бегают в кустах, а к прикормке не хочет подходить. Уж я его подгонял, уходил, снова возвращался — все бесполезно. В конце концов он дичиться стал. Хрустнет сучок — соловей летом за речку. Улетит и поет там в черемуховой островине, попробуй его достань.

Так ни с чем я и ушел. На другое утро, до свету еще, иду пешком. Автобусов нет. Трамваи едва из

парка выволакиваются. Километров пятнадцать надо идти. Прибыл я на место, уж солнышко в полдерева поднялось. Первым долгом — под куст. Съедена прикормка! «Уж теперь-то ты, друг, попадешь! Мой будешь!»

Наладил я лучок-самолов, веревку протянул подальше в ивовые кусты. Сид там и жду. Не слышно что-то «мою» лешеву дудку. Поздновато уж. Солнышко всю пригревает. Шмели кругом жундят, виснут на желтых ивовых пуховках. Весь ивняк стоит в этой цыплячьей желтизне. И даже в лицо летит липкая нежная пыльца. А бабочки кругом — траурницы, крапивницы, желтушки!

Черемухой сильно пахнет. Везде она распустилась. У самых моих ног в сырой тени доцветают высокие синие медуницы. Они уже выбросили шершавые ланцетные листья. И по ним, и под ними хлопотливо мечутся муравьи.

«Уж не они ли собрали прикормку?» — испугался я. Сколько раз так бывало. Насыплешь прикормку для птиц, а соберут мураши.

Вдруг бежит кто-то там по земле. Рыжее в Кустах мелькает. Он! Вот вроде бы в точок забежал. Плохо мне видно. Однако надо крыть. Дернул я шнур.

Подбежал к сети. Что за наваждение?! Прыгает в лучке голубогрудый рыжехвостик — самец варакушки, такает с испугу. А неподалеку, гляжу, соловей сидит, поводит хвостом, и вид у него, как у мальчишки, проведавшего о ребячьей засаде.

Поругался я, да делать нечего. Выпустил варакушку — все дело она мне испортила. Снова оставил прикормку и ушел с пустыми руками. Вот она, птичья охота... И еще через денек наведалься.

Пораньше пришел. Сижу с лучком, слушаю. Поет соловушка то на ольхе, то в ближайших черемухах, то в кусты упорхнет. Около одиннадцати исчез, замолчал. Слышно — листья в кустах шелестят. Кормится, значит, бегаёт где-то там у точка. Шнур я держу на весу. А сам приглядываюсь, стараюсь соловья рассмотреть. Вижу! Идет он к току. Идет! Тихонечко так, перебежками.

Дрожат у меня руки, и сердце колотится. Вот всегда так. Уж которого соловья ловлю, а не могу привыкнуть.

Подбежала птица к лучку. Встала на дужку. И так и этак голову повернет, смотрит, сторожится. Вот спрыгнула в ток. Клюет да оглядывается...

Я так сильно дернул шнур, что лучок сорвало с земли. Но соловей все-таки покрылся. Запутался в сетке. Упал я на колени, закрыл его поверх сети ладонками и засмеялся. Наверное, со стороны за сумасшедшего приняли бы. Переждал, пока пройдет дрожь, успокоился, стал тихонечко его распутывать, а он сердится, клюется и чакает.

Красавец соловей попался. Перышко к перышку. Хвост рыжий, спина коричневая, а снизу весь серый, пепельный, белогорлый. Убрал я его в матерчатую клеточку, снял снасть и пошел домой вброд через Шиловку. Море мне теперь по колено.

Переправился благополучно, даже в сапоги не залеснул, а там песок грядой лежит. И до того он был чистый, намытый, с золотниками, что захотелось мне его побольше набрать, жаворонкам принести.

Я снял котомку, достал походный мешок и стал нагребать песок горстями. Какое-то детское удовольствие грести песок так, руками, когда ощущаешь его тяжелую сырую прохладу.

Раскат соловья вдруг загремел позади. Я обернулся. Никого. Но раскат повторился, и вдруг лешевой дудкой закричала котомка. Это в темноте, в тесной клетушке колдовал мой соловей. Тут я в него совсем уверовал...

Дома выбрал клетку получше, с мягким верхом, с деревянными спицами. Высадил соловья, а он даже и не подумал биться. Попрыгал, попрыгал, за корм взялся. На третье утро запел. Да так чудесно запел, лучше, чем на речке. И сейчас живет у меня этот соловей. Я не запираю его клетку, и он любит бегать у меня на столе, ворошить листы бумаги. Я даю ему мучных червей, и он берет их с ладони со своим учтивым соловьиным поклоном.

Такой соловей редок. Иной бывает сильно пуглив. Долго бьется, обламывает перо. А петь начнет поздно и мало поет. Вообще соловей не из тех, что гремят по 8 месяцев в году. Самое долгое время песни — восемь весенне-летних недель да изредка осенью в октябре-ноябре. Исключений из правила слишком мало. А свежепойманная птица поет и того меньше, 3—4 недели.

Обдержанный хороший соловей начинает петь в марте, сначала неполным голосом, потом все чище и лучше, а к концу месяца в полную силу и поет так до конца июня. Все это при условии

исключительно правильного питания и режима.

Питание в клетке зимой: сухое, обваренное кипятком муравьиное яйцо — 1 часть, морковь, тертая с хлебом, — 1 часть и сырое говяжье мясо, перемолотое в мясорубке, — 1 часть.

Весь корм перемешивается и остуживается. Мясную часть время от времени заменяют рубленым крутым яйцом, вареной печенкой, сердцем или вареной говядиной.

Такая смесь называется соловьиной и пригодна решительно для всех насекомоядных птиц, а также как часть корма — зерноядным.

Ежедневно соловью дается до 15 мучных червей в два-три приема по 5 штук. Поющей птице число червей и куколок можно довести до 30, но соответственно уменьшая количество другого корма. Менее охотно птица берет ягоды: бузину, чернику, смородину, черноплодную рябину. От них соловей скидывает круглые погадки из кожуры и косточек. Любители должны знать, что соловьи склонны к ожирению, а ожиревшая птица не даст песни ни весной, ни летом.

Клетки для соловьев нужны крытые, мощно невысокие, малогабаритного типа (№ 2), Хорошо, если есть тамбур с песочком, навесная или вставная купалка обязательна — птичка любит купаться и полощется каждый день. Хороша Для соловья клетка ящичного типа (см. раздел о клетках). В ней он ведет себя спокойнее и, главное, не обивает перьев во время пролета.

Почти все соловьи в пролет (сентябрь и апрель) не спят ночами, беспокойно прыгают. И если бока у клетки не закрыты, птица быстро портит хвост, крылья, надклювья. Такой обтерханный соловей выглядит жалко, поет реже, а то и совсем молчит. Если ящичной клетка у вас нет, заложите боковины картоном на все время пролета и оставляйте на ночь хотя бы очень слабый свет (ночник, 15-ваттная лампа). Это правило очень важно для всех ночных пролетных птиц (дроздов, славок, камышевок).

С появлением свежего муравьиного яйца его добавляют в корм понемногу, заменяя сушеное, и летом дают две трети к основному корму.

Летний корм соловьев и всех насекомоядных птичек отличается лишь большей долей муравьиных яиц, а за неимением их — двойным количеством мучных червей, жуков и куколок.

Свежепойманную птицу к суррогатному корму приучают после того, как кончит петь, постепенно отнимая свежее муравьиное яйцо и заменяя его распаренным сухим, морковью и мясом.

С меньшей охотой соловей может есть мотыля (малинку), резаных дождевых червей, мормыш, творог, хлеб в молоке, пшеничную кашу и даже тертую коноплю, вылущенные семечки и рубленую вареную колбасу. Но все это лишь добавки, присадки к основному корму. Кто собирается содержать соловьев на таком корме, — не получит ничего. Чаще всего птица погибнет и уж во всяком случае не станет петь.

Живут соловьи в клетках подолгу, если уход за ними надлежащий и корм достаточно хорош. Петь восемь и даже десять лет для них не предел, не ждите только от соловья круглогодичной песни, будьте довольны им и так за его благородную простоту. Соловей ведь очень красив, когда чист, здоров и весел. Уж он найдет чем вас порадовать.

Но если вы не готовы, нет корма, нет оборудованной клетки, мучных червей, а главное, если вы рассчитываете просто на «авось и так запоет», не беритесь содержать и ловить соловьев, ничего хорошего из этого не получится.

Дубровник

Насколько бедна песенка болотной овсянки, настолько же красива и звучна свистовая гамма другого болотного певца — дубровника. Дубровник тоже из овсяночной породы и также придерживается сырых мест, иногда соседствует с тростниковой простушкой.

Широкие заливные луга и плесы, низкие займища, где вплоть до начала лета не спадает полая вода, ходят нерестовые щуки и островами стоит цветущий ивняк, — вот любимые уголья дубровников. Селится он также по окраинам болотца, на торфяниках и сырых выпасах для скота. Помимо красивого пения дубровник блещет и окраской пера, очень напоминая пестрого со спины желтого кенара, если бы кенар имел голову кофейного темного цвета и коричневое ожерелье-полоску поперек зоба. Такой наряд носит дубровник-самец с третьего года. Более молодые дубровники тускло-желтые, почти без нагрудника и шапочки; самки совсем по-воробьиному серы сверху, снизу чуть желтоватые.

Хотя в подходящих местах дубровник многочислен, птицеловы его знают мало, редкие любители имеют в своих подборках чудную луговую птичку. Малое знакомство Дубровником объясняется

тем, что прилетает он на Урал оздно. Средняя дата появления под Свердловском — мая. Самая ранняя — 21, поздняя — 28 мая. Птички являются с последней прилетной волной, где прибывают камышевки-сверчки, камышевки садовые, пересмешки, иволги. К этому времени сезон ловли копчен, снасти убраны до осени. Да и поймать дубровника какому-нибудь «щоглятику» не под силу. Птичка строга, на приманную идет плохо и па прикормку не очень падкая.

В прошлом году выслушал я на торфяном болоте чудесного дубровника. Было их тут много, но либо трудно к ним подобраться — поют на релках меж непроходимыми топами,— либо песня слабенькая. А этот поет в гриве кустов у края заросшего тростником разреза и больше всего на сухой обломанной березке держится. Замечу, что все птицы, и не только певчие, любят садиться на разного рода сухостой и пальник.

Дубровник был очень хорош: длинно-грустно выводил он свою песенку. Раз-два споет однотонно, потом будто регистр какой передвинет в то же самое нежно, задумчиво переведет. И смирный, близко подпускает. У них, у дубровников, так: или уж дикари ужасные, или спокойные такие — диву даешься.

Стал я к березке из-за кустов подходить, обошел ракитник, на виду шагаю — поет, вот уж до березки пять шагов — не улетает. Тут я совсем осмелел, под самую подобрался, а он сидит, только замолчал.

«Ох ты, милый, хороший!» — думаю, на колени встал в — скорее точок расчищать. Рву осоку, да на его золотистую грудку поглядываю. Быстренько все до земли расчистил, прикормку насыпал: мучных червей, муравьиных яиц да проса с коноплей: «Ешь, мол, прикармливайся», — а сам назад, чуть не на четвереньках.

Только стал из болотины на твердую дорогу выбираться, показалось — колесо в траве железное лежит. Шагнул ближе — колесо зашевелилось. Голова поднялась. Гадюка! Такая огромная, метр с четвертью будет. Гадюку эту я зарубил своей саперной лопаткой. Подождал на дороге, не спустится ли дубровник, но он все пел на березке, а потом отлетел. И я ушел восвояси.

Через день являюсь снова. Дубровник тут, поет на березке. Змея убитая в кочках валяется. Уже посохла. А прикормка поедена. Просо полущено. Все в порядке! И ставлю я лучок-самолов. Запривадила я его мучными червями, замаскировал травой и пошел побродить на торфянике. День выдался не очень жаркий, с тучками, но все-таки сухой, хороший. Все болото налито голосами через край — погоньши свистят «футь-футь, футь-футь», чирки в разрезах — «трик-трик, свись-свись». Соловей у опушки щелкает. Варакушки захлебываются, в разрезах ондатры булькают. Вылезет на сухой рогоз огромная такая крыса коричневая, вроде бобра, и чистится, жуется, А заметит — плюх в воду, ушла. Все в эту пору на торфянике свежее, новое, лаковое: листочки, прутья ракитника, цветы калужницы. Белокрыльник болотный цветет, лягушатник по воде розетками стелется. Сядешь у бережка разреза, и сколько тут разной живности хлопочет, бегаёт, суетится, плавает, каждый по себе, со своей заботой и нуждой...

Прихожу я обратно — захлопнут самолов и прыгает в нем самец тростниковой овсянки... «Ах, незадача, вспугнул ведь он теперь дубровника». Выпустил я тростникового «воробья». Снял самолов. И как раз дубровник на березку прилетел. «Нет, — думаю, — все равно я тебя дождусь. Лучком поймаю». Скорее, скорое лучок вместо самолова поставил) шнур привязал, огляделся — некуда мне спрятаться.

Только грива кустов у прикорма, а дальше ровное болото. Нечего делать, отошел я шагов на десять со шпуром и лег под кусты. Хоть и не видно лучка, зато дубровника сквозь ветки вижу и, если он вниз юркнет, я тотчас приподнимусь и дерну шнур. Часа два я так лежал под кустами. А дубровник то поет, то улетит, то снова объявится. Закоченел я совсем в сырой траве, уже уходить надумал. Вдруг птичка кончила петь, поцыкала тихонько, повертелась — и вниз. Стал я на руках приподниматься, чтоб увидеть ее, а в это время что-то тихо так около рук «с-с-с-с». Поглядел. Нет, ничего. Снова приподнимаюсь — и опять «с-с-с-с». Вижу, дубровник на точке клюет. Дернул шнур. Есть! Соскочил — и к добыче. Когда распутал, посадил в кутейку дорогую птицу, подумал, а что это там, под кустом, сипело, жук, что ли, какой. Пошел поглядеть. На самом том месте, где я лежал, еще одна змеища огромная свернулась, голова настороже, и язычок черный полощет. Так меня всего и ободрало с ног до головы. Вот кто сипел. Как она меня не клюнула, до сих пор удивляюсь, почти в обнимку лежали. Вовремя пойманный спокойный дубровник запеваёт иногда в тот же день. Загнездившиеся птицы песни не дают и могут погибнуть. Следовательно, добывать

дубровников надо лишь в последние майские дни. В клетке птичка поет в течение мая-июня. Обжившийся дубровник петь начинает с марта и поет до июля с небольшими перерывами. Корм зимой — зерновая смесь наполовину с «соловьиной». 2—3 мучных червя обязательно. Летний корм с добавлением свежих муравьиных яиц и рубленой зелени. Не перекармливайте птичку, она склонна к ожирению. Полная линька идет поздно, в октябре. В марте у самцов бывает частичная линька головы, сероватое осеннее перо заменяется кофейным. На плохом, бедном корме цвет грудки у птиц тускнеет. Клетка дубровнику должна быть первого номера, с мягким верхом обязательно, птицы часто вскидываются вверх и в жесткой клетке разбивают надклювье. К вопросу о ловле добавлю, что иногда дубровник идет в западню на приманного, но далеко не каждый,

Белая лазоревка, или князек

Из бойкого лесного племени синиц одна белая лазоревка — подлинно болотная птичка. На Урале и в Сибири она попадается, хотя и не часто, а в Европейской России исключительно редка. Необыкновенная, снежно-белая, с голубым хвостом, серой спинкой и голубыми крыльями, она несравненна по красоте и миловидности. Недаром народное название синицы — «князек» — как бы подчеркивает ее исключительную статью.

Князек — житель заболоченных речных урем и лесистых озерных пойм с камышом и рогозом. Есть она также в лиственном ольховом чернолесье и болотных торфяных сосняках.

Гнездятся и выводят птенцов лазоревки в глубине болот, в дуплистых гнилушах-ольхах. К осени выводки выходят на края большого леса, залетают иногда в городские парки, но долго здесь не задерживаются. Зимой отыскать, лазоревку может лишь очень знающий охотник. Птички сбиваются на зиму в теплые и обширные тростники. Можно пройти в двух шагах от птички а не заметить ее, тихо ползающую, перелетающую по стеблям рогоза и полым метелкам камыша. В это время лазоревки молчаливы. Редко-редко раздастся где-нибудь их переливчатый крик. Белая с голубым окраска так хорошо сливается с занесенными снегом тростниками, с комочками снега, синего в тенях. Вероятно, отсюда сложилось неверное мнение, что лазоревки откочевывают. Мнение это основано на домыслах. Надевая пойманным синицам медные проволочные колечки, я с точностью абсолютной установил, что выводки князьков лишь меняют одно место обитания на другое и далеко от гнездовий не уходят.

Лазоревка редко идет в западню на других синиц. Ловить ее нужно на белую же лазоревку, в крайнем случае, на лазоревку зеленую, крик которой почти тождествен.

Впервые я поймал князька в окрестностях разъезда Гать, что в 30 км от Свердловска, Был там хорошо оборудованный точок на стыке овсяного поля и лиственной опушки. Слева шла железная дорога, а за нею как раз и начиналось лесное болото, из которого прилетали разные диковинные птички, вроде щуров, сорокопутов и рогатых жаворонков. Лазоревку тогда я знал лишь понаслышке и по книгам, никто из местных любителей их не имел.

Я хорошо запомнил темный ноябрьский день. Все кругом уже стояло в нежном неосевшем снегу. Пасмурный выюжный свет разливался по-над землей, над молчаливым лесом и полями. Я поймал с утра двух густо-красных снегирей и одного серого, сибирского. Можно было кончать ловлю, но я почему-то медлил. Не хотелось уходить из этого первозимнего леса, такого присмирившего и печального, но еще не вымороженного до нелюдимости долгой зимой.

На току, покрытом пухом пороши, стояли в клетках приманнный снегирь и еиница-гаечка. Вдруг синица призывно запищала, а из-за линии, низом, перелетела к току странная бело-голубоватая пятнистая птичка. Она покрутилась на голом березовом кусте и сразу кинулась в ток. Я едва успел дернуть шнур и через мгновение стоял над сетью, разглядывая невиданную белоголовую пташку. Синяя полоса через глаз подсказала мне, что это лазоревка. Но какая? Князек! Белая лазоревка!! С великой осторожностью я распутал добычу и, чтобы не выпустить как-нибудь, сунул руку с вцепившейся в пальцы синичкой подальше за пазуху. Потом выпустил снегирей, еще затопчут красавицу, и посадил лазоревку в носидку. Теперь я торопился на разъезд, беспокоясь, как бы доставить птичку живой и невредимой. Охотник я тогда был неважный: ни мучных червей, ни муравьиных яиц в запасе у меня не было.

Дома высадил лазоревку в матерчатую куролеску, надавил кедровых орехов, семечек, коноплю, поставил баночку с моченым в молоке хлебом. В кухне на русской печи нашлось с десяток полудохлых зимних мух. И они пошли в дело.

На другое утро, едва рассвело, я с тревогой заглянул ^в смотровое окошечко. Птица прыгала по жердочкам как ^{III} в чем не бывало. Вот схватила орешек, зажала в лапке, стала быстро, толково долбить, отщипывать желтоватую масляную мякоть. Она ела с видимым удовольствием. Три года прожила у меня эта лазоревка и была выпущена в тех же местах, где поймана. Я не встречал птички олее умненькой и занятой. Как отлично она знала свою клетку, как забавно охотилась, летая по комнате за мухами и мелкой серой мошкой в цветочных горшках!

Кормил я лазоревку хлебом в молоке, кедровыми орехами, семечками, сырым мясом, вареной картошкой. Летом в корм до половины примешивались свежие муравьиные куколки. Такой корм можно рекомендовать для всех князьков. На одних орехах или хлебе у лазоревки развивается болезнь глаз, подробно описанная в разделе о зябликах. Спасти заболевшую птичку очень трудно. Если болезнь не зашла слишком далеко, надо полностью исключить зерновой корм, давать больше мучных червей и сырого мяса, мотыля, мормыга. Воспаленные веки глаз смазываются слабым раствором марганца.

По качеству песни белая лазоревка относится к плохим, содержат ее лишь ради исключительной внешности. Клетка этой синичке нужна с частой решеткой, можно с мягким верхом или ящичная. Князек хорошо уживается в садках со всеми птичками. При садочном содержании | неплохо повесить синичке берестяную дуплянку, в кото- 'рой птица будет спать и прятаться. Самцы князьков отличаются несколько большей величиной и яркостью окраски. У молодых неперолипивших синичек на голове сероватое круглое пятно. Иногда в первый день лазоревка не берет корма. В таком случае надо накормить ее насильно, как указано в разделе о свежепойманных птицах.

Уже на 2—3-й день упрямая птичка начнет есть сама. Говоря о синицах, живущих в болотных местах, не могу не упомянуть маленькую перелетную синицу-ремеза, совсем не известную птицеловам, ио достаточно описанную всюду из-за своих странных гнезд, свитых из пуха и волосков, наподобие кошелька или варежки, пенькового цвета.

Ремез на Урале начинает встречаться южнее Свердловска. Уже под Каменском-Уральским я находил его гнезда, висящие на концах ивовых веток пад самой водой. О содержании этой пискливой юркой синички ничего не могу сказать, ибо не ловил ее и не наблюдал в клетках. Примерно до тех же мест доходит распространенная в дельтах рек и на степных озерах усатая синица. На озерах Челябинской области она встречается по тростникам, чаще осенью и весной. Птичка крупноватая, рыжего тона, долгохвостая и очень бойкая. Несмотря на все старания, мне не удавалось ее раздобыть. По рассказам очевидцев, усатая синица водится в тростнике и зимой.

Камышевки

Существует мнение, что камышевки не живут в неволе. Его распространяют те, кто камышевок не держал, а главное, не ловил. Замечу, что птицы действительно требовательны к уходу, ловить их трудно, но все они отлично живут в клетках при умелом обращении.

Видов камышевок, живущих в средней полосе летом, много. Большинство из них непригодны для содержания из-за трескучей надоедливости песни. Специальной ловли камышевок нет. Их добывают только исключительные любители. Остановлюсь на описании нескольких видов. Все камышевки — типичные жители болот, влажных опушек, озерных пойм. Они есть и в заглохших сыроватых садах, и в травянистых оврагах. Камышевки сходно окрашены: буровато-рыжий цвет верха и светловатый охристый низ. Клюв у них сравнительно длинный, хвост закруглен, манера держаться и песня различны.

Самая известная камышевка, широко расселенная повсюду,— барсучок. Названа так за полосатую голову, чем отличается от других камышевок с однотонной окраской верха. В старинных руководствах она иногда называется поручейница камышевая.

Птичка эта с громкой, но трескучей песней, все чистые звуки которой перемежаются с характерным верещаньем, вроде: «цыри-цыри-цыри, чере-чере-чере, чип, чип, чип, чер, цыре-цыре, чип-чер-чер-чер».

Барсучок более прочих камышевок связан с водой, тростниками и поет всегда в поймах. Прилетает раньше других, в первой декаде мая. Для содержания в клетке по качеству пения он не годится, разве только с научными целями. То же можно сказать и о нескольких видах камышевок-сверчков, отличающихся от барсучка однотонной головой и песней, напоминающей треск зеленого древес-

ного кузнечика или стрекотание цикады. С трудом веришь, что звуки, несущиеся из высокой болотной травы, издает не насекомое.

— Зер-зер-зер-зер'Зер... — без остановки стрекочет сверчок соловьиный, отчасти похожий по окраске на соловья.

— Спр-р-р-р-р-р-р — пронзительно свиристит более мелкий и слегка пятнистый сверчок обыкновенный. Таково же примерно противное, по крайней мере для меня, колено в песне многих заурадных кепаров.

Камышевки-сверчки живут в травах и никогда не селятся у воды в тростнике, как барсучок.

Прилетают они очень поздно, в конце мая, в числе последних пролетных птиц.

Но в семье камышевок есть и замечательные певцы, на содержании и ловле которых хочется остановиться.

Как-то, в самом конце мая, я ловил дубровника на прикормку в кустах по берегу речки. Возле моего точка, сделанного меж черемуховых кустов, все время пела непонятная и почти невидимая птичка. Она складно высвистывала куликом-чернышом, причитала канюком и чибисом, выкрикивала колена из песни славок, и все это размежалось и дополнялось коротенькой приговоркой: «чек-чек-чек, хи...чек-чек-чек».

Сперва казалось, что варакушка пересмешничает, но ведь варакушка всегда поет на виду, еще на кустик выскочит, на самую макушечку, а эта хитрая птичка на глаза не показывалась, шмыгала в глубине огромного — островиной — развалистого куста черемухи, насквозь поросшего корневыми побегами. Да и строй песни у птички был не тот. Кое-как, на четвереньках, пробрался я в куст, сделал прикормку. Очень загорелось мне добыть занятную говорушку. Через часок проверил — съедено все дочиста. Поставил самолов и только к полудню услышал его мягкий

хлопок. Некрупная, с пеночку, долгоносая, буроватая сверху и светлая с грудки птица со страху опачкала мне руки. Да что поделаешь?! Дома с помощью определителя я установил, что поймал камышевку садовую. Поместил ее в клетку с деревянными спицами. Клетку обвязал полотенцем и поставил на окно. Прошла неделя, но круглохвостая упрямая пичуга молчала. Аппетит ее приводил меня в ужас: мучных червей и муравьиного яйца она съедала больше соловья. «Не самку ли поймал?» — грызло меня сомнение. В конце кондов я выпустил камышевку в огород, и в тот же вечер в кустах смородины у забора послышалось ее красивое знакомое пение с характерным прищелкиванием. Камышевка старалась вовсю, а я ходил до темноты ее слушать и ругал себя за поспешность. Стоило продержаться птичку еще какие-нибудь день-два, и она запела бы дома. В этом я не раз убеждался позднее, когда набирался терпения и «ждал» пойманных птиц.

Выпущенный самец еще долго держался в садах по соседству. Пел утром и ночью, чем удивил всех соседей, немедленно заявивших, что в садах поселился «соловей». Горожане часто принимают за соловьиное любое ночное пение, например, такой обычной птицы, как горихвостка-лысушка.

Садовые камышевки совсем не редки у нас, на Урале, и в европейской части, хотя являются они очень поздно, под Свердловском, например, от 23 мая до 2 июня самое позднее. Из всех камышевок они наиболее «сухопутные» и могут быть отнесены к птицам опушек, гарей

и порубей, зарастающих малиной и колючим шиповником. Охотно селится птичка в садах, выбирая для гнездовья неприступный крыжовник, однако самое любимое место камышевки — сорные места в пригородных лесах, затянутые высокой крапивой. Острова цветущего пахучего шиповника стоят в июне среди крапивных полей. И в таких

неприступных крепостях на все голоса посвистывают и щелкают садовые камышевки.

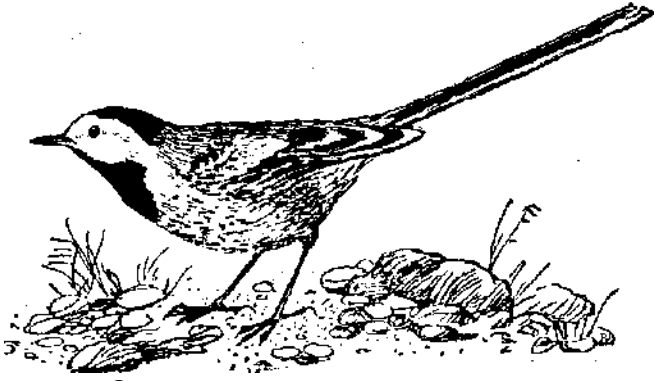
Садоводам следовало бы для привлечения птиц оставлять на зеленых зонах широкие заглохшие кусты. Кое-где связывать ветки пучком. Глядишь, и остановится здесь пролетная камышевка, а ведь это сразу двойная польза: и пения отличного наслушаешься, и работник в саду, какого не сыскать.

Ловят камышевок очень редко, лишь охотники-знатоки, выслушивая по песне. Поют они в клетке до трех месяцев, как и соловей. Иногда такая песня бывает зимой в солнечные дни. Корм соловьиный, но с большой добавкой мучных червей — до 15 штук, в три приема — по 5. Жердочек в клетке побольше, нужны и вертикальные жердочки из стеблей малины. Камышевка любит лазать по ним. Клетка должна быть с мягким верхом, и хорошо, если спицы деревянные. Таковы были отличные кленовые старорусские клетки. Птица в них смотрится — загляденье, и живет хорошо. Есть на Среднем Урале и южнее еще одна камышевка с песней, похожей на пение садовой. Она держится всегда у воды и часто в тростниках. Это индийская камышевка. По содержанию во всем сходна с описанной выше птичкой.

Трясогузки

Из всех болотных певчих птиц самые заметные для лугового кочковатого болота плиски, или трясогузки. С первых теплых дней до осени нет такого мокрого кочкарника, от-112 крытого болота или просто полевой мочажины с застойной дождевой водой, где бы ни встречали идущего тревожным пискom долгохвостые птички, нарядно одетые и непугливые. Их часто видишь также по берегам рек, на влажной полосе бечевника, по песчаным и галечным плесам.

Наиболее известна белая шшска, или белая трясогузка, которую на Урале именуют синичкой, синочкой и даже двоехвосткой. Безусловно, она не имеет никакого отношения к настоящим лесным синицам и с ними никак не сходна. Это беловатая птичка с черным пятном на горле {у самок и молодых пятно выражено слабее и серее) и длинным хвостом, которым она красиво качает на бегу и садясь на камни. Белых трясогузок можно встретить и у воды, и на городских улицах, и в поле, и на крышах

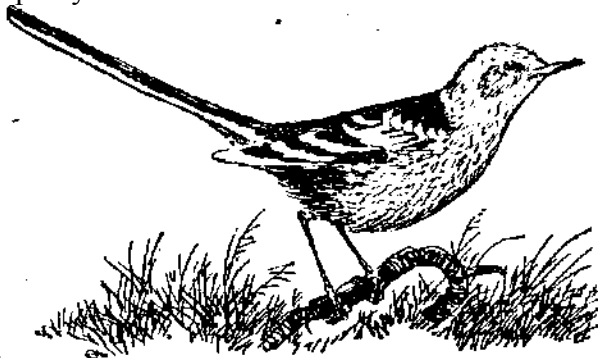
сараяв. Они не стесняются человека, устраивают свои гнезда в полудуплах и пещерках — под камнями, в развалившихся строениях. Появляется трясогузка рано, в числе первых прилетных птиц, вместе со скворцами и жаворонками.

Самое раннее наблюдение относится к 1 апреля 1965 года. Средняя дата под Свердловском — 10 апреля.

С прилета птички держатся исключительно по оттаявшим забережьям озер и прудов, по болотам, по рекам. Целый день они в движении, все перебегают, склевывают что-то в грязи и на синем поднявшемся льду. Иногда самцы трясогузок, более чистые и голубоватые пером, начинают петь, садясь на валуны, изгороди или крыш. Чиликающее, залихватое и нескладное пение белой плиски можно отнести к четвертому разряду.

Самое трудное время для плисок — ранняя весна. На Урале она не проходит без капризных похолоданий, иногда с глубоким снегом, ледяной крупой и гололедицей. Так было, например, весной 1952 года и особенно в 1953 году, когда после благостных начальных дней апреля вдруг хватил сибирский ветер-полуночник с дождем и наутро все — земля, деревья — покрылось ледяной коркой. Было это 14 апреля. Тогда сотни скворцов, трясогузок, зябликов, лесных коньков-шевриц сбились на узкой полосе по разливу теплых сточных вод. Птицы держались тут, пока не потеплело.

Трясогузка — птица насекомоядная. Она кормится всевозможными насекомыми, личинками, всякой водяной живностью, которой кяшит прибрежный ил. Во время похолоданий она не брезгует и мелкими семенами болотных злаков.

Поскольку по песне плиски не интересна, ее редко ловят и еще реже содержат в клетках. В мальчишеские годы я ловил трясогузок в пустую западню на прикормку, соблазняясь их красивой внешностью. Птички жили хорошо в самых обычных клетках без мягкого верха. Они получали в корм муравьиное яйцо, мелких дождевых червей и слизней. С осени я переводил их на хлеб с молоком, мотыль а мормыш. В неволе эта птичка скучна, малоподвижна и, сытая, обычно сидит на верхней жердочке до следующей кормежки. Я не рекомендую белую плиску любителям, зато всячески хотел бы поддержать привлечение этой красивой птички на садовые и городские участки. Трясогузка очень доверчива к человеку. Она часто гнездится в сараях и старых поленищах, а если повесить под крышу или а другом подходящем месте простую полудуплянку, птички охотно займут ее. И тогда выводки забавных долгохвостых неженков целое лето будут пасть в вашем огороде.

Близка к белой плиске другая птица той же породы — плиски горная. У нее тоже черное горловое пятно, но грудка не белая, а желтоватая. Несведущие биологи путают горную плиску с желтой и часто выставляют даты прилета таких «желтых» трясогузок на середину апреля. Горная плиски

малочисленна, встречается у речек, текущих среди каменных осыпей, по обрывам и карьерам. Она не селится у жилья. Во всем остальном сходна с белой трясогузкой.

Желтая трясогузка, или желтая плиска, живет летом на широких чистых болотах и по заливным луговинам обязательно с кочками, ржавыми паточинами и зыбунами, Желтая трясогузка распространена совместно с другой плиской — желтоголовой — очень красивой долгохвостой птичкой, отличающейся от желтой тем, что у нее и грудь и голова (у желтой плиски только грудь) яркого желто-оранжевого цвета.

Обе желтые плиски — типичные птицы весеннего и летнего болота. Их пискливые голоса — «псюль, псюли» — слышатся постоянно, мешаясь с переключкой куликов, гнусавым канюченьем большепкрылых чибисов, блянием бекасов. Когда идешь сухой болотной редкой или дорогой через торфяник, плиски тотчас с криком подлетают и начинают назойливо перелетать в двух-трех шагах или даже виться над головой. Так пни показывают, что вы находитесь близ гнезда, расположенного на кочке и прикрытого травой. Они, подобно белой трясогузке, немедленно бросаются навстречу хищнику, будь это огромный тяжелый орлан или просто вороватая сорока, и преследуют их с раз-

драженным чириканьем, надетая со всех сторон, бесстрашно шмыгая у самого клюва.

По способам питания желтые плиски сходны с белой, но никогда не употребляют в пищу семян и, видимо, поэтому появляются на наших болотах гораздо позднее — в конце апреля, начале мая.

Исчезают желтые трясогузки в середине сентября.

Содержание их в клетках несложно. Требуется лишь хороший подбор корма (соловьиная смесь с большим количеством муравьиных яиц). Клетка лучше длинная, ящичная, как для жаворонков. Обязательна кочка с травой и две толстые жердочки. Водопойка широкая. Плиски очень прожорливы. Песня же их еще хуже, чем у белой трясогузки, и потому я даже не встречал охотников, у которых были бы в клетках эти птички. Никто не ловит их специально. Они попадают по случаю, прикармливаясь на точках для соловьев, дубровников и варакушек. Я никогда не крыл, а просто сгонял надоедливую птичку, которая, повадившись на ток, являлась с завидным постоянством. Доверчивые к человеку на воле, плиски в клетке дичатся и бьются в прутья. Неделя и другая пройдет, пока они обвыкнут, но, освоившись, живут хорошо и во всем напоминают белую трясогузку.

Чеканы луговой и черноголовой

Тан же случайно при ловле других птиц в лугах могут быть пойманы еще две распространенные «летние» птички[^]- чекан луговой и чекан черноголовой.

Чекан луговой некрупный, мельче воробья, со светлой бровью и красновато-коричневой грудкой, Живет он на лу-

говипах обязательно с березничком, сосенками, редко растущими по лугу. Он любит сидеть ао макушкам высоких луговых растений вроде конского щавеля.

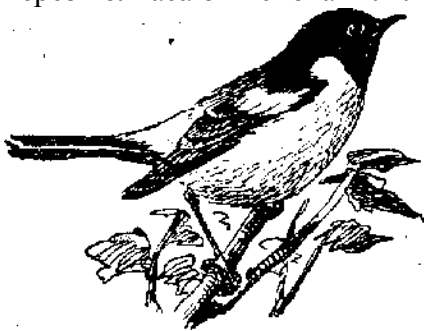
Завидев человека, беспокойно перелетает с тихим однообразным «хи-чек... чек, хи-чек-чек».

Песня очень слабая, коротенькая, щебечущая. То же самое можно сказать о еще более мелком, контрастно окрашенном в черно-белые тона черноголовом чеканчике.

Он держится в более сухих местах и очень заметен.

Прикармливаются и ловятся эти птички довольно легко, но для содержания не интересны, ибо пение их более чем скромное.

Я не один раз ловил и лугового, и черноголового чекаичи-KOR, последних даже парами, вместе с похожей, но ссероголовой самочкой. Я тут же выпускал этих хлипеньших, слабых птичек, а уже через полчаса они снова являлись ва облюбованный прикорм.

В клетке чекану нужен мягкий верх. Корм — как всем насекомоядным соловьиной породы.

Предпочтительна клет* ка-ящик.

Чечевица, или черемошник

В детстве толстые, протертые по углам книги А. Брема «Жизнь животных» были для меня самыми любимыми. Их желтые, пахнущие стариной страницы открывали прекрасный мир, который я любил всей душой, не знаю даже, с какой поры. Еще не умея читать, я наизусть знал все рисунки, а в их числе цветную порванную вклейку, где были изображены птицы с ярким оперением: снегири, Щуры, кдесты. Почему-то, несказавнр удивила меня чечевица, густо карминово-красная птица, с белым атласным брюшком. У меня были альбомы, куда я очень старательно срисовывал животных из разных книг.

Помню, как благоговейно копировал я длинным вечером яркие красные тона оперения чечевицы и был счастлив, даже но мечтая когда-нибудь увидеть такую птичку, подержать в руках,

Первую чечевицу я не увидел, а услышал. «Твитю ит виттю» — звонко свистела она майским утром в осиннике у железнодорожной насыпи.

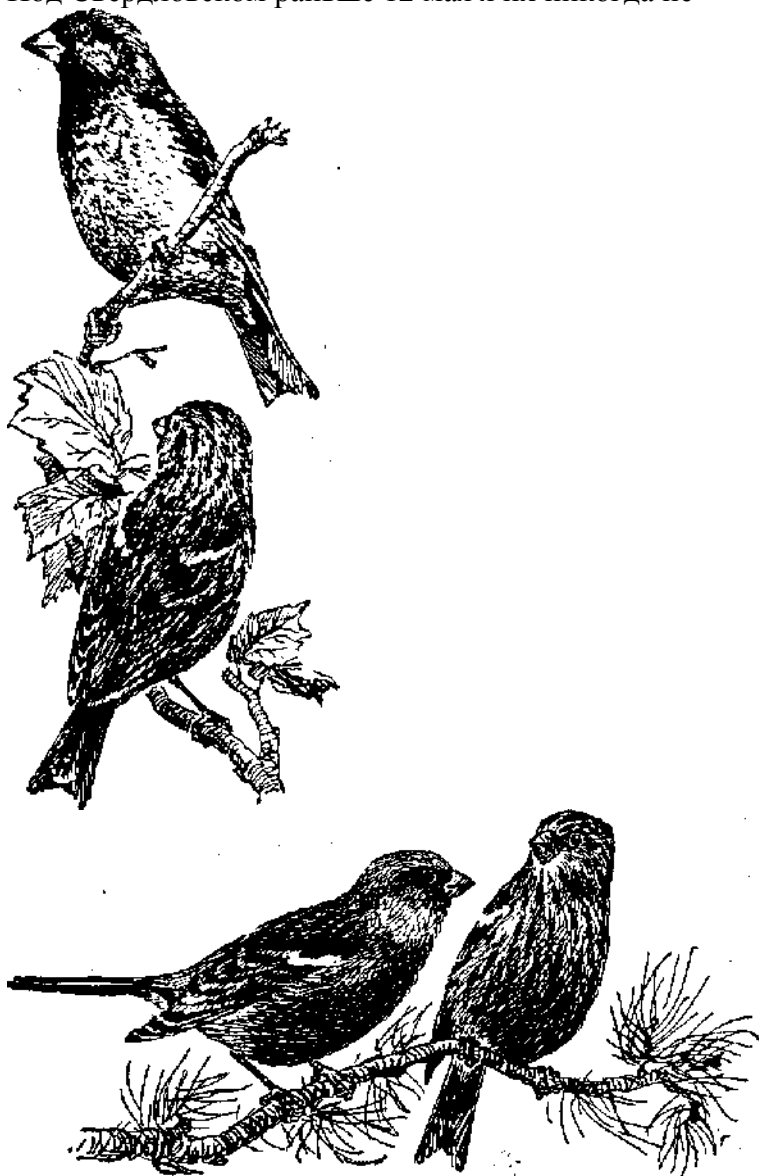
«Да ведь это она, чечевица?!» — подумал я и не успел еще увериться, как птичка вылетела на отдельную расхо-хлатившую сережки осину, совсем близко. Приподняв чубчик, раздав горлышко, она ясно выкрикнула свое вопросительное: «Витю видел?» Я шевельнулся. Чечевица беспокойно завертелась на вершине осины, беспокойно оглядывалась, издавая звучное «пйяя, пянн», похожее на крик канареек, «Сейчас улетит», — подумал я. Но она еще раз выкрикнула свой позы^ и па осине появилась другая чечевица, вся серовато-коричневая, похожая несколько¹ на молодую самку-воробиху. Потом обе птицы нырнули в подлесок и смолкли.

Я не пробовал ловить чечевиц. В городе их никто ие держал, хотя многие птицеловы знали и называли «чере-мошниками». Один «старый птицелов» советовал ловить черемошника на цветущую черемуху, набросанную под сеть, другой рекомендовал посадить в западню самку воробья. Все это можно было выслушать с улыбкой. Я помню, что и соловьев тот же «знаток» рекомендовал добывать на воробья. Читатель, наверное, заметил, что такое название я часто употребляю с иронией, оно действительно так, ведь в большинстве своем «старые птицеловы» — просто старики, не умеющие ни как следует содержать птиц, ни ловить их, зато погрязшие в своих суевериях и усердно передающие их с ложно-авторитетным видом начинающим любителям.

Первую свою чечевицу я поймал на сухой мелколесной гряде, глубоко вдающейся в торфяное болото. Замечу, что чечевицы часто держатся мест сыроватых, связанных с водой.

По этой приверженности я и отнес их к разряду болотных певцов. Но реже они гнездятся в мелколесье, на ягодных опушках и в густых запущенных садах.

На той долгов релке пело пять самцов неподалеку друг ^{от} Друга. Время для ловли оказалось самое подходящее — 18 мая. Черемошники только прилетели. Вообще они появляются у нас не рано. Под Свердловском раньше 12 мая я их никогда не

встречал. Я выслушал всех самцов, которые пели очень несходно. Один четко так выводил: «чи-чу, ви-чу», другой: «твиттю-витю», третий вечно вроде: «чуви-чувьи», четвертый и совсем невнятно свистел, добавляя в концовке какой-то призвук. Оперение птичек также было различное. Три самца красные, от рябинового до темно-пунцового на зобиках и голове, а два серо-бурые с пестринами, первогодки. Красный цвет у самцов чечевиц появляется лишь после второй линьки. Выбрал я красного самца с чистым трехсложным свистом. Чаще он пел на средней высоты сосенке у края реки. Тут я и сделал ток на коноплю, а через два дня накрыл чечевицу тайником.

Птичка была очень осторожна, пришлось строить шалаш и маскироваться.

В клетке она освоилась быстро и пела до середины июля. На другую весну я ее выпустил, так как у чечевицы не прошла линька.

Впоследствии я часто ловил и покупал чечевиц и совсем не согласен с тем же уважаемым Альфредом Кремом, который писал, что чечевица в неволе хилая и болезненная птичка. Живет она в клетке прекрасно, вынослива, как щегол, и неприхотлива, хотя есть некоторые недостатки. Вот они: во-первых, птичка очень подвержена известной всем любителям болезни, называемой «вертоголовостью». Этот порок, когда птица непрерывно «закидывается», задирает голову к спине, неисправим, но нажить его можно скоро. Ни в коем случае поэтому нельзя держать чечевиц в клетках с полукруглым верхом и в клетках открытых. Прямая клетка-ящик здесь совершенно необходима. Следует и умело расставить жердочки.

Во-вторых, чечевицы сильно подвержены ожирению, отчего мало поют, а главное, не линяют в положенное время или вообще теряют перо. Я видел таких несчастных птичек, почти голых и тем не менее живущих на одной конопле у «старых птицеловов» по несколько лет. Чтобы линька чечевиц, падающая па февраль-март, прошла успешно, клетку с птицей надо держать на свету, даже на окне.

В пищу включается большое количество разных ягод, Рубленое яблоко. Хорошо ставить в клетку веточки березы, липы, ивняка с почками и листьями.

Вовремя перелинявшая чечевица начнет свистеть свой красивый посвист уже с марта. Есть у нее в дополнение к свисту еще и щебетание, хорошо слышимое дома, но не заметное на воле.

Посвист птицы хорошо перенимают многие пересмешники, особенно скворцы.

Кормление чечевиц должно быть разнообразным, но не обильным. Смесь зерна, черники, малины, смородины, винограда, летом зелень мокричника. Муравьиное яйцо и мучных червей берут далеко не все чечевицы.

Поздней осенью, в начале зимы и весной, в марте, попадаетея под Свердловском еще и другая разновидность чечевицы — чечевица сибирская розовая. Мне трижды приходилось видеть этих птиц, которые несколько крупнее черемошника, розово-серебристые с грудки, толстоклювые. Два раза я покупал их в октябре на птичьем рынке и содержал зиму в клетке. Птицы повадками ничем не отличались от обычных чечевиц, были тихи, пение — очень скудное тонкое щебетание.

В поле 14 ноября 1958 года я видел их 6 штук, кормящихся на полыни и лебеде. По свидетельству заслуживающих доверия людей, чечевицы розовые бывают в предзимье на Урале регулярно. Ловят их случайно, во время ловли чечеток и щеглов.

На чечевицах я заканчиваю раздел болотных певчих. Он тесно смыкается с другим обширным разделом птиц — опушечных, живущих в разнообразном мелколесье и подседе, по окраинам высокого леса, полянам, гарям а вырубкам.

Певчие птицы
опушек
и кустарников

Может быть, и не следовало выделять этих птиц из разряда лесных. Ведь, например, маленькую пеночку-весничку, встречающуюся иногда и в глубине леса и на его краях, можно считать вполне лесной. Но, если разбираться пристрастно, учитывая, где птица гнездится, пеночки все-таки птвцы опушек, перелесков и кустарниковых луговин. Они избегают темного большого леса и даже на пролете держатся в светлой опушечной зоне.

Опушки, зарастающие вырубки, большие и малые гари, лесные пашни-кулиги, заброшенные давным-давно, зятанутые наглухо осинником, липняком, мелкой березой и сосной, всегда обильно населены птицами. С ласковых ранних дней весны до листопада и первозимья здесь тепло, солнечно, радостно; множество трав цветет желтым, голубым и белым — сыплет к осени мелкие семена; множество насекомых в ветках, побегах и листьях доставляет обильную пищу птицам. Здесь укромные места для гнезд.

Особенно пригодны птицам опушки старых заповедных роц с ягодным подлесьем. По пояс стоят там в бузине, калине, жимолости и сизом кипятково-колючем шиповнике многолетние березы и сосны. Молодые березки и серо-ствольный осинник жмутся, лепятся к высокому лесу. Иногда они отбегают подальше, растут островами кругом в соломистой метельчатой траве.

Птичий хор не молкнет тут с зари до полуночи. Здесь держатся самые разные птички; лесной конек-щеврица взлетает с макушки сосны, забирается с песенкой вверх и плавно скользит на другую вершину, точно бумажный голубок; нежным звоном рассыпаются овсянки; тенькает пеночка; в непролазя цветущего, пахнувшего югом шиповника звонко чокают славки.

Помимо опушек на Урале нередки и такие места, где лес выгорел на корню от ужасных весенних пожаров. На такие унылые пепелища первое время страшно смотреть. Кругом стоят и лежат обугленные белесо-черные стволы, в золе по щиколотку зарывается нога, ветер вихрит и насыпает едкую зольную пыль и пепел. Ни звука, ни сыпучего шума листвы, ни птичьего голоса... Мертвая, лешая земля. Бесконечное кострище.

Однако после первого летнего ненастья гарь сильно изменяется. Яркие жала лесной осоки вдруг просунутся сквозь замокший и побурелый пепел, а недели через две, если лето мочливое, гарь принимает более чем странный черно-зеленый фон — везде пятна свежей травы соседствуют с намертво опаленным слоем. Через год, другой на горельнике буйно разрастаются травы, в человеческий рост вымахивают побеги лесной малины, пахучая гаполга и шиповник. На четвертый год траву побеждает березняк. Он бывает так част и густ, что по нему невозможно ходить, как по торчком поставленной щетине. Миллионы прямых, шершавых, здоровых побегов тянутся к солнцу, выгоняя за лето метровый прирост. И всегда дивишься всепобеждающей силе жизни, доброте и неистощимости земли... Оставшиеся, опаленные в первый год деревья засыхают совсем. Иные оживают, обрастают корой и листвой. По-новому живописной смотрится гарь: на широком раздолье молодого подлеска одинокие сосны, березы, ели, языческими идолами маячат черноликие обломыши, стоят, покосившись и прямо, редкие мертвые сухары. Ястреба, канюки и совы удивительно любят такой лес, и нельзя представить сколько-нибудь обширной гари без четкого силуэта кружащего в небе хищника, без канючьего крика, без сидящего на обломанной лесине, вобравшего в плечи голову прямохвостого перепелятника. Обилие хищных птиц не трудно объяснить тем, что на гари полным-полно мышей, землероек, ящериц, что здесь кормятся молодые зайцы, бурундуки и выводки тетеревов. Но самое заметное и разнообразное население гарей —• все-таки певчие птицы. Десятки чеканов, пеночек, славков, садовых камышевок и чечевиц селятся здесь в теплое время. Чоканьем, "свири-стеньем, свистами говорит, разговаривает гарь.

Совсем не такую картину дают лесные вырубки. Мелколесьем они зарастают еще быстрее, чем гарь, но не столь красивы, не живописны, иногда просто унылы из-за удручающего однообразия какой-нибудь древесной породы. На вырубках чаще растет осинник. Певчих птиц здесь мало — нет корма, нет места для гнезда. Лишь когда порубь достаточно зятанет лесом, число птиц увеличится, но никогда места сплошных сечей не бывают так богаты птичьим населением, как опушки и гари.

Во время осеннего и вешнего птичьих пролетов, в пору неспешных зимних кочевков птицы придерживаются опушек, речных долин, лесных перемычек, делящих полевые массивы. Здесь и нужно любителю иметь постоянное место для охоты. Опушки, особенно кормовые, невысокие,

расписанные осенью многоцветьем теплых тонов,—лучшее охотничье место.

Пеночки

Я всегда удивляюсь великой точности народных названий цветов, трав, деревьев, птиц. Разве в слове «снегирь» не слышится глубокая снежность нашей зимы, разве не отразились весь характер и суть доброй спокойной птички? А свиристель? А сорокопут? А дребезжащее слово «дрозд», так ясно рисующее крик и характер пугливой птицы. И вот еще слово — пеночка. Прислушайтесь, сколько в нем нежности, женственности, музыкальной красоты! Птичка, названная так, должна быть тоненькой, стройной, маленькой и скромной. И она действительно такова, если говорить о любой пеночке, а особенно о самой лучшей из них — веспичке.

Все пеночки сходны пером, величиной и обликом — тонкоклювые, зеленовато-бурые сверху, чуть желтоватые с нижней стороны, словно бы по белому чуть охрой потерто.

От близких к ним славков и камышевок они отличаются самой малой величиной, желтоватой бровью и особым «пеночковым» складом тела. Но главное отличие пеночек друг от друга и от прочих птиц — их пение. Песни пеночек

разных видов так неодинаковы, что, услышав их однажды, любитель никогда не спутает перелива пепочки-веснички с простенькой болтовней теньжтки, торопливым раскатом зеленой пеночки или сухим стрекотаньем трещотки.

Самая заметная пеночка на лесных опушках и в солнечной зоне лесной окраины — весничка. Ее отличный нежный и округлый, как бы затихающий раскат несколько напоминает зяблика. Но зяблик поет обычно в бодром барабанном мажоре, а весничка выводит таким минорным, сладко льющим голосом, что дрожь по спине бежит. Очень хороша ее песенка. После долгой зимы вдруг раздастся она в голом, но >же чуть зеленеющем, дымчатом от нагрублых почек березняке, и кажется — сама весна засмеялась. Голосок веснички мы слышим на старых вырубках, и в болотистом сосняке, и в полевых перелесках. Поет весничка на вершине березки, славит обтаявший лес в холоде майского утра, и так-то хорошо на душе становится: снова до весны дожил!

•* Н. Никонов

Из всех насекомоядных нежных птиц пеночки прилетают первыми. Если взять три сходных категории: пеночек, славков и камышевок, то пеночки появляются первыми, за ними прилетают славки и в последнюю очередь — камышевки, за исключением камышевки-барсучка.

Я встречал пеночек-весничек и теньковок даже 20—21 апреля (1965 год). Птички еще не пели, а порхали по кустам опушки, спускались на землю и все время деловито поклевывали. Они были так незаметны, лишь тонкое нежное «уить», отчасти сходное с криком соловья и горихвостки, выдавало птиц. Редко-редко начиналась песенка в треть голоса и тут же смолкала.

Через неделю, к 2—5 мая яеночки запевают, и тогда их голоса так оживляют сочащийся водой, белеющий вербами пробудившийся к жизни лес.

Поймать ноющую весничку без приманной очень трудно. Хитрая пеночка не идет в мае ни на ток, ни в западню. Лишь при большом желании и терпении, хорошо выследив, где птичка сходит на землю, ее можно прикормить и покрыть лучком. Весенняя охота требует терпения, терпения и терпения, плюс девяносто процентов удачи, и тогда весничка ваша. А вот ловля осенью, в сентябре (пеночки задерживаются с отлетом до начальных чисел октября), почти не составляет труда. Осенью по мелколесью, по сыроватым опушкам и в заглохших садах птички надоедливо лезут на ток. Щелкая клювом, они гонят с тока любую, подчас очень нужную птицу. И меж собой пеночки очень драчливы — постоянно не ладят. Встретятся два самца и тотчас затевают потасовку, бешено летают друг за другом по кустам, пока один не улепетнет. Осенью пеночки вливаются в синичьи стаи в бродят с ними, придерживаясь

опушек. Осенние пепочки любопытны по-спничьи, птицеловы их кроют часто, но на рынки не выносят. Скромная буровато-оливковая птичка — желтобровка — не клюет коноплю и потому не интересует птичника-промысловика. Для него, кроме «ходовых» — чижа, щегла, снегиря, чечетки,— нет других певчих птиц. Все прочие отнесены к категории «не живущих».

Я много раз ловил пеночек осенью и всего дважды — в мае, но подолгу не держал их. Замечу, что к клетке они привыкают скоро и не отказываются от корма. Уже через неделю птички начинают потихоньку петь. Вообще говоря, пеночка у охотника — великая редкость, а поющая громко весничка — уникум, хотя сами по себе они многочисленны и поют в клетке много, до 7 месяцев в году. Все пеночки очень прожорливы. Весничка, пойманная мной в середине мая случайно, при ловле соловьев, съедала в день едва ли не две соловьиных порции муравьиных яиц и еще прихватывала хлеба, моченного в молоке. В связи с этим хочу сказать, что любители напрасно боятся содержать в клетках крупных певчих птиц, например, дроздов. Надо помнить, что чем крупнее птица, тем меньше она съедает корма, конечно, пропорционально весу своего тела. Даже и количественно певчий дрозд съедает не больше соловья, ^ соловей — меньше, чем крошечная пеночка-весничка. Гораздо чаще, чем весничка, охотникам попадает другая пеночка — теньковка, которая лишь чуть поменьше. Но голос теньковки звучит как жалобное «тии, тии», напоминая писк чижей. Песенка же совсем не похожа на теньканье, как об этом усиленно распространяются несведущие люди, она напоминает равномерный «разговорчик» вроде: «тиви-тиввд, тивю-тиви, тивю-тиви», лишь в конце песни,

как дополнение к ней, идет тихое своеобразное — «тээ, тээ, тээ...»

Поскольку теньковка по песне птичка незавидная (отнесем ее к четвертому разряду), никто ее специально не ловит и не содержит.

Однажды, в конце июля, взял я двух хорошо оперенных птенчиков веснички. Всего их было четыре. Сидели они в типичном гнездышке пеночек, сделанном с шалашиком из травы, на поляне у кочки. Двух взятых миленьких птенчиков с пушинками на голове я посадил в шапку и так нес, хотя они раз пять выскакивали на дорогу и вообще дичились. Дома обе пеночки отлично принялись за муравьиное яйцо и хлеб в молоке, а через двое суток начали есть сами. Очень скоро пеночки стали летать. Я выпускал их в комнату, и они отлично ловили мух. Любая муха, ненароком заглянувшая в их клетку, тотчас оказывалась в клюве пеночки. Это было забавно. Иногда я брал клетку с птичками, подносил ее к сидящей на стене мухе и как бы показывал насекомое. Естественно, что муха слетала внутрь и тут же, как магнитом, ее втягивало в клюв пеночки, причем птичка даже не трогалась с жердочки.

Обе пеночки жили благополучно, и самец, который был немножко крупнее, уже начинал «ворчать», пробовал голос. К великому сожалению, он стал добычей кошки, случайно забравшейся на кухню, где висела клетка с пеночками. Вторая птичка — самка — уцелела, дожила до весны и была выпущена в лес.

Корм для пеночек в клетке должен быть максимально разнообразен: обваренные муравьиные яйца даются в смеси с белым хлебом, размоченным в молоке. Можно прибавлять тертую коноплю, вареный мясной фарш, рубленое

яйцо. Ежедневно до 15 мучных червей, в 2—3 приема. Корм лучше ставить утром и под вечер. В зимние вечера клетка должна быть освещена, иначе пеночка погибнет от истощения. Соблюдать это правило полезно для соловья, камышевок, соловьиных.

Другие встречающиеся на Урале пеночки — зеленая, сибирская и, как редкость, зэрничка — во всем сходны по содержанию с описанными выше, но песню имеют не столь хорошую. Песня зеленой — торопливая, сбивчивая, хотя и очень громкая трель, напоминающая начало песни зяблика и затем словно продолженная пением белой пливки.

В подходящих местах — опушки глухого высокого леса — зеленая пеночка очень многочисленна. В целом же пеночки — приятнейшие ласковые птички. При хорошем уходе они живут долго, поют много и отлично привыкают к своему хозяину.

Славки

Насекомоядные птички, которых несведущие охотники постоянно путают с пеночками,— славки. Они тоже некрупные (но все же побольше пеночек), тонкие птички «насекомоядного» облика, но внимательный глаз сразу отличит славку от зеленоватой желтобровой и мелкой пеночки или круглохвостой нертлявой камышевки. Все славки серее оперением. У них нет «бровей», нет

зеленых тонов в окраске верха и низа. Самый склад славок поглубже, корпуснее. И, наконец, позывка их — характерные чаканье и чоканье — «чок-чок». Все славки — типичные жители кустов. В сплошной густой лес они далеко не заходят и гнезда

устраивают всегда около опушки. Славки редко летают на далекое расстояние, корм добывают возле гнезда, и все их существо приспособлено к жизни среди веток и листовой густерни — здесь их дом, их стихия. Почти все они обладают неплохими голосами, а по стпони благозвучности пение черноголовой славки может быть отнесено к высшему разряду. Несколько хуже поют самая крупная из славок — ястребинка и славка садовая (не путать с садовой камышевкой!), очень распространенная на Урале и в средней полосе европейских лесов. Пение двух других славок — серой и завирушки — относится к худшему разряду, и для любителя эти птички мало интересны. Славка черноголовая. •Я начну описание славок с наиболее известной меж охотниками славки — чер-

ноголовой, или просто Черноголовки. Это некрупная птичка, окрашенная характерно для славок — беловатый низ и сероватый верх. У самцов на темени черная шапочка, самки и молодые — с бурым теменем. Для Урала, Среднего и Южного, Черноголовка — редкая птица. Чаше встречается она в Предуралье, в Пермской области, а под Свердловском Пыла найдена мной лишь два раза (оба в июне) в окрестностях разъезда Гать и станции Коуровка. В обоих случаях птички держались на сыроватых опушках с густым подлесьем из ивняка, березы, жимолости и редких елочек. Опушка на Гати была в углу овсяного поля, над мелким леском поднимались родкие и довольно высокие ели. На одну из них Черноголовка усаживалась петь. Ее голос, включавший красивые флейтовые ноты нежного минора, проникновенно и грустно звучал в сверкающее росой, ясное и прохладное утро. Все было зелено, свежо, пахуче кругом, и долго-долго слушал я птичку, не будучи в силах. идти дальше, заколдованный, замороженный ее малиновым голоском. Ловить Черноголовку было поздно, и я еще дважды приезжал ее слушать, искал гнездо, но не мог найти. Оно было надежно спрятано.

В Средней России и южнее Черноголовка относится к самым обычным птицам, населяет запущенные сады, одичалые вековые парки, кладбища, потонувшие в бузине и крапиве. В районе Сочи, например, она гнездится едва ли не в каждом саду, хоть там и трудно отличить сад от леса, а лес от садовой нечищенной поросли. По моим наблюдениям, кавказские Черноголовки по песне плохи и в подметки не годятся среднерусским, а особенно гнездящимся в Предуралье. Ведь у хорошей черноголовой славки до 12—13 чистых прекрасных колен, поющих, как говорится, с чувством, с толком и с расстановкой. Ближе всего пение Черноголовки напоминает певчего дрозда.

Ловят черноголовок тайничком или самоловом на доске, устанавливая снасть в заприваженном месте.

Осенью в ягодных садах с бузиной можно поймать эту славку в пустую западню, если обильно положить в нее ирги, смородины, черноплодной рябины, мучных червей и куколок. Г приманной Черноголовкой ловля гораздо успешнее. Пойманные черноголовые славки дики. Дня три и до недели их выдерживают в куролеске, в обвязанной клетке обязательно с мягким верхом. Когда птичка хорошо возьмется за корм и освоится, клетку вешают в светлое место, но не на окно.

Тип клетки № 1 и 2, предпочтительнее ящичная. Зимний корм — обваренные ягоды бузины, ирги, черноплодной рябины, другую часть корма составляет соловьиная смесь, 5—8 мучных червей ежедневно. Летний корм — соловьиная смесь со свежими муравьиными яйцами, ягоды (черника, смородина); количество червей до 10. Выдержанная Черноголовка хорошо ест рубленое яблоко, которым можно заменять ягоды, ест, по привычке в", и мясо, сырое и вареное. Птичка эта, несмотря на малый рост, прожорлива и склонна к ожирению. Осенью, после линьки, надо не реже двух раз в месяц осматривать ее и, если она зажилела, сокращать корм.

Черноголовка принадлежит к строго перелетным птицам. Появление ее под Свердловском можно отнести к двадцатым числам мая, а к середине октября она уже исчезает повсеместно.

Осенью 1966 года, когда уже была написана эта книга,

я наблюдал черноголовую славку-самца 10 октября. Птичка

держалась в саду возле нашей усадьбы. Уже выпал

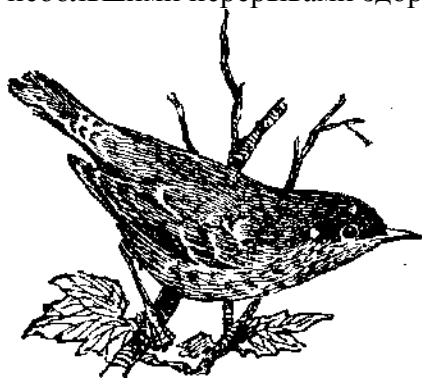
снег, а Черноголовка упорно не хотела отлетать и появлялась в саду каждый день. Птица была чистая и здоровая с виду, летала и прыгала по веткам бойко. Кормилась славка мерзлой красной бузиной и засохшими ягодами жимолости. Славка не отлетела даже тогда, когда в ночь на 14 октября выпал глубокий снег и сделалось морозно. Последний раз я видел ее на бузине 21 октября под вечер. Пролет идет по садам, ягодникам, старым кладбищам. В перелетный период славки ведут себя беспокойно. В таких случаях, если клетка не ящичная, нужно поставить меж прутиками боковин картонки, а на ночь оставлять слабенький свет ночника или самой малой электрической лампы. При свете птица видит жердочки и не бьется впустую. Этого правила, действительно для всех ночных перелетных птиц, многие любители не знают или не соблюдают и потом огорчаются, что птица обилась, стерла до пеньков хвост и т. п.

i

Ведомая древним инстинктом, птичка и в клетке «летит» на юг. В темноте осенних ночей она бьется по клетке, ползает по решетчатым спицам и к утру нередко сидит в углу на дне, выбившись из сил.

Переведите птицу в ящичную клетку, оставьте на ночь маленькую лампочку, и все будет хорошо — ваши перелетные славки не испортят ни одного пера.

Черноголовые славки при бережном обращении поют; много, однако не все время в полный голос. После линьки в сентябре они нередко запевают громко, но потом — ноябрь и декабрь — поют себе под нос. С февраля начнут прибавлять, и к марту песня становится вполне звучной. С небольшими перерывами здоровая Черноголовка поет до

Славка ястребиная. Нигде не бывает очень распространенной птицей. Везде она как-то редковата и более одной-двух пар даже на самом подходящем месте я никогда не встречал. Из славок ястребинка — самая крупная и оригинальная по своему оперению, с испода и грудки совершенно полосатая поперек, как у ястреба. Даже и глаза у птички желтые, хищные, что довершает ее странное сходство с ястребом, кукушкой или вертишейкой, конечно, в миниатюре. И по манере держаться ястребинка сильно отличается от черноголовой и садовой славки. Она никогда не поет на месте, все перелетает, ходит гк> высоким вершинам леса, очень строга, пуглива, этакая непосода-поска-куша.

Пары ястребиных славок гнездятся на Урале в компании самых обычных славки садовой. По пению ястребинка

представляет нечто среднее между Черноголовкой и садовой славками; удачно подражая как той, так и другой, она чисто копирует колена черного и певчего дроздов. Поймать ястребинку

гораздо труднее, чем всякую другую славку. Очень редко идет она в западню осенью на ягодную приманку. А чаще ее ловят с прилета, в конце мая, высматривая тот куст, где она чаще держится, и устанавливая там самолов на доске или на земле. Охотнику надо знать, что только самец этой славки имеет четкую «ястре-бовость» в окраске грудки. У самки пестрины почти не заметны и ростом она помельче. Содержание и корм — совершенно такие же, как и для Черноголовки. Клетка ящичная с мягким верхом обязательна. Из всех славок ястребиная самая пугливая и привередливая. Она долго не привыкает, бьется в прутья, испуганно чакает, едва приблизишься на расстояние вытянутой руки.

Этих славок имеют в своих коллекциях немногие классные любители. Пожалуй, не ошибусь, если скажу, что на весь Советский Союз не наберется и десяти охотников, у кого есть поющие ястребинки. Кстати, вот аргумент для тех, кто любит плакаться о вреде птицеводства и о том, что охотники-любители будто бы «тысячами» наводят насекомоядных.

Славка садовая. Когда проходишь в июне по некошенным полянам, сильно цветущим желтым, голубым и белым разнотравьем, когда бродишь по молодым березнячкам, вдыхая всей грудью сладко-душистый запах березового листа,—езде слышишь приятные голоса птичек, свистовую скороговорку с особым дроздовым «юрюкавьем» ~

иначе не скажешь. Это поют чаще всего «лесные птички», как по незнанию, оптом называют садовых славок. Этих славок везде очень много, в иных местах поет по десятку самцов, особенно на опушках смешанных рощ с хорошим густым подлесьем, рощ слегка сыроватых, с преобладанием березы, осины и липы.

Садовая славка как-то привязана к березе, чего не скажешь о ястребинке и черноголовкой, которые любят другой лес, а Черноголовка даже предпочитает ельнички, во всяком случае, их опушки.

Несмотря на широкое распространение, садовая славка не так уж часто попадает в руки охотников. Весной она ловится трудно, а больше добывается в осеннее время (начало сентября) в обыкновенную западню на черные ягоды смородины, бузину и мучных червей. Мне доводилось ловить в запущенных садах, где изобильно росла красная и черная бузина, по пять-шесть славок в децъ, но я редко

оставлял пойманных птичек, так как осенняя славка не известна по песне. Чаще в западню идут молодые птицы, которые поют тихо и нескладно. Лишь пойманная с прилета, в двадцатых числах мая, выслушанная садовая славка может считаться отличной комнатной птицей. Поет она много и красиво, привыкает хорошо. Особых примет в оперении этой птички нет. Вся она сероватая сверху и светлая снизу, покрупнее Черноголовки. У самцов голубоватый верхний ошейничек. Все осенние славки-самцы постоянно тихонько напевают — «бормочут».

Другие славки. На Урале и в Средней полосе водятся еще два очень обыкновенных распространённых вида славок: славка серая и славка-завирушка. Серая похожа на садовую, но меньше ее, без голубого ошейничка, серее пером и тоньше. Песня у нее — нескладная короткая трель, с которой птичка иногда взлетает из кустов в воз-Дух. Любит сады, огороды, кусты крыжовника, небольшие болотца с кустарником.

А самая мелкая из славок (ростом с пеночку)—завирушка, или мельничек, отличается белым низом и коричневым верхом, переходящим на голове в темноватую шапочку. Прилетает раньше всех других славок. Ее односложную трельку «кле-кле-кле», напоминающую стук деревянного мельничного поставца, слышишь уже и 10—15 мая. Удивленная или напуганная чем-то птичка может очень звучно, акцентно чакать: «чак-чак-чак», если «ч» произносить без смягчения.

Эта славка и серая часто захлопываются осенью в западни, но для любителя хорошего пения птички не инте-

ресны. Гнезда завирушек¹ постоянно находить в июне на елочках и можжевельниковых кустах. Птички самоотверженно сидят в своих травяных лукошках, так что можно дотронуться. Иногда завирушки забавно отводят от гнезда, притворяясь подбитыми. Славки — одни из самых лучших насекомоядных птиц, пригодных для жительства в городе. Следует в садах оставлять им запущенные кусты да оберегать от кошек.

Сорокопуть

Если можно говорить о хищных певчих птицах, то прежде всего надо назвать сорокопутов, хотя они не единственные хищники; все птицы вороньей семьи, относящейся тоже к певчим, не брезгуют живностью. С известной натяжкой может быть названа хищной большая синица, но сорокопуть, конечно, превосходят всех. Повсеместно их встречается два вида — маленький, чуть побольше воробья, жулан² и крупный, по длине превосходящий любую певчую птицу, — серый сорокопуть.

¹ Завирушками называют еще несколько видов птиц, не относящихся к славкам и составляющих как бы переходное звено от насекомоядных к зерноядным. На Урале встречаются три вида таких завирушек: лесная, черногорлая и сибирская. Все три вида — скрытные кустарниковые птички, со скудной песенкой, по питанию напоминают коньков. Иногда попадают птицеловам, как редкость, с сентября по ноябрь, на пролете. Я держал и лови! всех названных завирушек и нахожу, что для охотника они скучны, в клетке беспокойны и молчаливы.

² Не смешивать с сорокопутом-жуланом обыкновенного красногрудого снегиря, которого на Урале повсеместно тоже зовут жуланом.

Оба они сходны по своей стати, сравнительно длинному хвосту, черной широкой полосе, идущей через глаз к загнутому клюву. Серый сорокопуть напоминает отчасти и сороку своим бело-черным окрасом.

Мне не приводилось держать сорокопутов в клетке, я не охотился за ними специально, однако они попадали несколько раз при ловле других птиц. Три года назад — в двадцатых числах мая — я ловил чечевиц в сыром мелкоlese под городом. Повесив западню с ири-манной чечевицей на сук невысокой осинки, я ушел побродить по болоту, а когда вернулся, нашел в западне малого сорокопуть, или жулана. Не думаю, чтобы он соблазнился конопляной прикормкой, тем более, что моя чечевица была в крови, с выдернутыми из крыла перьями.

Этот случай я привожу потому, что обычно в орнитологической литературе жулана именуют не нападающим на птиц. Второй раз, в августе, молодой жулан попал в западню на сидящего в пей реполова. Третьего сорокопуть — на сей раз большого серого — я «прокрыл». Он подлетел по-ястребиному, низом, и кинулся на ток, где стояли две клеточки с чижками. Я слишком поспешно дернул шнур — и сеть только отпугнула хищника.

Все мелкие певчие птички знают хищность сорокопутов и большого и малого. И хотя они не замирают в паническом ужасе и не прячутся с тоскливым писком, как при виде ястреба, но держатся настороже и покрикивают беспокойно.

Как-то летом я шел с реки луговиной и услышал отчаянное таканье серой славки. Я подошел к большому кусту ивняка, чтобы узнать причину столь великого беспокойства, и увидел взъерошенную, всю какую-то вздыбившуюся славку и малого сорокопуга, который сидел на верхней сухой ветке с видом разбойника, вошедшего в квартиру, когда в ней нет мужчин. Бедная славка, очевидно, боялась за птенцов — иначе зачем бы ей так неотступно биться в кусте, да и время было самое подходящее для гнездовья. Я прогнал нахального жулана, но не уверен, что он не возвратился и в конце концов не закусил птенчиками на глазах у расстроенной мамыши. Конечно, но всегда жулан шарит по гнездам и занимается «людоедством». Он ловко хватает крупных стрекоз, ловит кобылок и кузнечиков, охотится за большими жуками. Это охотник в прямом и переносном смысле. Жулан ловит и просто так, про запас, накалывая лишнюю добычу сушиться впрок на шипы боярышника и острые сучочки. Он охотник. Но еще в большей степени охотник его старший брат, певчий хищник, в два раза крупнее малого. Серый сорокопуг держится на опушках, возле полей, на горях, любит, как и жулан, сырые кустарниковые низины. Если жулана можно увидеть часто сидящим на проводе, на виду, то большой сорокопуг держится скрытно; воровски, в нижних сучьях деревьев. Никогда я не видел этих сорокопутов парами — все в одиночку.

Летом они куда-то пропадают, видимо, гнездятся в недоступных лесных болотах — корбах, а появляются весной и к осени, причем задерживаются до глубокого снега. Однажды я видел такого сорокопуга в конце ноября на опушке У поля. Я находил и его «жертвенные кусты», где сохли мумии ящериц, полевок и лесных мышей.

Я не встречал любителей, у кого бы жили подолгу и пели сорокопуги, но в старинных немецких и французских руководствах сорокопуги упоминаются как хорошие певчие птицы, пригодные для содержания. Пение малого сорокопуга я слышал не раз в местных болотцах в начале июня. Оно приятно разнообразием колеи, чисто и точно поставленных. В песне жулана, относящегося к пересмешникам, отсутствуют хриплые и трескучие звуки. Строй пения весьма AI у зыка лен, есть колена тропических птиц. Пения серого сорокопуга я не слышал.

В клетке сорокопуг неприятен тем, что ему нужен живой корм: мыши, птицы, лягушки. Мясо сырое он ест, по привычке в, но неохотно, хлеб в молоке берет лишь изголодавшись. Щулану можно включить в корм кобылок, стрекоз, тараканов и кузнечиков, но такой корм труден для добывания. Лишь очень медленно можно приучить сорокопутов к суррогатному мясо-хлебному рациону, с добавкой мучных жуков и крупных червей, и хотя бы раз в неделю снабжая какой-нибудь живой подкормкой. Клетки сорокопутам нужны дроздовые.

Овсянка обыкновенная

Народное название всегда метко; как нельзя более подходит оно к желтоватой долгохвостой птичке, по имени и облику которой названо целое семейство. Никакая птичка не связана так крепко с опушками леса, как овсянка. Уже в феврале слышишь звенящую нежную песенку: «зинь-зинь-зинь-зинь-тсииии...». Поет самец — золотая грудка на голой березе. «Синь-синь-синь-садь-сшш,

ттик» — вторит ему еще более яркий овсяняк с золотой звездочкой на темени. Так и звенят до полудня, возвещая спящему лесу, что вот и солнышко повернуло, и весна на пороге, и дело к теплу.

Среди этих обычных певунов иногда попадаются овсянки «с колокольчиком». Их весенний голос звучит чудным звоном литого серебра: «тинь... тинь... тинь... тсинь». Такая овсянка — редкость. Добывать ее для всякого истового охотника — честь. Овсянок нечасто содержат в клетках. Только любители подорожников да кенароводы, которые ищут «овсянок с колокольчиком» в учителя молодым кенарам. Молодые кенары хорошо берут это колесо. Птицеловы-промышленники ее знают и ловят, наверное, потому, что птичка зерноядная, держится у нас круглый год и многочисленна. Во всякой лесной опушке, в березовых кустах, вдоль проселку в лесах у желез-

ных дорог — везде встречаются нас эти птички с грудкой, напоминающей цветом золото, овес и сотовый мед. Чем старше самец овсянки, тем ярче, золотистее его окрас. Здесь же, на опушках, овсянки выводят птенцов. В конце апреля буроватые, лишь слегка желтые снизу, самки строят в корнях кустов, на земле хорошо укрытое гнездо. Сидят они очень крепко, слетают из-под ног или тихонечно, едва двигаясь, «отползают», с робостью оглядываясь на проходящего. Если у вас острый слух, вы услышите тоненькое «тсииии» — голос испуга у всех овсянок.

В конце июля — начале августа (второй выводок) появляются стайки овсянок, состоящие в основном из тускло-желтых и буроватых молодых птичек. Ближе к осени овсянки подвигаются в обочины хлебных полей, а к зиме и совсем выходят к жилью, кочуют по дорогам, гумнам, токам, навозным кучам, иногда объединяясь с воробьями, пуночками, лапландскими подорожниками и снегирями. Летают они и по проселкам, собирая насорепное зерно, и по железным дорогам. В пору заготовок хлеба железные дороги становятся кормилицами и птиц, и полевков, и лесных мышей, и даже белок и бурундуков, которые, не щадя живота, день и ночь подбирают сыплющееся из вагонов зерно.

Ловят овсянок ранней весной до периода гнездования или в зимние первые оттепели. На приманную они хорошо идут под сеть и даже в западню. На прикормку ловят, если нет приманной овсянки, а требуется поймать выслушанную хорошую птицу. Прикорм делается там, где облюбованный самец чаще поет. Пойманные овсянки почти всегда сильно бьются, почему им необходимы клетки с мягким верхом, лучше ящичные. Очень хороши клетки с деревянными кленовыми спицами — тогда и вид у птички какой-то очень русский.

За корм овсянка берется всегда. Зимний — зерносмесь и треть соловьиного мягкого корма. Летний корм дается половина на половину, к тому же еще обязательны мучные черви или свежее муравьиное яйцо. Охотно ест моченый хлеб и рубленую зелень, ягоды не берет.

Сам я очень любил овсянок за их скромный полевой наряд, за песню-веснянку. Я держал их много. Птичка славная, простенькая и добрая.

В южных районах Урала и в Западной Сибири, изредка под Свердловском попадает овсянка белошапочная, у которой желтый цвет на голове и груди заменен белым. Белошапочная поет хуже, грубее, в остальном мало чем отличается от обыкновенной. Придерживается она более полевых, открытых мест, по величине немного крупнее, особенно самцы.

Овеян ка-ремез

В книгах о ловле птиц нигде не описана. По ряду наблюдений можно сказать, что ее знают, содержат и ловят в основном только свердловские охотники. Овсянка же эта по своим замечательным певческим качествам может быть поставлена выше дубровника. Ремезы — перелетные овсянки и появляются рано, в средних числах апреля. Они не многочисленны и занимают только сырые опушки. Кочковатая смешанная «согра» с елями, березами и осипой — любимое место бодрой непоседливой птички с ярко окрашенной в черно-белую полоску головой и коричневым ожо-

рельем на белой грудке. Так принаряжены лишь самцы ремезов и только весной, к осеи голова становится бурой, белое и черное скрывается под рыжеватыми кончиками новых перьев. У самок черный цвет заменен серо-коричневым п грязно-желтым, галстучка на груди нет.

Весеннее лесное болото, опушка с желтой калужницей как-то мертвы, если не льется над ними громкий округлый свистовой перелив ремеза. «Оли-юлю-юлю-юлю-тюви» — выговаривает певец, сидя на голубой и розовой березе. Посидит, споет раз-два и дальше, на другую березу, на ель — так и ходит кругом на своем весеннем участке, олевая лес, радуясь солнышку. Птичка словно олицетворяет весеннюю бодрость природы: задорно торчит ее черный хохолок на полосатой голове, вибрирует горлышко, вздрагивает хвост.

— Да проснитесь вы все: лягушки, травы, цветы-медуницы! — словно кричит он.

Еще холодно вверху, в безоблачной голубизне, шаром ходит по голым макушкам несогревшийся весенний ветер, но внизу, у луж, между кочками, тепло. Уже оттаял, встает бурыми зубчиками прошлогодний кочедыжник, блестят лакированные листики брусники и грушанок, лягушка выставила мордочку, ворочается в желтой снеговой воде. Весна тут... И поет, поет надо *всем*, захлебывается щедрая птичка.

Поймать ремеза весной — мудреная задача. Даже на примунного он спускается далеко не всегда. Зато ипд осень в тех же местах ремезы идут хорошо под сеть и лучок. Осенью они ловятся и на воде, и на прикормке, устроенной близ «ремезовой» опушки на большом току. Шалаш для ловли этих пугливых птичек обязателен. Прикормка зерновая с примесью муравьиных и мучных червей, которых птицы очень любят.

Ремезы отлетают под Свердловском в двадцатых числах сентября. Тогда в течение недели днем и ночью их звонкое овсяночье цыканье слышно везде. Они появляются и на огородах, и на окраинных улицах. Но минет неделя, и уже повсеместно они пропадают, и в октябре могут быть встречены как великая редкость¹. Пойманный с весны ремез запеваает громко через неделю. Осенний же долго молчит или поет вполголоса. Однако же с марта все ремезы поют уже громко, разумеется, если их правильно содержать.

Что необходимо для этой интересной овсянки?

Во-первых, клетка с мягким верхом, как для дубров-

¹ Не путать со сходной **пр. окраске олсянкой** тростниковой, отлет **которой ИДУТ в конце октября.**

ника. Во-вторых, подбор зерносмеси с преобладанием проса, два-три мучных червя в день и немного мягкого корма. Хорошо ест овсянка хлеб в молоке и вареный картофель. Летом следует добавлять свежее муравьиное яйцо. В-третьих, нужен свет. Клетка должна находиться как можно ближе к окну и даже на подоконнике.

Ремезы жили у меня по 3—4 года, и обычно я выпускал их потом вполне здоровыми. Поют они много, до шести месяцев в году, с небольшими перерывами. Пение напоминает песню садовой славки, оно звучно и минорно, хотя и не так разнообразно. Единственный недостаток этих милых птичек — их пугливость. Они редко привыкают к человеку и, даже прожив не один год, мечутся в клетке, когда меняешь им корм и воду. Но стоит запереть дверцу, ремез тотчас усаживается смиренно и начинает напевать. Ласковый, мягкий, округлый голосок ремеза льется с какой-то нездешней печалью. Лесная грусть спрятана в нем. В песенке много того настроения, что рождается в пасмурный тихий день в примолкшем лесу. Осенью ремезы также поют в лесу по утрам.

Однажды я устроил постоянный точок на лесной поляне-горушке. Кругом был березовый и хвойный лес, неоглядные сухие болота, а на пригорке росла ель с посохшей сизой макушкой. И на эту макушку с немногими остатками сучьев, едва светало, вылетал ремез п пел. Был август. Вес молчало. В туманах кралась по земле осень. А он пел, как весной; пел торжеству свежей зари, холодному краю солнца, росе и утру. Я представлял, как хорошо ему там, на высоте, по-над лесным бесконечным болотом. Я думал: вот заберись туда — и сам, наверное, запел бы от восторга, закричал что-нибудь. Ремез пел не один, через полчаса его сменял другой, третий — и так до полудня. Так повторялось каждое утро, пока не понесло первым снегом и ремезы не исчезли.

Всякому любителю можно порекомендовать эту веселую приятную птичку.

На Северном, а весной и осенью также и на Среднем Урале встречается изредка похожая на ремеза овсянка-крошка. Один раз в середине апреля я поймал буроватую самку этой птички. Окраска крошки схожа с ремезом, но у нее нет галстучка на груди, и голова самцов не так контрастна. В целом, птичка тоньше и меньше ремеза. О песне ее сказать ничего не могу. Пролетает она под Свердловском раньше ремеза. В 1965 году я видел стайки из 3—5 птиц 4 и 6 апреля. По содержанию не отличается от ремеза*

Лесной конек

Наверное, нет такой заросшей подлеском опушки, старой поруби, гари или обочины лесной елани, где не водились бы серые долгохвостые птички — коньки, одновременно похожие и на жаворонков, и на трясогузок. Коньки живут даже на широких граневых просеках, рубленных через сплошной глухой лес, и на моховых болотинах — мшарах. Идешь в мае запущенной просекой, продираешься через хлесткие шершавые прутья — вдруг с невысокой ели, красиво чернеющей в светлом березовом лесу, с пением пошла вверх и выше долгохвостая птичка. Словно достигнув

невидимой вершины, она отлого заскользила книзу на расставленных неподвижных крылышках. Песенка птицы при этом тоже «переломилась» и закончилась печально-истощ-

ным писком: «тсии, тсии, тси-ии». Это и есть лесной конек-шеврица, так похожий на лесного жаворонка — юлу, который на Урале не встречается (описание юлы см. далее).

Прибывают лесные коньки на Урал 10—15 апреля. Отлет идет медленно в течение всего сентября, и тогда конек встречается повсеместно даже в городе, на пустырях, на картофелищах. Их скорбное долгое «цiiiи» можно услышать в любое туманное мокрое утро, едва выйдешь в огород. Для меня этот голос, услышанный рано, всегда был напоминающим о золотых днях осени, об охотничьей поре.

В клетках конек бывает редко, лишь у знатоков-охотников. Случайно же этих птичек ловят в июне-июле, слетками, иногда выносят на рынок пойманных вместе со щеглами и реполовами. Специальная ловля шевриц с выбором по песне бывает лишь весной, в апреле-начале мая. Обильная привада делается из мелкого зерна и мучных червей. После того как охотник убедился, что конек нашел прикорм, ловля идет обычным порядком. К неволе конька приручают исподволь, обдерживая в обвязанной клетке. Дня через три клетку раскрывают. Жердочек ставится две, из них одна толстая. Корм коньку жаворонковый. Зимой половина соловьиной смеси, половина мелкой зерновой (салат, сурепка, просо). Летом добавляют свежее муравьиное яйцо, хлеб в молоке, зелень.

Поют шеврицы не так уж много, 3—4 месяца в году, но по своей грациозности, сходной с пливками, и приятной жаворонковой внешности они очень украшают коллекцию птиц истового любителя.

Пойманных осенью коньков лучше не брать. "Самцов из такого улова определить невозможно, только наудачу. К тому же песня коньков очень различна, а выбирать надо по ней.

В клетке коньку лучше дать возможность побегать. Желательно поместить его в жаворонковую немецкую, то есть длинную, с мягким верхом. Любители не должны смущаться тем, что у коньков длинные задние когти-шпоры, так оно и должно быть всегда: шеврицы — родня жаворонкам.

Конки-выкормыши, взятые и воспитанные, бывают из ручных ручные: и на руке спят, и за хозяином бегают, но для песни они не годятся. Их нужно носить в лес, под хорошего конька.

На сухих торфяниках под Свердловском попадаете летом еще один вид шевриц — конок степной, по-видимому, залетный, не показанный, насколько мне известно, ни в одном специальном исследовании по птицам Урала. Степной конек гнездится небольшими колониями по 2—3 пары

на сухих болотах, торфяниках и пустошах с мелким березнячком. Он крупнее лесного конька, ростом почти с полевого жаворонка. Пером светло-серый, и грудка не так пятниста. Поет этот конек скудно и коротко. С песней толчками поднимается вверх. Я дважды ловил этих коньков в самолетах, установленный на жаворонка.

Лесной жаворонок-юла

Принято считать, что на Урале не встречается, может быть лишь залетом в Прикамье. Но, поскольку среди любителей этот маленький жаворонок считается первоклассным певцом, я описываю его¹. Юла не совсем точно назван лесным жаворонком. Нигде в сплошных лесах, в их глубине он не водится, как и конек (от которого он хорошо отличен по коротенькому хвосту и широким крыльям). Юла любит зарастающие подседом опушки, вырубки, гари, мелкорослое разнолесье. Он не столь обыкновенен, как конек, но его мелодичный голос, звучащий приблизительно так: «<ти-тюли, ти-тюли, ти-тюли>», повторяемый по-ку-личьи, сразу выдает опытному уху присутствие па опушке этих замечательно милостивых птичек. Повадкой юла напоминает и конька, и жаворонка. Поет он, поднимаясь с вершинок, точно конек, держится на земле подобно жаворонку. Он очень прыток, ловко бегают и гораздо пугливее и строже конька. Гнездится на земле и прилетает на Каму в середине апреля. В конце сентября юлы улетают, собираясь в небольшие стайки. Они летят, придерживаясь кормных мест, бурьянов, пустошей и залежей, обочин полей и оврагов. Иногда соединяются они с полевыми жаворонками, реполовами и коньками

12 и 16 апреля 1969 года я видел и слышал юл на пролете в окрестностях Свердловска. Наблюдал я юл и в двадцатых числах сентября 1970 года. Птицы летели над городом. Эти наблюдения позволяют сделать вывод, что лесной жаноротюк изредка встречается или гнездится в Зауралье. (Примечание ко 2 му изданию.)

Ловят юл на опушках, а в полях — большой сетью, на приманных. Выслушанный самец весной может быть прикормлен и пойман лучком, как конек.

Отличать юл самцов от самок затруднительно, но самец-юла всегда криклив, без конца повторяет свое «тюли-тюли», самка же более молчалива, голова у нее круглее, крылья покороче.

Лесной жаворонок так мил, так красиво его скромное перо с четкими штрихами на грудке, что я не знаю птички

более приятной. Он напоминает маленького куличка-воробья из семейства песочников. О пении юл существуют разные мнения. Одни охотники сильно хвалят их, другие высказываются сдержанно. Я могу разделить мнение первых. Пение юл звучное, чистое, но не похожее на слитную льющуюся песню полевого жаворонка, состоит из длинных разнообразных чередующихся друг за другом колен вроде: «юдго-юлю-юлю... юлю-юлю-юлю-тви-тви-тви-тви-тюли-тю-ли, вить-вить-вить-вить-ю-ю-ю- (очень красивое колено)-тви-тви-тви...».

С клеткой лесной жаворонок свывается легко, но попадают иногда и очень пугливые дикие самцы. Самки юлок всегда смирнее. В «птицеловной» литературе пишут, что часто юлы «гибнут без всяких на то причин*». Причина здесь одна — неправильный корм. Каждому любителю надо знать, что юла — птица насекомоядная, а зерно ест лишь в крайнем случае и понемногу. Отсюда и содержать этого жаворонка нужно в лучших жаворонковьтх клетках с тамбуром, на соловьиной смеси¹, плюс пяток мучных червей и чайная ложка мелкого зерна (конопля, просо, салат, лен, сурепка, рыжик, мак, канареечное семя). Летшш корм с примесью свежего муравьиного яйца,

рубленой зелени и пророщенного семени. Клетка должна быть в светлом месте, содержаться в чистоте особенной, песок надо менять почаще, ибо лапки юл сильно грязнятся и облипают комьями нечистот. При хорошем любовном уходе юлы живут в клетках до десяти лет. Они могут гнездиться в клетках. По данным немецкой литературы, юла перспективен для одомашнивания.

¹ Иногда соловьиную смесь полезно заменять кусочком **размоченной** в молоке булки.

Певчие птицы леса

Лес — главное обиталище птиц. Здесь живет не менее половины всех видов певчих. С лесом связаны корм, убежище, защита от врагов. Здесь располагаются гнезда и Дупла.

Лес красив во всякое время года, но особая тонкая прелесть открывается в нем весной, когда он уже отошел от снега и последние негромкие ручейки еще живут в нем» журчат из чаши на свет. Везде лезет молодая травка. Нагрубли почки на осинах. Вербя па разливах вся в белых свечках. Нагие березы словно ждут чего-то, глядятся в свои зыбкие отражения по снеговым желтоватым лужам. Найдет тучка. Набежит ветерок. Поведет по лужам холодную рябь. И вдруг посыплет на всю эту весну крупным белым пухом, метельным снегом. И какой бедной, неполной была бы картина лесной весны, не будь кругом птиц, их радостного свиста и гомона. Не обращая внимания на снег, в густом сосняке стрекочут дрозды, раскатывается песенкой белобокий зяблик, звенят овсянки, торжественно

улюлюкает вдали большой дрозд-деряба. Лес живет птичьими голосами, и чем дальше к лету ушагивает весна, тем больше голосов славит ее приход, больше серых и пестрых певцов появляется в лесных сенях. Строят гнезда, ищут дупла, подновляют обветшалое жилье. Сколько брачных игр затевается день ото дня в зеленеющем лесу, сколько радости, пения, птичьего горя и птичьего счастья хранят и скрывают весенние леса.

Я люблю слушать птиц в начале лета, Раньш-рано встаешь вместе с солнцем, полями, проселками шагаешь к опушке, так дивно синеющей вдали за разливом озимей. Вот она, окраина бора, полосы древнего тумана, свежесть и тень, солнечные дорожки на мокрой траве, блеск росы в венчиках сонных цветов. Бредешь по колена в росяных листьях чины, в лисьей осоке и папоротниках. Глаз не перестает дивиться бесконечной прихоти травяных узоров. Мягко ступает нога. Бабочки-ночницы неловко вылетают. Большой серый паук сторожит их, растянув меж стволами свою ловчую сеть.

Сладким ароматом ванили нанесет вдруг, нагнешься — целая семья северных орхидей-любок приподнялась над травой. Старый сосновый нетоптанный бор. Сколько в нем зреет голубой и зеленой черники. Связки розовых мелких бусинок прячутся под жесткие лаковые листочки — брусничник цветет шапками по местам давно иструхших пней. «Ой, много будет брусники!» — думаешь, отмахиваясь от комаров, а они так и дудят, липнут к разгоряченному телу. Кто-то однотонно юрчит в вершинах. Кто-то отзывается нежным свиристеньем, пиликают чижи в еловой низине. Елями начинается моховое болото, колодник, кочедыжник, комариные песни, моховые головы в блестящей осоке.

Мокнет меж ними ржавая жижа — засол. Слышу в елях цоканье клестов. Скрипучая торопливая трель несется вниз вместе с визгливым щебетом.

Кончился бор. За нетопкой мочажинной сплошь в холодной зелени осинника — высокая березовая роща. Все легко здесь, нарядно, живописно.

Тут нет тяжелых красок бора, словно сама природа сменила пастозную палитру на легонькую ветреную акварель. Блестят, шепелявят и молкнут березовые кроны. Само небо меж них голубее и зеленее. Неяркого тона трава и цвоты. Крепенький светлый красноголовик приподнялся на своем березовом корешке. Белизна, чистота, «под-березовость» и в пеньках, и в стволах, и в сучьях. Здесь все русское, березовое, стародавнее — от банного сладкого духа листьев до иволговой

рожковой грусти, до этого пахнущего родной землей грибка, который просится в туесок. «Лес надо понимать, как живопись, думаю я, как музыку...»

Леса Зауралья, Сибири и Севера в основном таежные. Они глухи, темны, угрюмы, завалены буреломом и колодником: певчие птицы — дети солнца — не любят их. Самое малое количество видов населяет хвойную мрачную суборь. Щуры, клесты, вьюрки, зарянки и синехвостки да еще вездесущие лесные сипицы — вот певчие обитатели северных мест. Но чем дальше на западный склон хребта, в Пред-уралье и к югу, — ТРМ заметнее изменяется лик лесов. Исчезает высоченная северянка-лиственница, попадаются клен и дубок, а в Прикамье еще и орегяпик. Все чаще разнообразное листовое чернолесье сменяет сплошной еловый лес-рям и болотный урман. Само слово «чернолесье» неточно передает суть такого разнообразного смешанного леса.

Это слово для осени, когда пройдет листопад, а летом здесь черны разве только стволы молодого липняка, обильно растущего в сыроватых местах. Весь же прочий лес зелен, сочен, весел, наполнен птичьим щебетом, игрой теней и солнечных пятен. Здесь много цветов и пахучих трав. Буквица, подмаренник, таволга, тысячелистник — все цветет синим, малиновым, белым и розовым, и надо всем прогретым разнотравьем вьются, парят и мелькают бесчисленные бабочки, осы, мухи, шмели. Ото цветенье в июне до сенокоса захлестывает прогалины, заливают елани, растекается в глубину леса.

Идешь — и путаются ноги, и голову кружит дурманым медовым запахом. Кричит кукушка. В ее гортанном глухом непрерывном «кок-ку, кок-ку» та же летняя напряженная солнечная страсть, как в блеске цветов, как в сочной мякоти душистой земляники.

Поет пеночка-пересмешка. Черно-белая мухоловка шмыгает возле толстой осины, тревожась за гнездо. Темная птица перебегает и останавливается на тропе, удивленно задрал хвост. Вот припустила бегом в угон, взлетела с трескучим дроздовым чаканьем. Черный дрозд...

И чем дальше по такому лесу, тем сильнее тревожит невысказанное чувство увиденной красоты. Хочется быть художником, поэтом, еще кем-нибудь таким, семи пядей во лбу, кто может остановить все это, собрать, показать людям. А как это сделать?

Вот смешанный лес осенью. И где та волшебная кисть, расписавшая его, каким колдовством создана бесконечная цветовая палитра...

Всеми тонами оранжевого нарядились осины. Темным кадмием заляпана рябина. Березы в светлой желтизне.

Пасмурным тихоньким днем необычайно живы, благозвучны краски, и недаром художники толпятся на вокзалах, лезут в вагоны электрички со своими мазаными этюдниками.

А в солнечные дни художники бросают кисти. Никакая краска не в состоянии передать костер вершин, голубых и сиреневых бликов и теней, постоянно живущих близ желтого и оранжевого. В солнечные дни лес полыхает красочным светопрествлением. Да недолго оно. В считанные сутки дождь и ветер гасят огни листвы. Они бросают ее к подножиям стволов, и тогда по-своему хорошеют, прибираются рощи и чащи, как русской девке-красавице — им все к лицу. В полураздетой посветлевшей роще голубым и розовым: туманятся в даях стволы берез, нежной зеленью оголилась осина и театрально заметен клен, кое-где сохранивший еще широкий разлапистый желтый лист.

Уже тихо стало в лесу. Смолкли осенние птичьи голоса, лишь шорох мышей, шуршание перебегающих листочков да разговор верхового ветра с далекой сибирской стороны. Так славно сейчас пробираться грустно пахучей чащей, сгонять с калины снегирей, слушать шумливый галдеж чечеток и тонкие голоса чижей. Душа томится осенней печалью. Печаль всегда созвучна нашей осени, ее облакам, закатам, звездам, ее дождичкам, первому снегу, бесконечности русских дорог, тишине маленьких городков, крашепных охрой полустанков.

Я находил эту сладкую лесную печаль и в синьке полевых далей, и в скрипе тугих капустных кочанов, сохранивших холод осенней ночи, и в запахе яблок, и в стекольном звоне тонкого льда, затянувшего к утру лужи.

А вот и снег! Он падает в лесу с неповторимым слабым шелестом. Кажется, сама зима невидимкой ступает по сниклым папоротникам. Идет снег, и все белеет, холодеет, свежеет, заполняется голубым светом зимы. Иная поэзия приходит в лес — поэзия чистоты и тишины. Как хороши и грустны над снегом голые прутья березняка, как дивен молодой еловый подлесок, метко прозванный на Урале кукольник. Принаряженные в белое стоят елочки, точно странные лесные

куклешки. Все закрыто белым нежнейшим снегом. Березы хранят его тeneвую синь, и заячьи наброды в нем так таинственны, и зимний странный полет сорок — сама русская сказка. Приглушенно тюкает дятел. Идет, пересвистываясь, синичья орава. Дымчатый поползень бегаёт по склоненной засохшей ели, заглядывает под обвислую кору. Тоненькими свисточками перекликаются королюки. «Тю-пи, тю-пи-ти» — выговаривает маленькая синичка-моховушка. «Кээ-кээ», тревожатся гаечки. Вот стихло все, прошли синицы, удалились голоса. И снова только шелест снежинок. Белизна. Чистота. Елки. Нежнейший снеговой беретик на еловом сломе. Он растёт на глазах и словно бы тянет, вбирает в себя снежинки...

Синицы

Никакие птички не связаны так с лесом, как синицы. По своему облику это некрупные, но крепкие пичуги характерного «синичьего» склада с яркой контрастной окраской, белощекие. Часто к черному иссиня тону оперения примешиваются красивый желтый, коричневый и голубой цвета. Самая обыкновенная представительница семейства — большая синица, с которой я и начну описание лесных птиц.

Замечу, что на Урале очень часто называют синицей и синичкой совсем не относящуюся к этому семейству белую трясогузку или белую илиску, описанную в разделе болотных птиц.

Большая синица, или синица-кузнечик. Самая крупная из синиц — белощекая, желтогрудая птичка с черной дорожкой, разделяющей грудь на равные части. На Урале повсеместно называется кузенькой, кузнечиком, даже кулей, вероятно, за то, что постоянно что-нибудь долбит, словно куёт.

Называют эту синицу также «зеленчаком», а в европейской части зинзивером.

Уже с первыми осенними заморозками эти бойкие крикливые птички прилетают из окрестных лесов в сады и дворы.

Синицы вертятся по заборам, шмыгают на поленницах, кричат в тополях. Они вездесущи и любопытны, как дети, ничто не ускользает от их цепкого взгляда. Обследовать всякую новую вещь, в том числе и ловушку, — инстинктивное качество синиц, ведь они живут поиском круглый год, находят себе пищу среди растительности и построек.

Голос синиц — звонкое «пинь-шшь-пинь» — очень напоминает крик зяблика, но последний никогда не добавляет к позывки тревожного стрекотанья «черрр» и мелодичного посвистывания вроде: «ци-пювит, ци-цювит».

Чем ближе зима и холоднее становится погода, тем больше синиц является в город, идет, как писали старинные птицеловы, «вывалка синиц». Не одни бойкие кузнечики, но также и москочки, лазоревки, гаечки, долгохвостые сштицы-аполлоновки залетают в сады, обследуют парки, заборы, обветшалые строения. Кузнечики прилетают семейными стайками по восемь, десять, пятнадцать штук, так как птичка плодлива, за лето делает две кладки и выводит за сезон до двадцати птенцов. Я находил в мае по дуплам старых берез 8 и 12 яиц в кладке. Яички были мелкие, белого цвета, с красноватыми крапинками на тупом конце. В стае кочующих осенних синичек хорошо заметны молодые с тускло-желтым оперением низа и обязательно есть одна яркая, с грудкой, как апельсин. Это старый самец, поводырь. Вообще у самцов хорошим отличием служит черная дорожка на груди. Она широка и на брюшке переходит в большое пятно. У самок дорожка узкая, пятна нет. Вся окраска самки тусклее и грязнее, что является общим правилом почти для всех певчих птиц. Большая синица всеядна. Она отыскивает и поедает насекомых, раздалбливает семечки и орехи, летает зимами по помойкам и мусорным ящикам, добывая там кусочки вареных овощей, мяса и сала. В лесу осенью я сгонял синицу даже на падали в обществе ворон и сорок. Синицы любят долбить мерзлое мясо, вывешенное в сетках за окно, в голодное время они не брезгают и заплесневелой коркой где-нибудь у собачьей конуры. Не один раз я наблюдал, как синицы нападают на ослабевших птичек. В раннем детстве был у меня такой случай. Рано утром, в октябре, я поймал в западенку двух самцов большой синицы. Посадил их в просторный садок, дал корму и ушел в школу. А когда вернулся, одна из синиц, просунув голову в прутья, висела мертвой, другая же сидела на спине жертвы и преспокойно «лакомилась» ее раздробленной головой. Надо ли говорить, что я тотчас вышвырнул «людоеда» и долго не брался потом держать больших синиц. Может быть, описанный случай не из типичных, но известно, что и мелкие синички, ходящие в стаях с большими, всегда остерегаются

последних.

Осенью кузнечиков ловят самыми простыми ловушками вроде силков, ящичков и решет. В западни синицы лезут даже без признанных, руководимые инстинктом все изведать, все потрогать.

Пойманные, они ведут себя очень буйно, с ожесточением теребят прутья клетки, протискиваются сквозь них и, если клетка недостаточно прочна, быстро вырываются. Нет птички, которая столь упорно боролась бы за свою свободу. Это свободолюбие в соединении со страшной непоседливостью, непрерывным лазаньем по стенкам клетки, большой злобой и дикостью делают синицу не очень-то привлекательной клеточной птицей. Ручными такие синицы не считаются никогда. Самое большее, что можно от них добиться, — чтоб они брали корм из рук через прутья клетки. Выпущенная синица улетает сразу и никогда не возвращается, тем более в окно, как об этом часто пишут в сентиментальных рассказах. Чаще всего разочарованный нетерпеливый любитель на другой же день выпускает свою добычу. Быть может, вы помните рассказ юмориста ОТенри, как бандиты шантажисты похитили мальчугана в надежде получить большой выкуп, и как они сами в конце концов отдали все, лишь бы избавиться от несносного сорванца. Этот смешной рассказ всег-

да вспоминается мне, когда я слышу об очередной неудаче с содержанием большой синицы.

Чем же дорога нам птичка, о которой только что сказано много нелестного? Если вы внимательно читали книгу, то должны были заметить, что большая синица отнесена ко второму разряду лучших певцов. Ее великолепные высвисты, теньканье и колокольчик приводят в изумление даже искушенных знатоков. Звоп серебра, меди и стали слышится в со голоске. «Цыть-цы-пи, цыть-цы-пи» — слышится по улицам уже в январские оттепели. «Сипица почуяла весну», — говорят в народе. И верно, еще февральское желтое солнце едва взбирается над крышами, кругом снег и снег, а синица уже звенит всюду, торчком усевшись в макушке тополя или на заборе. В марте голос ее оживляет все сады и дворы. В марте синицы сопровождают свою резвую песенку даже своеобразной пляской, поворачиваясь скачками на ветке все кругом и кругом. В это время кузнечик уже не идет в западни, зная, научен горьким опытом, не раз побывав в клетке. Теперь синицу можно поймать только сетью или лучком на прикормку хотя бы из семечек.

Я советую брать за содержание больших синиц только опытным, а главное, терпеливым любителям. Ловить птиц надо в феврале-марте, выслушав и прикормив лучшую по песне, а не как мальчишка осенью — абы каких по десятку. К тому же, синица, пойманная ОСРНЬЮ, долго не запекает, ждать приходится по три месяца (от молоды* синиц раньше, но песня будет плохая). Пойманная в мар-- те синица «встает на песню» уже через неделю при правильном содержании. Основа его, во-первых, хорошая прочная клетка с дуплянкой из бересты, расстояние меж спицами 1 см, во-вторых, полноценный корм из соловьиной смеси, сырого мяса (немного), давленных семечек (Va), вареного картофеля кусочком меж прутиков, 5—8 мучных червей ежедневно.

Если летом к тому же корму добавлять свежее муравьиное яйцо, серьезный любитель сможет продержать синицу здоровой и поющей до 10 лет. Изменится лишь желтая окраска грудки — от линьки к линьке она будет все тусклее и светлее.

Содержать большую синицу на конопле и семечках — значит погубить ее в первые недели.

Рассчитывать на пение и вовсе не приходится.

Все синички, и в их числе кузнечики, очень полезны. Каждому настоящему любителю надо брать их под свою опеку, особенно в зимнее голодное время. Сделайте кормушку у своего окна, в саду, на балконе, на лесной опушке, сыпьте туда остатки корма, семечки, хлебные крошки — синицы и тут доставят вам много удовольствия своим бодрым видом и звонким голосом.

Хочу сказать и о тех, кто губит синиц. Некоторые птицеловы-промышленники кроют синиц, прикормившихся у тока, бьют их оземь, рвут хвосты только за то, что птички таскают семя с тока и мешают ловле. Такой, с позволения сказать, «птицегуб» недостоин человеческого имени.

В заключение отмечу, что большая синица гнездится летом и в городе. Привлекать ее надо, вывешивая в апреле дуплянки в тихих густых садах. Дуплянка, показанная на стр. 40, никогда не будет пустовать, и если ее не займет кузнечик, тут поселится мухоловка или горихвостка, Московка, или моховушка. По контрастному расположению пятен, но белым щекам похожа на большую синицу, но вдвое меньше ее, грудка не желтая, а светло-серая без дорожки. Московка — необыкновенно милое существо, настоящая птичка-игрушка, и так же приятен ее голосок,

похожий на крик чижа, позыв «тю-пи, тю-пити». Жительница темных хвойных лесов и высоких ельников, моховушка лишь пролетом выбирается в лиственные леса да осенью изредка кочует через городские сады. Она никогда не живет в городе, как большая синица, на глухую зиму часть москочков откочевывает с Урала и Севера в среднюю полосу, чтобы уже с конца февраля двинуться обратно и в марте занять гнездовой участок в дуплистом старом бору. Осенью москочки кочуют. Огромные стаи птичек я наблюдал в октябре и ноябре. Будто пригоршни маку, сеялись мелкие птички с высоты в бор и быстро прокатывали по нему, уходя вдаль с непрерывным писком и перекличкой. Весенние стаи москочков несравненно меньше и не так заметны. Часть этих мелких птичек зимует оседло. Я ловил их и в декабре, и в январе. В теплую «сиротскую» зиму с первых чисел февраля звучит в сосняках и ельниках приятный звонкий разговорчик; «тюпи-ткши-тюпи... типю-тиию-тшту...» У хороших москочков любители насчитывают до десяти колеп. Мне такие птички не попадались, но были у меня отличные моховушки, дающие чисто 5—6 колеи. Песенка москочки беднее, чем у большой синицы, нот и ней головоломных ошеломляющих штук, какие выделяет мастер-кузнечик, но нет и никаких неприятных тонов,— вот почему москочков берут в учителя молодым канарейкам, жаворонкам и другим хорошим певцам. По качеству песни отнесем москочку к третьему разряду.

Молодые птицы — выкормыши очень хорошо берут москочков, например, переняли ее голосок живущие у меня полевой жаворонки и певчий дрозд. Песня не главное, за что любят и ценят моховушку. Из всех синиц она самая ласковая, ручная и доверчивая. Очень скоро приучается она брать мучных червей, садится без боязни на руки и плечи. Она единственная из синиц, которая узнает хозяина и возвращается даже после годичной разлуки. Так, мной была выпущена окольцованная москочка, а через год, поздней осенью, она камнем слетела ко мне в высоком лесу и, не раздумывая, полезла в пустую западню, отыскивая дверцу. Несведущие авторы утверждают, что все синицы идут в любую ловушку, на любую приманку. Москочка лучше всего опровергает такие сказки. Без хорошей приманной ловить этих синичек исключительно трудно. Они почти никогда не попадают в западню ни на гаечку, ни на лазоревку. Лишь сетью на весенней проталине да на водяном точке можно добыть черно-белую пичугу. Зато с хорошей приманной москочкой без труда возьмешь любого самца. Самцы москочков, услышав писк приманного, быстро подлетают, кидаются на западню и начинают бегать по пей с характерным драчливым стрекотаньем. Слепленная ревностью и злостью, птичка пулей влетает в хлопок, едва обнаружит его. Москочки-самки, отличающиеся от самцов более тусклым окрасом и узким пагрудничком, в западню попадают редко. Молодые моховушки тусклые по оперению, и все черные топа у них заменены грязно-бурыми. Под Свердловском встречаются две расы москочков: одна более крупная с неяркими цветами оперения, вторая мельче, очень красивая, чистая и темная во всех оттенках, кроме белого. И по песне мелкая порода лучше.

За пойманной москочкой в первый день надо следить: ест ли она, не мечется ли все время в клетке. Птичка может не притронуться к корму и погибнуть от истощения. Если моховушка не берется за корм, ее надо взять в левую руку, а правой покормить, поднося к клюву раздавленные кедровые орехи, хлеб в молоке, мучных червей. Птичка почти всегда начинает щипать поднесенный к клюву корм. Накормленную таким образом синичку пускают снова в клетку, обвязывают клетку полотенцем и ставят на окно. Обычно после такой процедуры птица начинает есть сама.

Это важнейшее правило относится ко всем свежепоймаемым синицам.

Чтобы москочка была здорова и жила долго, в корм ей назначаются зимой кедровые давленные орехи, семена сосны и ели, хлеб в молоке, вареный картофель, 3—5 мучных червей, немного конопля и зерносмеси, Лотом добавляется свежее муравьиное яйцо. Можно содер-

жать и на рационе больших синиц. Мясо, сало, рубленое яичко москОВка ест, по не очепь охотно. Содержание на одних орехах, семечках и особенно конопле — недопустимо. У птички обязательно разовьется болезнь глаз.

МоскОВка вполне может быть одомашнена. Для этого пару синичек, содержащихся до апреля раздельно, пускают в садок, где есть дуплянка, прикрытая еловой веткой. Если пара удачная, самец уже в первый день начнет преследовать самку с характерным писком и потом спарится с ней. Садок, где синицы сделают кладку, надо вывесить в тень на балкон или за окно, а когда появятся птенцы (на 14-й день после конца кладки), клетку открывают. Синички выкормят птенцов, собирая корм в соседних садах. Лишь на первое время, пока птицы не освоились с местностью, в клетку дают свежее муравьиное яйцо.

Зеленая лазоревка. Лишь немного крупнее москОВки. Это самая хлопотливая и подвижная синичка. Она одета в яркое замечательно цветное перо. Желтая грудь птички приятно сочетается с бело-голубой «тюбетеечкой» на темени и синеватыми крылышками. Щеки белые, но разделены синей полосой, идущей через глаз. На Среднем Урале и под Свердловском зеленые лазоревки не водятся, но в Предуралье, и в его южной части, и в Европе повсеместно лазоревка — обычная птица. Зимой она залетает и в сады, соседствует с большой синицей, но все же предпочитает лес городу. Насколько малая синица-москОВка связана с хвойным лесом, настолько лазоревка любит лиственный. Осиновые рощицы по болотам, мочажины с чернолесьем и 774 урема по речкам — вот ее места. Это очень полезная птичка, питающаяся в основном насекомыми. Семена лазоревка ест в малом числе и лишь от голода. Ловля птичек и содержание во всем подобны ловле и содержанию белой лазоревки или князька, описанного в разделе болотных птиц.

Синица длиннохвостая, аполлоновка. Несколько сходна с белой лазоревкой. Невнимательные охотники путают этих птиц. Но уже при простом рассмотрении можно увидеть, что у длиннохвостой синицы нет ни голубых, ни синих тонов в оперении. Голова у нее чисто белая, без полоски, круглая, с черным бисерным глазом. Хвост очень длинный, с белыми ступенчатыми перышками по бокам. По силуэту синица напоминает ложку, и названий у нее множество: аполлоновка, чумичка, ополовник, виноградка и т. д. Встретить долгохвостую, синицу можно во всяком лесу, но чаще они держатся в лесу сыроватом, лиственном. Они бродят по ольшаникам, по сплошным грядам осинника, выросшего на давно не чищенных просеках и порубках, любят сосновое криволесье и даже белые сплошные березняки. В противоположность другим синицам длиннохвостые редко сливаются в общую синичью стаю, они составляют в ней свой отряд или

ходят особняком, нигде не задерживаясь подолгу, быстрые, как дуновение ветра. Изредка они кочуют парами. В одиночку я их никогда не видел.

Привязанность длиннохвостых синиц друг к другу удивительна и трогательна. Лет пять назад я шел на охоту осенней черной ночью. Шел по тропе, с фонарем, через мелкий, лесок. Освещая впереди ветки, я вдруг заметил

что-то странное и остановился. На сучке несколько выше моего роста сидело существо — не зверь и не птица, а словно огромная гусеница. Я осторожно переступил, вглядываясь, и понял, что на ветке тесно в ряд, прикрыв друг друга крылышками, уставив хвосты в разные стороны, спало с десяток длиннохвостых синиц.

От большинства синичек, гнездящихся в дуплах, длиннохвостые отличаются тем, что они строят гнезда круглые, искусно свитые из волосков и травинок. Гнезда помещаются в развилках на ольхе, иве, березе. Только один раз посчастливилось мне найти такое гнездо, пустое, сброшенное с дерева ветром. Выводки этих синиц ве-

лики: до 10—12 молодых. К осени они сливаются в одну огромную стаю и кочуют в одной местности. В суровые зимы часть синиц спускается к югу и западу.

Осенью ходят синицы обычно по широкому облюбованному кругу, появляясь в замоченном месте всегда в одно и

то же время,

Важное правило — появление птиц в определенном месте в соответствии со временем — должен знать каждый охотник. День у птиц рассчитан по солнцу, как по часам. К примеру, если вы видели птицу возле опушки в полдень, то и на другой день, и на третий она может появиться тут же, за исключением периода пролета. Наблюдая птиц годами, я взял в привычку всегда поглядывать на часы, и редко птицы подводили. Они являлись «на свидания», как аккуратные девушки, не позволяя себе запаздывать более чем на полчаса.

Длиннохвостая синица привередлива в смысле ловли и содержания. Она никогда, подчеркиваю, не ловится в западни на другие виды синиц и может быть поймана без приманной лишь случайно, большой сетью при ловле других птиц или на воде. Когда же у вас есть приманная аполлоновка, ловля западней и сетью не представляет труда. Достаточно поймать первую из стайки, как синицы

буквально выстраиваются в очередь у западни и попадают одна за другой.

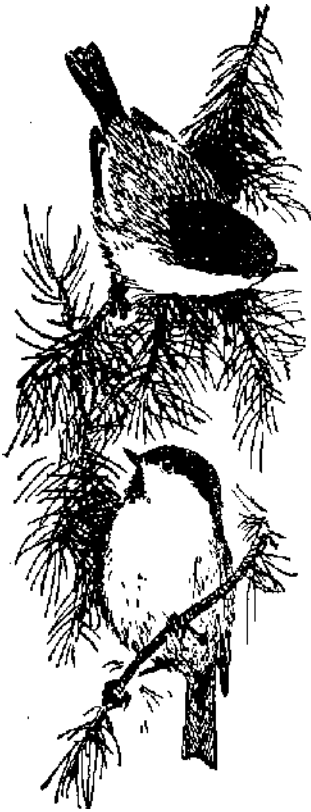
В клетке длиннохвостая синица осваивается сразу, никогда не бьется, хорошо берет хлеб в молоке, мучных червей, давленные орехи, но уже через месяц-другой птички начинают хохлиться и могут погибнуть, если их не выпустить. Трудно с точностью установить, чего недостает в клетке виноградовке, но все же я знаю любителей, у которых длиннохвостые синицы жили в одиночку и парами по 3 года. Все они были выпущены в лес вполне здоровыми. Или птички на указанном выше корме (летом давалось свежее муравьиное яйцо), но не в клетках, а в большом полутораметровом садке.

У меня также жила одна длиннохвостая синичка с осени до май. Я выпустил ее за ненадобностью и отчасти потому, что она ужасно надоела своим беспрестанным «тюрканьем» и призывным свиристением, без которого аполлобовки и на воле не обходятся. Все время они перекликаются, издавая звуки вроде: «тк... тк... трррр», и переливчато долго свистят на манер лазоревок, но более серебристо и протяжно. Моя синичка жила в отдельной небольшой клетке. Корм был наполовину из сухого муравьиного яйца в смеси с моченым в молоке хлебом и десятка полтора мучных червей в два-три приема. Червей аполлоновка не долбит и не рвет, как все синицы, а забавно заглатывает целиком. Перекармливать этих птичек нельзя, и может быть, тут секрет их успешного содержания. По качеству пения длиннохвостые относятся к самому последнему, пятому разряду. Моя виноградовка очень много пела и утром, и днем, и вечером, издавая тихие свиристящие звуки и ВСГ время поворачивая свою круглую совиную голову.

Гаечка, или гаечка буроголовая. Гаечка — самый многочисленный вид мелких синиц. Хорошо отличается черной большой шапочкой и светлым низом без нагрудника, то есть темного полумесяца на горле, которым щеголяют москочки. Гаечка немного покрупнее москочки, «головастее». Водится в любом лесу, ее встретишь и в заболоченном мелколесье, и в сухом светлом бору, и в темном ельнике, и белом березняке. Громкое тревожное «ке, кее, тээ... тээч, сопровождаемое обычным синичьим писком, с утра до потемок слышится по лесу. Гаечки редко ходят самостоятельной стайкой, обычно к ним присоединяются москочки, хохлатые синицы, поползни, корольки, пищуха, малый дятел и несколько больших синиц. Такая соединенная стая, не торопясь, но и не медленно, идет то вершинами леса, то подлеском, тщательно обыскивая ветки. Существует даже некоторое разделение труда. Впереди всегда идут большие синицы, выполняющие роль разведчиков, и дятел большой или малый пестрый. Он долбит гнилые сухарки, отщепляет кору и вообще имеет вид вожака. За дятлом широким фронтом двигаются мелкие синицы, главный отряд которых составляют гаечки. Они не только ищут насекомых в ветвях, но неплохо лазают и по стволу, заглядывают под отставшие слои и пленки коры. Впрочем, еще лучше с осмотром стволов справляются поползень и пищуха, которые бегают по отвесным стволам даже вниз головой. Самые макушки и концы ветвей остаются на долю корольков, крохотных синицеподобных птичек, порхающих, как ночные бабочки.

Даже непосвященному ясно, что такая синичья компания великолепно чистит лес от вредителей, и нам бы надо в честь синиц отлить медаль «За охрану леса», привечать и беречь этих птиц всячески.

Гаечки широко распространены, очевидно, из-за своей высокой приспособляемости к самому разному лесу. Они гнездятся в любых дуплах, по сухостою в пеньках, в гнилых обломьях. Они занимают готовые дупла и выдалбливают их сами. Я наблюдал, как пара гаечек долбит дуп-

ло в гниловатой березе. Птички работают, быстро сменяя друг друга, а иногда зачем-то долбят по два-три дупла. По-видимому, гнездовье получается за один день упорной работы, максимум — за два. Гнездясь дважды в лето, гаечки выводят полтора десятка птенцов, отличающихся от старых синиц более тусклой окраской. Самцы гаечек, как у всех синиц, чище пером, ярче тоном, без расплывчатой бородки под клювом — она глядится четким пятнышком. Самец всегда более писклив, криклив. По пению гаечка может быть отнесена к третьему разряду¹ птиц с хорошей, но однообразной песней. Весной около гнездовья везде слышится ее стонущее протяжное «ю-ю-ю-ю-ю». Некоторые гаечки, называемые дудочными, поют это колесо на два или даже три тона. Такие «дудки» хороши как учителя молодым жаворонкам, певчим дроздам, канарейкам.

На Урале гаечек повсеместно зовут слепышами и сле-пышшами, безбожно путая их со всеми видами сходных синиц. В Средней России более распространено название пухляк. Из мелких синичек гаечки чаще попадают птицеловам. Иногда они идут в западню даже на чижа и чечетку. Они прикармливаются на охотничьих токах и кроются сетью. Вообще, опытному охотнику поймать эту синичку — нетрудная задача. На приманную гайку в западню они ловятся отлично. Все, что говорилось о корме, клетке, содержании и обдерживании москочки, вплоть до насильственного кормления в первый день, относится и к этой занятой миловидной синичке. В отдельные годы (например, 1958, 1961, 1964, 1967) на Среднем Урале и южнее появляются зимой гаечки другого вида. Сероголовая гаечка — так называют синицу — похожа на гаечку обыкновенную, но крупнее в полтора раза, длиннее. Голос резко отличен. Голова этих гаечек серо-бурая, а не черная, слегка приплюснутая. Чем-то напоминают они и больших синиц. Я дважды ловил и держал сероголовых гаечек. Они жили отлично, хотя и не пели. Пение их мне неизвестно. Содержание такое же, как любой синицы. Обе птички были пойманы в конце октября, в невысоких сосняках на Уктусе, под Свердловском. Летом под городом они не встречаются.

Синица хохлатая, гренадер. Некрупная, чуть побольше москочки, но меньше гаечки, бойкая синичка. Оперение ее составлено из различных оттенков серого цвета с небольшой буроватостью на спинке. Самый главный отличительный признак — остроугольный пепельного цвета хохолок,

который птичка то поднимает, то опускает. Гренадер, ие редкая, но все же нигде пэ встречающаяся в больших количествах птичка. Водится она только в хвойных лесах, предпочитая сплошные сосняки. Здесь же и гнездится в узких дуплах невысоко над землей. Стай не образует, а всегда присоединяется к синичьим компаниям разных видов. По особенностям ловли сходна о гаечкой, ибо попадает в западню и на московку, и даже на белую лазоревку. Призыв напоминает свиристение лазоревок.

Для содержания в клетке гренадер мало подходит, поет он плохо и мало, а непрерывная поскочь взад-вперед скоро надоедает всякому. Я имел десятки гренадерок, которых всегда выпускал из-ла беспрестанного крика вроде «цыть-ре-ре-ре». Гораздо лучше содержать уту синицу в вольере с другими птицами или сообществом синиц (кроме большой). Тут она очень занята своей «рябчиковой» окраской и забавными ужимками, которые умеет строить, приподнимая хохолок и разинув клювик. В пищу гренадеру зимой идет хлеб в молоке с муравьиными яйцами, давленные конопля и орехи, вареный картофель, 5—6 мучных червей. Летом дается свежее муравьиное яйцо или порция червей увеличивается до 15 штук.

Специальной ловлей гренадеров никто не занимается. Они попадают случайно при ловле других синиц. Я ловил их в марте и в сентябре-октябре западней на московку, но подманивал пищиком, подражая крику гренадера. Отличие молодых и самок — короткий хохолок и тусклая окраска.

Свежепойманный гренадер, особенно старый, не всегда берется за корм, и поэтому в первый день птичку надо кормить насильно, иначе она может погибнуть.

Королек

В мальчишечьи годы ходил я по грибы недалеко от станции Свердловск-Сортировочная. Помню, возвращаясь лесной дорогой, разморенный тяжелым августовским зноем, я прилег отдохнуть в холодке под густым ельником. Лежал и слышал в ельнике все время тонкий писк, отчасти похожий на синичий, но в то же время и отличный от него. Кто-то копошился в еловых свесах, но так тихо, незаметно, что ничего не удавалось разглядеть. Заинтересованный, я встал и полез в ельник, раздвинул упругие колючие ветки, взгляделся из полутьмы на свет и наконец заметил крохотных птичек, поменьше пеночек. Они лазали в гу-стерне ветвей, что-то склевывали, иногда порхали у кон-

чиков сеток, точно колибри. «Просто чудо-малютки»,— подумал я, и в ту же секунду одна птичка слетела вниз, ко мне. Я увидел крошечное зеленоватое существо с желтой яркой полоской на темени. Но самое удивительное — глаза. Они были большие, круглые, черные, точно странные пуговицы на плюшевой игрушке. Королек! — вспомнил я рисунки своих книг. Но как же отличался он от тех рисунков! Шеи у королек словно не было. Коротенький хвост торчал прямо из этой головы-туловища, чем дополнял необычный вид самой маленькой нашей пичуги. В королеке было много сходства с синицами, чем-то он напоминал и пеночку, а глазами — зарянку. Птичка прыгала близко, я мог дотянуться рукой, но вот послышался сверху нежный переливчатый позыв, и королек точно сдуло.

Так произошла первая встреча. Впоследствии я видел их постоянно весной, осенью и зимой. Чаще они держались в хвойных посадках, на борах и в смешанном лесу, но лиственного чернолесья избегали. На осеннем кочевье я видел их в городских садах. Поймать занятных пичуг не удавалось. Корольки не шли в западни ни на какие приманки. Несмотря на вес ухищрения, я добывался лишь одного — птички спускались на хлопок западни, а дальше дело не шло. Счастье улыбнулось мне всего раз, когда я накрыл двух королек на воде, сетью. Обе птички — более яркий самец и тускловатая самка — прожили у меня две недели и были выпущены, так как стали хохлиться. У меня не было ни опыта, ни подходящего корма для содержания королек. Добыть птиц снова не удавалось.

В настоящее время у меня живет королек, купленный на рынке в начале осени. Птичка благополучно прожила всю осень, зиму, весну. Королек очень весел, много гшйт, порхает по клетке, поражая всякого своей малой величиной, ведь по сути дела он меньше крупной лесной бабочки. Поначалу королек ел только мучных червей и то не крупных, размоченных в воде или в молоке. Съедал он их до сорока штук в день. Но очень скоро птичка стала клевать булку, размоченную в молоке, творог, вареную размятую картошку, манную кашу, мясо сырое и вареное, словом, почти все, что берут и другие насекомоядные птицы. Ест королек и хлеб с морковью, и давленные кедровые орехи. Все суррогаты надо давать на решетку клетки у кончика жердочки. Надо помнить, что королек очень прожорлив, оставленная без корма птичка беспокойно кричит и скоро может погибнуть. Количество средних мучных червей в дополнение к суррогатному корму до 15 штук в два приема. **Важно накормить королька на ночь.**

Я вполне уверен, что длительное содержание королек — дело вполне доступное знающему любителю. Таких королек, живущих в клетке годами, я видел у московских охотников. Вот корм, на котором они содержались: муравьиное яйцо сухое, распаренное в молоке, мелкие мучные черви в две порции по 10 штук, хлеб в молоке в смеси с муравьиным яйцом, мотыль-малинка, мясо. Летом свежее яйцо. В клетке лучше держать пару птичек, в лесу они редко встречаются в одиночку, а ходят семейными стайками по 5—10 штук. Клетка королю синичья, верх лучше

крытый, расстояние между спицами 1 см. Обязательна широкая водопойка — королек любит купаться. Песня королька слабая, синичьего типа, но поется она весьма часто. Возбужденная птичка распускает свой красивый оранжево-желтый хохолок.

Поползень-ямщик

На Урале местные жители всех птичек, ползающих и лазающих по ветвям зимнего леса, равно называют «слепышами*». И синица — слепыш, и пищуха — слепыш, и поползень — тоже. Но если к пищухе вполне подходит народное название, то близкого к ней поползня уж никак не назовешь слепышом, Очень бойкая, быстрая в движениях, странная это птица — вся двухцветная, серо-голубая сверху и белая снизу с красными (у самцов), точно исписанными кровью боками и подхвостьем. Издали поползень кажется без хвоста, на самом деле хвост у него короткий». Большая голова поползня сразу переходит в широкое туловище, а клюв острый и длинный, как наконечник пики.

Через глаз поползня проходит приметная черная полоса. Замечательно ловко бегая по стволам, поползень оглядывает их со всех сторон, как синица, и долбит, выслушивает, подобно дятлу. Недаром в немецком народном словаре его так и называют «дятлосиница», хотя по сути он не родня ни тем, ни другим.

Зиму и лето поползни живут оседло, близ гнездовья, осенью и весной кочуют, но, как правило, недалеко, сопровождая стаи синиц. Осенью залетает он в города, на окраины. В детстве я не раз ловил поползней, вешая западенку прямо на стену ветхого нашего дома. Боек и любопытен поползень сверх всякой меры. Поймать его — пустое дело для молодого охотника.

Это редкость, если птичка, завидев западню, не полезет в нее без лишних раздумий. Он идет на любую прикормку, а пойманный грозно «хмурится» и клюет руки. На лесном току поползень — чистое наказание. Он соберет весь прикорм и будет прилетать тысячу раз, пока останется хоть одно зернышко. Собранные семена и зерна он не съедает, а прячет в трещины коры ближних сосен на зимний запас. Обычно при ловле птиц сетью я тотчас накрывал явившегося на ток «ямщика» и отсаживал в клетку, снабдив едой и питьем. Он брался за корм без лишних размышлений и, пока я ловил, пользовался бесплатным питанием, затем я собирал снасти, уходил за километр-другой и там выпускал своего невольника. С громким торжествующим «твит, твит, твит, кле-кле-кле-кле» он садился на дерево, отряхивался и вообще вел себя, как хулиган-мальчишка, ^{пы}рвавшийся из рук преследователей и теперь показывающий им язык.

В лесу поползни редко держатся поодиночке, чаще их

встретишь парой. По-видимому, пары у них постоянные.

В клетке для поползня необходимо некоторое оборудование. На стенке укрепляется кусок грубой бересты или сосновая кора, хорошо тут и полено-кругляш. Если поползню поставить дуплянку, он

спит в ней и стаскивает туда запасы корма. В общей вольере он нетерпим. Мелких птиц поползень бьет, а корм растаскивает и прячет. Самое лучшее держать «ямщика» отдельно, давая ему ежедневно добрую порцию зерновой смеси (овес, орехи, семечки, просо, конопля) и по десятку мучных червей. Ест он также вареные овощи. Вовремя пойманный поползень удивительно быстро привыкает к людям и клетке. Он берет мучных червей из рук, а выпущенный из клетки надоедливо лазает по одежде хозяина, роется в карманах, берет раскусанные орехи даже из дубов и вообще ведет себя, что называется, без стеснения. Без душшкп он часто спит не на жердочке, а на полу

клетки, забившись в угол, чем пугает неопытного хозяина;
«Батюшки! Гибнет птичка — нахохлилась!»

Схватит хозяин клетку, тряхнет, а поползень вдруг выставит голову из-под крыла и посмотрит заспанно. Ах, как сердато он может смотреть!

Лучше всего ловить этих птиц поздней осенью, когда лес посветлеет и холод заставит насекомых спрятаться, К атому времени поползни переходят на питание семенами и легче осваиваются в клетке.

А вообще-то «ямщик* — птица на любителя. Скоро надоедает он своим стуком и лазаньем. Раздражительный охотник уже через неделю отворяет ему форточку и уж больше никогда не заводит. Поползень — клад для всяких зооуголков, зоопарков и выставок. Можно его легко обучить разным «штукам» — доставать билетки, вкладывать в копилку монетки. Таскать и прятать блестящие вещи он так же горазд, как сорока. Песня у него даже и не может быть названа так — просто односложный свист, издаваемый чаще весной у дупел «фить-фить-фить», похоже, что лошадей гонят. Потому и зовут иногда короткохвостую пичугу — «ямщик».

Пищуха

Большинство птицеловов называет эту птичку поползнем, потому что, подобно «ямщику», она тоже ползает по стволам и большим сучьям деревьев, исследуя каждую трещину своим кривым, как сапожное шило, клювом.

Пищуха — птичка небольшая, серовато-пятнистая сверху и белая снизу, хвост у нее зубчато-клиновидный,

словно бы у дятла, глаза маленькие. Весь облик скромной подслеповатой пичуги такой нищенский, как у старушки-побирушки. Не раз я со смехом убеждался, до чего же характерным обликом наделяет природа всякое зверье, птиц и насекомых. Возьмем-ка, к примеру,

гордую строгость в осанке сокола, добродушие снегиря, тупость крота, злобную ярость в окраске осы, хищную хитрость лисьей морды! Пищуха в полном смысле — побирушка, ведь ничего она не ищет разумно и активно, как, скажем, бойкая умница-синица. Поглядите: появившись из глубины леса, пищуха садится на ствол сосны у самого комля и заученным винтовым движением ползет от подножия к вершине. Снова перелет вниз и новое тихое восхождение по спирали. Так от дерева к дереву. Даже? злость возьмет: «Да ползи же ты хоть раз по-другому, хоть на ветку сядь, хохолком поведи!» Нет, ничего не признает подслеповатое существо, кроме раз навсегда заведенного движения. Иногда мне кажется, что пищухи даже не могут гнездиться, хотя, подобно поползням, постоянно ходят они парами. Пищухи все время перекликаются однообразным писком: «тси-ри-ри-ри, тси-ри-рп-ри-ри». Они точно боятся потерять друг друга, как братья-слепцы.

Эта птичка никогда не идет в западни, не спускается и под сеть, разве каким-нибудь невероятным случаем. Поймать ее можно на птичий клей, обмазав им ствол дерева. В клетках у любителей я никогда не видел пищух. Пойманные, они непрестанно лазают и скоро гибнут, если их не поместить в просторную вольеру, где ставятся два стволика, потесанных ножом. В трещины и зазоры стволов насыпается свежее муравьиное яйцо. Содержание пищух — совершенно неподходящее дело, тем более, что и пение их никудышное. В теплые мартовские дни возле дупел в сосновом лесу слышится иногда: «цы-пли-хи, цы-шш-хи». Поет пищуха.

И всегда думаешь: «Ну, тепло будет, раз такая занудная пташка распелась».

Завершая записки о синицах и птичках, подобных им, я могу сказать, что все они — золотой фонд нашего леса. «сох их надо внимательно изучать, знать их повадки, оберегать, снабжать искусственными гнездовьями. Для них полезно оставлять в лесу дуплистый сухостойник и делать кормушки в парковых зонах. Всякий любитель, берущийся за содержание синиц, прежде должен хорошо усвоить правила обращения с ними, запастись кормом, оборудовать клетки.

Он должен помнить, что **гибель синички — позорное пятно всякому любителю птиц.**

И вол га

По своей осторожности, недоверчивости не имеет равных. Иволга строго лесная птица, больше всего любящая высокие березовые рощи. Но было бы несправедливым называть рощи единственным местом, где селятся летом эти крупные, побольше скворца величиной, ярко-желтые птицы, с черными крыльями и красным клювом. Их сильный голос — свист, звучащий как переливчатое «фу-тиу-лиу», раздается и в сосновых старых борах, и в смешанном высоколесье. Прилетают иволги в двадцатых числах мая и поют до конца июля. В августе иволгу слышишь редко, а в последнюю декаду месяца она незаметно исчезает, отлетая на юг.

Вместе с чистым и благозвучным свистом иволга издает негромкое щебетание, слышное лишь вблизи, а иногда — противный резкий вопль, точно похожий на крик кошки, когда ей внезапно ступят на лапу или хвост. Таким кошачьим криком вопят чаще молодые тускло-желтые птицы или дерущиеся самцы.

В июне иволги устраивают на высоких деревьях, меж ветвей, гнезда, очень искусные, сплетенные корзиночкой и украшенные лентами бересты. Обычно в кладке бывает четыре яйца, редко пять или три.

Птенцы выводятся на пятнадцатый день и долго сидят в гнезде, по моим наблюдениям, на неделю больше, чем сходные по величине птенцы дроздов. Родители кормят птенцов огромными гусеницами, которых добывают с непостижимым умением.

Ловить иволгу можно в конце мая, с прилета, лучше всего высмотрев место, куда она ходит пить и купаться.

Нередко на лесных дорогах бывают лужи, где купаются все птицы окрестного леса. На таких лужах, или мочажинах, и устраивается водяной точок. Если лес кругом сухой, охота на водяном точке может быть удачной, особенно в ведренную погоду. Прежде чем устраивать ток, надо вооружиться лопатой и на благо общества заровнять, засыпать все лужи и колеи поблизости, за исключением одной, где будет ток. Важно, чтоб дорога была не очень проезжей, малопосещаемой. При постоянном движении транспорта о ловле нечего и говорить. На выбранной луже ставится

большая сеть, а также делается всевозможная прикормка. Метрах в двадцати строится скрад-шалаш.

Лучше всего приходить в шалаш с ночи или на рассвете и уже не показываться наружу после расстановки сети. Иволги прилетают на водопой всего два раза — утром и около 3 часов дня. Вот этим и можно воспользоваться, подкараулив замечательную жар-птицу.

Пойманную иволгу сажают в клетку-ящик с мягким верхом и на первое время прикрывают марлей. Птица эта строгая, пугливая, особенно старые самцы. Одно-двухгодовалые бывают хороши и нередко запевают на третий день. Старики привыкают хуже и в первое лето могут не дать голоса. Полностью обседевшаяся иволга начинает свистеть с марта. Поначалу ее голос так радуется своей летней благостью, силой звука. Так и чудятся зеленые рощи над тихой рекой. Но когда птица «войдет в раж», ее пение утомляет. Оно слишком однообразно и громко для комнаты.

В этом отношении гораздо лучше певчий дрозд, который копирует иволгу довольно чисто и к тому же добав-

ляет массу своих чистейших переливов. Крик иволги дают многие скворцы, вводя в заблуждение малознающих любителей, и эти последние начинают вас уверять, что слышали иволгу в начале апреля.

Кормить иволгу надо, как дрозда. Соловьиная смесь, каши, мучные черви, ягоды черники и черемухи. Привыкшая иволга ест все: и мясо, и хлеб, и яблоки, и сухофрукты из компота, и рубленое крутое яйцо. Клетка нужна дроздовая, ящичная, с мягким верхом.

У любителей чаще встречаются иволги не ловленные, а выкормленные. Но дело это хлопотливое, кормить надо долго и брать стоит разве слетков. Они не будут иметь той прекрасной апельсиновой окраски, какая бывает у иволг с воли. Выкормленные иволжата, как часто и выкормыши других пород, вовсе не обязательно будут ручными. Иногда по дикости они хуже пойманных иволг.

Несколько правил выкармливания птенцов всех птиц

1. Брать для выкармливания как можно позднее — оперившихся.
2. Кормить в первое время чаще, с промежутком в 20—30 минут, постепенно через 2—3—5 дней увеличивая промежуток до часа.
3. Давать червей, муравьиное яйцо, насекомых, хлеб в молоке обязательно с землей, песочком и толченой скорлупой хотя бы 2—3 раза в день.
4. Начинать кормление рано утром и кончать с заходом солнца.
5. Содержать выкормышей в тепле.
6. Возможно раньше приучать их к самостоятельному питанию.
7. Вода дается каплями с пальца, 2—3 раза в день.

Дрозды

Певчий дрозд. Из всех клеточных птиц больше всего люблю я певчих дроздов. Они соединяют в себе многие лучшие качества: отличное долгое пение, по числу колен превосходящее соловья, а звучностью и музыкальностью сходное с ним; скромная красота в оперении; изящность в сочетании с неповторимым лесным обликом; строгость и горделивость в лучшем смысле. Певчий дрозд — это сам наш глухой лес, чуткий, красивый, дремучий.

Вы идете ранней весной по дороге вдоль опушки елового леса. Снег только согнало. Везде сочится вода. Мелкая травка кой-где пробивается. Поют зяблики. Пасмурно. Канючит над вершинами леса, кружится большой канюк. Утро. Запахи воды, холода, подснежников, прошлогодней сырой листвы.

Вдруг явственно донесется свистовой голос птицы: «Иди кум... Иди... Иди... Чай пить... Чай пить...»

«Да ведь это певчий прилетел!» — обрадуешься. И пойдешь его высматривать тихонько. А он уже перешел на грустный флейтовый напев, закричал кукушкиным хохотом, мяукнул неясно, завопил сойкой; откликнулся канюку и куличьим свистом рассыпал по всему лесу... Не сразу увидишь по вершинам, где он сидит. Голос-то громкий, за километр слышно. Ведешь, ведешь взглядом по синим

еловым венцам. Да вон же! Ель посуше других, слегка наклонилась. И сидит он на самой маковке. Подкравшись опушкой, можно разглядеть крапчатую грудку и черные точки больших глаз. Вот он, лесной соловей — певчий дрозд. Видно, как раскрывает клюв. Повернулся коричневой спинкой — и в другую сторону полилась вдохновенная гамма. На макушке ели он кажется

крупным, а ведь на самом деле певчий невелик, чуть больше скворца.

Долго не идешь с опушки. Слушаешь. Издали еще такой же редкий посвист — наговор. Другой дрозд поет, и иесня у него по-своему, К полудню певчие дрозды смолкают. Теперь их можно увидеть бегающими по сырым полянам подле опушки. Там есть в оттаявшей земле чер-ви-подлистники — главный корм этого дрозда весной. Очень любит певчий дрозд сырые, но не кочковатые елани подле глухого темного леса, елани с кротовинами, кучками черной земли. Тут же, в ельниках, дрозд гнездится, располагая свои гнезда обычно на елочках невысоко от земли. В средней полосе России певчий дрозд более многочислен, чем на Урале, и там предпочитает смешанный лес с елью, , осиною, березой. Обычно его ладное, вымазанное изнутри | древесной трухой гнездо найти нелегко, но если посчастливится, вы увидите в нем кучку птенцов, сидящих тесно, как грибы в кузовке, Гнездится этот дрозд два раза в лето, птенцы под Свердловском бывают в первых числах июня и в середине июля. В гнезде первой кладки бывает Д° пяти птенцов, во второй — три-четыре. Как любитель дроз-• дов, я брал их для выкармливания, хотя надежды на особую привязанность певчих выкоремышей не оправдывались. Ручные и небоязливые в первые две недели, затем дрозды становились пугливыми. Дрозд-выкоремыш не умеет деть.

Ему нужен учитель. В противном случае вы будете держать выкоремыша десятков лет и слушать одно-два несурзных колена.

Берут певчих дроздов из гнезд потому, что поймать их весной довольно трудно. Ловля певчих — высшая школа для охотника. Эту птицу можно поймать лишь на хорошо прикормленном месте тайником или самоловом. Обязательна маскировка снасти, и сам охотник должен сидеть в заранее построенном шалаше. Дрозд никогда не сойдет на ток, если заметит хоть малую опасность. Почти такой же, но более обильной бывает осенняя охота в сентябре. Здесь ловят уже выводки дроздов, прикармливая их ягодами и мучными червями. Излюбленные места певчих — мелкие соснячки, просеки, где есть малинник, камни в лесу и какие-нибудь овражки. Иногда тут дрозды скопляются сотнями на пролете, и, войдя в такой тощий соснячок, просто удивляешься обилию этой прекрасной певчей птицы. Дрозды взлетают с негромким, но резким звуком «цык, цык». Это обычная позывка певчего дрозда. Позывка другого мелкого дрозда — белобровика — звучит как долгое «тсиии» или резкое «кук». Большой дрозд-деряба издает нечто вроде храпа: «хррррт». А рябинник визгливо «по-Дроздовому» чакает.

^Певчий дрозд — один из самых заметных в лесу весной — осенью даже в пролет держится скрытно. Отлетает он ночами и нигде не виден такими шумливыми стаями, как ообыкновенный дрозд-рябинник. Дроздовую ягоду рябину певчий аристократ ест лишь в самом крайнем случае, подмороженную а сладкую, он предпочитает ей чернику и Держится на черничниках весь август. Любит он также евозмоншых насекомых, слизней, улиток, мокриц, дож-девых червей-подлистников. Дождевыми червями он выкармливает и птенцов.

Я ловил певчих дроздов в конце августа на черничниках, заранее приваживая птиц ягодами и муравьиными яйцами. Так однажды поймал я двух отличных самцов, молодого и старого. Старик-певчий держался очень осторожно. Мне пришлось его подсиживать пять дней. Я приходил в тот сосняк раным-рано, как на работу, осматривал прикорм, ставил сеть, забирался в шалаш, и начиналось нудное ожидание, слегка скрашенное тем, что я учил наизусть стихи Пастернака. Два раза дрозд прилетал, но бегал по краю тока, и крыть его было невозможно. На пятое утро он спустился в ток, где нужно, но я начал приподниматься, чтоб лучше разглядеть, и осторожная птица тотчас взлетела, заметив движение в шалаше. Дрозд сел в вершине сосны над моим скрадом и, настороженно по-квохтывая, глядел вниз. Я застыл в неудобной позе на коленях и сквозь ветки смотрел на птицу, пока не почувствовал, что ноги начинают каменеть. К счастью, дрозд успокоился, повернулся и скоро снова слетел на ток. Тут уж я не зевал. Птица попала исключительная — такого чистого крупного певчего дрозда мне не приходилось добывать. На том же точке я поймал и молодого дрозда. Из него вышел отличный солист, правда, две весны я носил его в матерчатой кутейке в лес слушать лучших дроздов.

Самые хорошие для содержания дрозды одно-двухгодовалые. Они быстро привыкают, у них сложилась песня, они легко берутся за корм. Старые певчие при исключительной песне — невероятные дикари, бьющиеся в кровь. При должном уходе они «обсиживают» лишь через год-полтора.

Клетка дрозду нужна Л« 4. Мягкий верх обязателен, если не хотите увидеть своего любимца

с разбитым надклювьем. Во время пролета (апрель и сентябрь-октябрь) дрозды не спят ночью, прыгают, пугаются и вскидываются во тьме вертикально, как жаворонки. Певчий дрозд и вообще очень пугливая, нервная птица. Он боится резких движений, незнакомых людей и предметов. У меня жил дрозд, который ужасно бился, заведя в моих руках какую-нибудь палку, другой вел себя так же, когда я надевал белую рубашку.

Певчий дрозд великолепно оправдывает свое название. Он поет десять месяцев в году, из них добрую половину громко, с февраля до июля. После линьки (август) поет в треть голоса или под нос.

Как и соловей, певчий любит начинать в темноте, на берегу и тогда будит хозяи-

на в четыре часа ночи. Уснуть в комнате, где поет дрозд, невозможно. Это надо учитывать любителю, приобретая могучего певца. Днем дрозд поет мало, но перед вечером и к ночи снова звучит его торжественный голос.

Кормить дрозда надо соловьиным кормом: одну четверть моркови плюс одну четверть муравьиного яйца плюс одну четверть сухарей плюс одну четверть мяса. Также хороши ягоды черники, черноплодной рябины, ирги, брусники, мороженой рябины. Хорошо ест мелкорубленые яблоки и арбуз. Летом следует добавлять свежее муравьиное яйцо, дождевых червей, особенно в период линьки. Норма мучных червей не более 10 в разгар пения. Обычно 3—5 штук. В озелененных вольерах этот дрозд может гнездиться.

Черный дрозд.

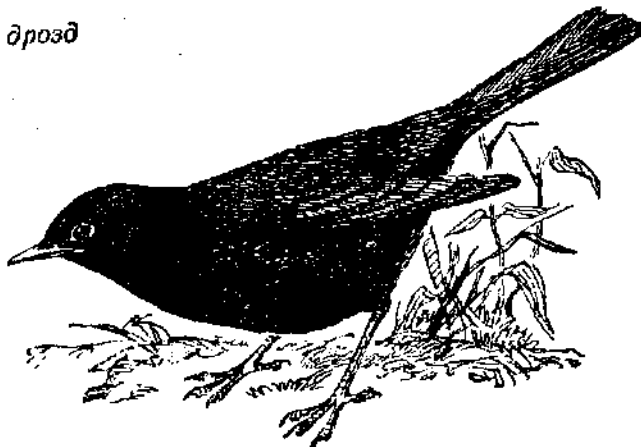
Не встречается на Урале, но может быть в Предуралье, по Каме, а залетом и восточнее. В средней европейской лесной полосе он есть везде, но численность его невелика. Очень много этих дроздов на Кавказе в Предкавказье.

По величине черный дрозд больше певчего, почти с рябинника. Хорошо отличен своей угольной окраской без каких бы то ни было пестрин. Вокруг глаз у самцов темно-желтые кольца. Клюв птиц старше одного года — желтый. Самки дроздов бурые, темноклювые, с беловатым горлом. Так же окрашены и молодые до первой линьки в августе-сентябре.

Черный дрозд любит леса глухие, запущенные и сыроватые. Это птица темного леса в полном смысле. Где есть в лесах потаенные ручьи, овраги, мелкие речонки, там всегда услышишь весной его громкий печальный голос с каким-то валторновым переливом. Попадает он и в старых дубравах, вековых парках, заброшенных кладбищах и островных рощах — яругах. Тут же гнездится он на елках или в кустах, сломках сучьев, невысоко над землей. В окрестностях Сочи я находил гнездо черного дрозда (вторая кладка) в первых числах июля. В гнезде было три птенца, и располагалось оно на высоте человеческого роста в лавровом кусте близ опушки сосновой рощи. Черный дрозд пуглив, недоверчив к человеку. Заметив опасность, он тотчас улетает, ныряя вниз, и летит с тревожным чаканьем. Его часто видишь на земле бегающим по тропинкам и в подседе, где

дрозд ищет червей и слизней. Осенью эти дрозды небольшими выводковыми стайка-

Черный дрозд

ми и в одиночку посещают ягодные сады. До рябины черный дрозд не охотник, он выбирает ягоду послаще и предпочитает чернику, иргу, черноплодник, а на юге — мелкий виноград.

Ловля сопряжена с теми же трудностями, что в охота за певчими. Обычно добывают на прикормке, на воде, а осенью на ягодном точке, если есть хороший приманный.

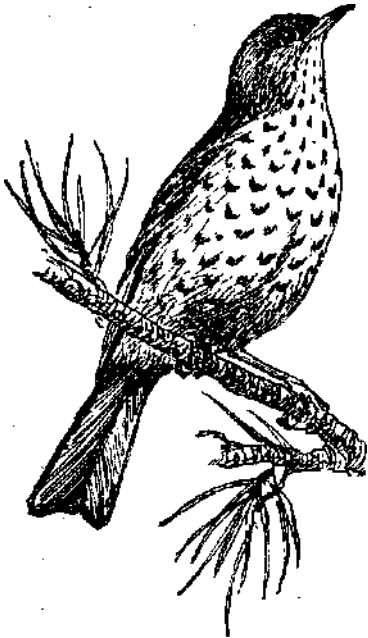
По содержанию в неволе черный дрозд несколько отличается от певчего. Клетка ему нужна побольше и обязательно ящичная, иначе дрозд быстро портит свой длинный хвост, прыгая на боковые решетки. В корм дается больше мяса и ягод, рубленое яблоко. Морковь с хлебом ест неохотно. Муравьиное яйцо зимой почти не обязательно. Летом, особенно во время линьки, даются дождевые черви, улитки, слизи и рубленый мокричник, хлеб, размоченный в молоке. Очень требователен черный дрозд к купанию. Купалка — обязательная часть его клетки. Птица, лишенная купания, теряет перо на голове, мало поет и выглядит совершенно несчастной. Кормушку и купальню лучше иметь навесные с обоих боков клетки, чтобы при смене корма и воды не тревожить пугливую, нервную птичку. На подстилку в клетке насыпается речной песок или опил. Бумагу дрозды рвут, растаскивают и сорят ею.

Поет черный дрозд громко, начиная с весны второго года. Выкормыши нуждаются в дрозде-учителе так же, как и все молодые птицы. Необученный выкормыш — напрасная трата труда и времени. Ничего, кроме несвязного тихого бормотания, он не даст. Зато обученный или старый черный дрозд, поющий красиво и звучно, — немалая редкость и гордость настоящего любителя. Живет черный дрозд в клетке по двадцать-тридцать лет.

Дрозд-деряба.

Лет пятнадцать назад я шел по железной дороге с разъезда Гать на станцию Шувакиш под Свердловском. Было тихо, тепло, солнечно — утро в середине апреля. Лес по обе стороны дороги уже звенел голосами зябликов, на просохших опушках перелетали крапивницы. На подходе к повороту дороги я услышал странный голос непонятной мне птицы. Торжественно, громко, величаво она высвистывала недлинные низкие колена: «тюрь-льи-тюрью, тюрьлю-ю». Казалось, я знал голоса всех птиц, а этот меня озадачил. Он походил отчасти на пение черного дрозда. Но какой черный на Урале? И как должен быть велик певец, если голос его разносился на километры? Я сошел с полотна и углубился в лес, где еще лежал сыпучий и мокрый снег. Голос невидимой птицы звучал все громче, и наконец я увидел ее. Большой серый дрозд сидел на вершине гигантской сосны и аукал все так же спокойно, однотонно. Я подошел ближе, но осторожная птица снялась с тревожным сухим храпом — «хррр-трррр», полетела над лесом. Я узнал ее. Деряба! Один из самых больших дроздов величиною немного поменьше галки¹, Я знал деряб по осеннему пролету, когда они редкими растянутыми в небе стаями летели в октябре над городом, роняя этот знакомый дроздовый храп. Но я никогда не

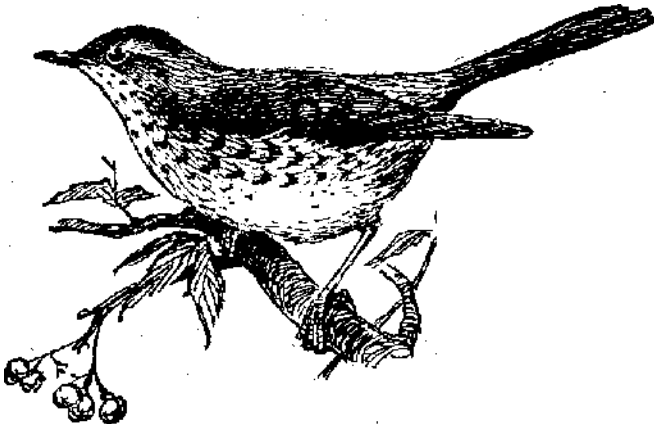
¹ В тех же местах, где живет деряба, встречается изредка еще более крупный короткохвостый земляной дрозд, отличающийся темно-желтой чешуйчатой окраской верха и бело-желтым крапчатым низом. Однажды, еще подростком, я поймал такого дрозда с поврежденным крылом в парке Свердловского Дворца пионеров, в конце сентября. Дрозд жил на яблоках и моченом хлебе около месяца, а затем был отдан птицеловам[^]

слыхал их песни и путал с крупными рябинниками, которые в лесу встречаются чаще всего. Впоследствии я нашел осенью мертвого, недавно подстреленного дерябу и уже точно разглядел его внешность. Он был весь буро-серый с верхней стороны и белый со слабой охрой на боках грудки. И по этой белизне и охре словно отпечатаны чистой краской равномерные темные пятна-капли. В общем, дрозд напоминал вдвое увеличенного певчего. «Так вот ты какой, деряба!» Я с сожалением положил птицу под куст. Кому он понадобился без нужды? Но мне этот убитый дрозд сослужил хорошую службу — я безошибочно стал отличать деряб от рябинников, ведь у рябинников окраска верха трехцветная (серая шея, бурая спинка, темноватый хвост). Под Свердловском дерябы прилетают иногда уже к 10 апреля, и вскоре в высоких сосновых борах, чередующихся с полянами и лугами, уже слышен их голос. Самцы поют с зари до полудня и вечером, на закате. Этот одинокий дрозд никогда не селится колониями, как рябинник, и, если дерябы заняли свой участок, другую пару встретишь не ближе, чем в полукилометре. Гнездится дрозд высоко, а дает всего две кладки по 4—3 птенца. В остальном образ жизни его сходен со всеми дроздами. Он кормится летом по лугам и опушкам, добывая червей. Осенью собирает ягоды, летает и в городские сады вместе с рябинниками. Отлет происходит растянуто, от средних чисел сентября до конца октября. Но большинство деряб уходит в сентябре. В клетках, даже у завязанных птицеловов, деряба не встречается. Поймать осторожную редкую птицу — высший класс ловли, а он доступен немногим. Единственная, возможность завладеть дерябой — поймать его в самолов, на прикорме, куда часто дрозды любят летать (например, "луговина, опушка). Деряба-выкормыш (обученный) или -пойманный молодым в хороших заботливых руках выживает по двадцать лет. Крупной величины дрозда чураться не следует. Ест он немного, ничуть не больше певчего. -Петь громко в клетке начинает с февраля, иногда поет и осенью в сентябре. Это более спокойный дрозд, чем черный или певчий. Но и ему нужна клетка с мягким верхом и лучше ящичная с редкими, на 3—4 см деревянными прутьями. Корм как для всех дроздов, но с большим добавлением рябины или мелких яблочек. К летнему корму добавляются мучные и дождевые черви, рубленая зелень,

Дрозд-рябинник.

Самый обыкновенный дрозд, которого знают даже несведущие люди и за которого прини-

мают всех остальных наших дроздов: певчего, белобровика, дерябу и других.

Рябинник действительно одна из самых заметных крупных и крикливых певчих птиц нашего леса. Появляясь рано, иногда в первых числах апреля (например, в 1985 году), рябинники держатся до глубокой осени. Основной отлет идет в октябре, но отдельные пары этих дроздов и даже стайки остаются в урожайные на рябину годы и зимуют. Я встречал рябинников в городских садах и в декабре, и в январе. Рябинник — пример птицы умножающейся, Распространение садов и мелкоплодных яблонь-сибирок дает ему надежную кормежку на большую часть года.

Вот почему шумные колонии этих крупных, сизоголовых, бурospинных дроздов теперь можно найти в любом пригородном сосняке. Стоит человеку появиться в границах такой колонии, как десятки птиц с отчаянным криком, взвизгиванием и чиканьем налетают ни него, брызгают пометом, верещат и мелькают перед лицом. Иной растерявшийся от внезапного нападения, берегущий глаза и одежду турист задает стрекача или по крайней мере с проклятьем отходит подальше.

Гнездование колониями выгодно для сохранения дроздов, и этим пользуются не только они, а всякие другие птички. Обычно в сообществе рябинников, или рядом с ними, по краям гнездятся зяблики, лесные коньки, вьюрки, овсянки и дрозды-белобровики. Они используют мощную защиту гнездовой колонии от ястребов и сорок.

Но все-таки: иногда такая чересчур шумная защита приводит к обратным результатам.

Мальчишки и досужие люди, под видом туристов шатающиеся (иначе не скажешь о них) по пригородным лесам и занятые тем, что рубят березы «для сока», жгут костры, обламывают макушки у елей, с радостью зорят открытые гнезда рябинников, выбирают яйца.

Очень хитро поступают сороки. Я видел, как охотятся весной сорочьи пары. Одна сорока залетает на край колонии и начинает стрекотать, поднимает шум и гвалт. Все дрозды кидаются на проклятую хищную воровку, преследуют ее далеко с невообразимым гомоном, а в это время другая сорока совсем тихо подбирается к оставленным гнездам, пьет яйца и пожирает неоперенных птенцов.

Из всех дроздов рябинник поет, наиболее плохо. Его песня — непрерывная скрипящая нестройная трель, кото-

рая и утром и днем слышна в окрестностях колонии. Часто эти дрозды поют на лету, совершая нечто вроде токового полета над лесом.

Для содержания в клетке этот дрозд мало пригоден из-за своей песни, крупной величины и беспокойного нрава. Привыкают рябинники хорошо, но вряд ли кому из любителей понравится их верещание, взвизгивание и постоянное «ка-ча-ча», которым они встречают хозяина.

Самым лучшим отличием этих дроздов служит их крик, не сходный ни с храпом деряб, ни с чиканьем певчих. Заметна и трехцветная окраска верха — серая голова, коричневая спина, черноватый хвост. Пятна на груди неравномерные, а собраны в сгустки по бокам.

Рябинников¹ изредка ловят осенью на ягодных токах или случайно, когда они забегают на ток в поисках червей.

Дрозд-белобровик.

Самый маленький дроздик, поменьше певчего и как-то тоньше. Хорошо различается ясными белыми бровями и нечеткими продолговатыми штрихами по бокам грудки (у певчего дрозда

крапины кругловатые и равномерно осеивают всю грудь и брюшко). Позывка звучит как долгое «тсиии» или глухое «кук-кэк». Пение белобровика — громкая нисходящая гамма вроде: «ю-рю-рю-рю, рю-рю-ри-ри-ри», дополняемая разнообразным скрипом и щебетанием, как у рябинника. Прилетает на Средний Урал раньше певчего дрозда, иногда уже и 5—7 апреля, часто вместе с рябинниками. Отлетает в середине

¹ На Северном Урале и в Зауралье попадает еще чернозобый дрозд — средней величины, серо-оливковый сверху, с черными горлом и зобом, брюшко белое.

октября. Селится в колониях рябинников или в одиночку. Гнезда делает невысоко, а также на земле. Поет чаще утром и вечером, на заре.

Птицы с чистой красивой гаммой редки, чаще песня обильна трещанием.

Ловят этих дроздов так же, как и певчих, — на прикормку. Все условия содержания сходны с певчим дроздом.

Зарянка

Редкая птица носит такое лесное утреннее имя. И зарянка вполне его заслуживает не только голосом, чаще всего раздающимся в лесу на утренней и вечерней заре.

но и своей «заревой» грудкой, горлом и лобиком, окрашенными в яркий оранжево-красный цвет. Добавьте к «дроздовому» облику птички очень большие круглые глаза, и вот она — зарянка, которую так же, как горихвостку и пеночку-пересмешку, часто называют «малиновкой».

Обычно во всех описаниях утра в лесу, сделанных несведущими писателями, присутствует «чудесное пение зарянок». Но мы с вами — люди, знающие птичек до тонкости, и потому скажем прямо, что пение зарянок более чем скромное и гораздо хуже всех восторженных отзывов о нем. Это недлинная сыпучая нестройная трель, нечто вроде: «цви-кис, цирн-цири-цы-цвы-ки.,», которую поющий самец зарянки усердно повторяет, сидя на вершине ели или другого высокого дерева. Трель зарянки не музыкальна, ни в какое сравнение не идет она с торжественным голосом певчего дрозда, но все-таки в весеннем, еще не одетом лесу она производит приятное впечатление, слушается с удовольствием — ведь с тем же чувством встречаешь первое тепло, первый цветок медуницы, первую травку на пригретом косогоре.

Голос зарянки чаще всего звучит в местах сыроватых, где растет угрюмый заболоченный ельник — урман. Птичка любит заросшие густяком старые выработки, непролазное чернолесье с ольхой, осинкой, ивовыми кустами, охотно селится она и в молодом лесу, поднявшемся на обширных вырубках и гарях.

Зарянка — птица чащи, хотя и придерживается опушечной зоны.

Увидеть птичку исключительно трудно. Лишь звонкий характерный крик выдает ее присутствие. «Цык-цирик-цик, цык-цирик-цик» — звонко кричит она, и надо долго всматриваться в сумрачную чащобу, пока заметишь бегающую по земле или прыгающую по веткам зарянку.

Охотники-любители часто держат зарянок за их чудесную окраску, неприхотливость и легкую приручаемость. И в клетке зарянка поет много, но тихо — в треть голоса. Лишь к весне начинается громкая песня, ее дает далеко не каждая малиновка. По условиям содержания зарянка

самая нетребовательная из насекомоядных. Она ест давленную, растертую скалкой коноплю (в небольшом количестве тертую коноплю едят многие дроздовые птицы), ягоды черники, бузину, черноплодник, отлично осваивает соловьиную смесь и, конечно же, очень любит мучных червей. Зарянка очень привязана к избранным ею местам. Если вы встретили ее в каком-нибудь уголке леса нынче, вы и на года в год найдете зарянку тут же и почти в одни сроки: с середины апреля до последних чисел октября. В 1958 году осенью я поймал зарянку на прикормке. Она жила у меня всю зиму, не пела,— по-видимому, оказалась самкой — была выпущена весной прямо в огород. Я рассчитывал, что птичка улетит, так как была она вполне здорова. Велико было мое удивление, когда я увидел свою зарянку через полмесяца. Она сидела на повешенной за ненадобностью на стенке сарая клетке, где жила зиму. Я открыл Дверцу, и хотя птичка отлетела, в скором времени она вернулась и влезла в клетку. С той поры зарянка являлась в садок ежедневно, и я стал оставлять ей мучных червей. В остальное время она держалась в огороде, густо заросшем с одной стороны давно не чищенным малинником и старыми кустами смородины. Зарянка исчезла лишь с выпадением снега. Но еще удивительнее оказалось то, что и

U*

на следующую весну 20 апреля 1960 года зарянка вернулась в огород, держалась тут недели две и забиралась в свою клетку, чем окончательно убедила меня в том, что птичка именно та, а не какая-нибудь другая. В мае зарянка исчезла, и я не знаю, что было тому причиной. Может быть, она не нашла пары, и гнездовой инстинкт сдвинул ее с насиженного места, может быть, просто попалась кошке. Весь этот случайный опыт говорил за то, что любительницы глухомани вполне могут селиться в наших городских садах, парках, газонах. Было бы неплохо отловить несколько пар молодых зарянок и, обдержав зиму в клетках, выпустить с весны в садах с подходящими для гнездования условиями. Гнездятся птички в густерне, на земле, как соловьи. Очевидная польза от птиц сочеталась бы с большим эстетическим удовольствием. Разве не приятно иметь у себя в саду «своих» зарянок, горихвосток, а может быть, и соловья, ведь соловьи — ближайшие родичи красногрудых лесных птичек.

Меня всегда удивляла способность зарянки оставаться дольше всех прочих насекомоядных птиц. Уже не раз выпадал и таял снег, земля промерзала до звона, и ледяные ветры сорвали последнюю листву, давно улетели пеночки, горихвостки, варакушки — птички, долго задерживающиеся осенью, а зарянки все еще есть. Бывает, выйдешь поутру в огород — кругом снег, холодно, льдистое зеленое небо на востоке, и вдруг слышишь цвирикание зарянки из малинника. Все еще тут. Последних зарянок¹ я встречал

¹ Похожа на зарянку величиной и повадками другая птичка из семейства дроздовых — синехвостка. Под Свердловском она встречается на осеннем пролете в начале октября. Спина у птички синяя, зоб рыжеватый. Однажды такая птичка (самка) была 27 октября, но авторитетные люди сообщали мне, что видели зарянок и в начале ноября. В такое позднее время птицы перебираются в сады, на заброшенные пустыри, кладбища, в парковые заросли и в черемуховую чашу по берегам долго не замерзающих речек.

Горихвостка-лысушка, или садовая горихвостка

Бывают певчие птицы, которых затруднительно отнести к категории лесных, опушечных или даже городских. Примером служит довольно известная многим садовая горихвостка. Это та самая «малиновка», которая поет ранними майскими утрами в городе на высоких старых тополях. Она живет и во всех парках и по дворам, где есть ветхие строения, ее приятный голосок равно звучит и в безлюдной глухомани старого смешанного леса, и на пронизанной солнцем опушке. Нет ее лишь в кустарниковой поросли. Горихвостка из породы дроздовых, родня варакушки, соловья и зарянки, которых напоминает своей манерой держаться,— те же порывистые движения, то же спокойное замирание надолго, когда птичка «задумавшись» сидит где-нибудь на выступающей доске забора. Но вот словно вспомнила о чем-то и — нырок вниз, стрелой пронеслась в кусты смородины. А вот уже снова столбиком сидит на заборе, дрожит хвостиком.

куплена на птичьем рынке Свердловска. Я знал охотника, у которого она жила. По повадкам и корму синехвостка ничем не отличалась от зарянки.

Самец горихвостки очень красивый, черноголовый, в красном жилетике, но легче всего его узнать

по белому яркому пятну на лбу, за что горихвостку и зовут иногда лысушкой. Самки-горихвостки пятна не имеют, окрашены скромнее, только хвост у них тоже оранжевый.

Появляется лысушка довольно рано, иногда в последних числах апреля, но чаще к 2—4 мая. В это время нетрудно поймать ее лучком или самоловом на мучных червей или даже в заприваженную пустую западенку.

Однако на основе многолетнего опыта содержания птиц я не могу рекомендовать любителям горихвостку как хорошую клеточную птицу.

Поет горихвостка звучно и красиво, в конце песни удачно подражает, но и на воле, и в клетке период пения недолог — всего каких-то два месяца. Все остальное время птичка упрямо отмалчивается или надоедливо выкрикивает «уйть, уить, уить», дополняя крик трескучей неопределенной нотой. В клетке горихвостка скучна, малоподвижна, громкую песню весной дают лишь немногие самцы.

Лучше всего любителю привадить горихвостку к своему двору или саду, для чего надо сделать небольшие дуплянки и повесить их в укромных местах, под коньком сарая, на тополе, под крышей. Птички быстро найдут гнездовье, займут его, и тогда каждую весну ломкий утренний голосок «малиновки» станет будить вас на заре.

В белые июньские ночи горихвостка начинает петь очень рано, в два-три паса, на самом брезгу, чем вводит в заблуждение познающих людей, которые тут же заявляют, что слышат по ночам соловья.

Из своего детства помню: утро, нежный летний туман, распахнутое окно, свежесть неба, воздуха, росы и песенку горихвостки. Из года в год прилетала к нам эта «малиновка» и делала гнездо в обветшалом скворечнике, кое-как прибитом на худой забор. Выводки этих птичек держались по сирени и малинникам до начала октября. Содержание горихвостки в клетке сходно с соловьем или зарянкой.

Пеночка-пересмешка, лесная малиновка

В двадцатых числах мая, когда все в лесах оденется листом, зазеленеет свежо и ярко, слышится в рощах звучное красивое пение. Не то славка, не то камышевка поет. Звуки песни перемежаются криком чижей, пиньканьем зяблика, дроздовыми свистами, и снова повторяются странные колена, в которых, коль прислушаешься, найдешь правильное чередование многих слов. Так поет пеночка-пересмешка.

Странная зеленая желтобровая птичка действительно напоминает пеночку, но покрупнее, корпуснее, с более толстым и широким у основания клювом. Нижняя сторона у птицы желтая, как у чижа. Пеночка-пересмешка очень редкая птица в коллекциях любителей. Поймать ее трудно. Пересмешка почти всегда держится в самых верхних сучьях деревьев, ловко прячется в листве, весьма непоседлива и осторожна. Может быть поймана подобно иволге на водяном точке. Я не ловил и не содержал пересмешек. Никогда не встречал их и в других руках, но, по свидетельству зарубежных авторов, птица эта хорошо приживается в клетке, поет много и красиво. Каждая лесная малиновка имеет свой набор в песне, общими являются лишь характерные слоги; «ки-ки-кий, ки-ки-кий», которые она повто-

ряет, как садовая камышевка. Для леса высокого, соснового, березового и смешанного лесная малиновка не редкость. Близ всякой высокой опушки слышишь в июне ее крикливый напев.

Гнездо пересмешка устраивает в подсаде. Птенцы вылетают к десятому июля. Их не бывает много

— в выводке 3—4 птички. Кормится пересмешка насекомыми, но к осени берет и ягоды, особенно красную бузину. К последней декаде августа пеночки-пересмешки повсеместно и тихо исчезают. В клетке пеночку-пересмешку¹ содержат подобно камышевке или славке. Клетка крытая, с мягким верхом.

¹ По кустарникам, садам и опушкам в те же сроки попадает другая мелкая пересмешка — буровато-серая бормотушка, пение этой пересмешки тихое, «бормочущее», но, как и зеленая пересмешка, она также копирует голоса разных птиц. В высоком лесу не встречается.

Свиристель

Первые холода приходятся к началу октября. Тогда уже и снежит и пробирает знобким ветром. Лист с шумом валится под его порывами. Примолкают светлеющие день ото дня леса, все меньше птиц. Идет отлет дроздов. Скромные певчие и крикливые рябинники задерживаются на ягоде. Красно-пунцово нежится в перелесках рябина. Быстро спадает ее неспорый перистый лист, но тем ярче, соблазнительнее свисают сочные гроздья, темнеют, приобретают винный вкус терпко-сладкие подмороженные кисти. В эту пору к рябинам нашествие: их щиплют рябчики, суетливо оклевывают дрозды, снегири подлетают своим ныряющим полетом. И все-таки не очень страдает рябина, велик урожай, не скоро соберут его птицы. Так и стоит, красуется рябинник, пока не пойдут над лесом дружные острокрылые стайки, в полете похожие на скворцов, а садут, и вот они — хохлатые серо-дымчатые свиристели. Свиристелей по их необычному хохлатому виду знают многие. Птичка эта крупная, видная, не мельче скворца. Явившись к середине октября из северных лесов, свиристель налетает на плодопитомники и сады. И тогда держись, рябина, мелкоплодная яблоня, черная ирга! Посидит станичка свиристелей одно утро в саду, и нет после них ни одной ягодки — прожорливость свиристелей удивительна. Едят они почти беспрестанно, и вся их жизнь заполнена одним — поисками еды.

В утренних сумерках вылетают свиристели на кормеж-^{КУ}, и едва находят подходящую рябину или яблоньку-сибир-^{КУ}, как начинается пиршество. Птицы глотают ягоды, давятся ими, набивают зоб до такой степени, что иногда

не в силах бывают взлететь. Сытые птицы устраиваются где-нибудь поблизости на макушке тополя, кучно усаживаются там со своим непрерывным серебряным «ти-ли-ли-ли» и отдыхают, переваривают пищу. Их сменяют на ягоднике успевшие проголодаться. И так целый день.

Особенно прожорлив свиристель с прилета, зимой птицы не так объедаются и даже в клетках съедают половину того, что брали раньше целиком. В неурожайные на рябину годы свиристель кормится почками.

Свиристель — чисто декоративная птичка. Никто из любителей не содержит его ради пения, представляющего собой вариации той же помывки. Прожорливость, неопрятность и скудное пение — причина того, что никто не держит свиристелей подолгу. В неволе они скучны, малоподвижны. Содержать свиристеля нужно на соловьиной смеси, добавляя к ней рубленые яблоки, рябину и прочие ягоды. Освоившийся с кормом свиристель ест не больше певчего | дрозда. Клетка для содержания нужна второго номера и без мягкого верха, ибо осваивается птица быстро. Ловля I свиристелей осенью и зимой не трудна. Они идут и в пу- | стую западню, повешенную тут же на рябине, и на ток под ягодным деревом. За один раз при сноровке можно покрыть до десятка непугливых птичек. Из пойманных отбирают более ярких самцов, а остальных выпускают.

Щур

В толстой, затрепанной книге Альфреда Брема была цветная вклейка. Засыпанный снегом угрюмый лес, вершина ели со связками коричневых шишек, на них стая клестов красных и желтоватых, ниже на еловой лапе пара крупных долгохвостых малиново-красных птиц, таких же тол-стоклювых, как снегири. «Клесты-еловики и щуры» — была подпись. Я, тогда еще маленький мальчик, благоговейно рассматривал ярких птичек. Они запомнились мне навсегда.

Я никогда не видел живыми ни клестов, ни щуров. В город они не залетали, на пустыре и в старом беспризорном парке не водились. Почему-то тогда не приносили щуров и клестов на птичий рынок, непременным посетителем которого я бывал всякий воскресный день. Лишь когда я немного подрос, отец стал брать меня на охоту. Я узнал, что клест — самая обычная птица в хвойном лесу. Его цоканье и крикливое «тив-тнв-тив» постоянно несется с еловых вершин. Оно скоро стало привычным. А щуры так и не попадались, может быть, по простой причине — ходил я

в лес лишь ранней осенью, а с выпадением снега ружье вешалось на стену.

Но однажды в теплую затяжную осень 1946 года я отправился на охоту в ноябре. Уже выпал неглубокий снежок, и леса стояли под пасмурным небом чистые, прозрачные, печальные. Все ждало настоящей зимы и хмурилось, тосковало о прошедшем лете, о ярком солнышке, которого давно не видела земля.

Я забрался в осиновый подлесок, круто взбегающий на гору. Заячьи следы четко тропились сквозь него там и сям. Пробираясь меж тонких зелено-серых стволиков, я вдруг спугнул трех крупных серовато-красных птиц. Они усе-лиег, близко на тонкие ветви и покачивались, издавая тихие, скулящие, вопросительные звуки. Я никогда не видел таких птиц, и в то же время они странно напоминали

кого-то. «Какие? Кто?» — напряженно вспоминал я и вдруг сказал; «Щуры! Ну, конечно же...» Но как отличалась их окраска от той нелепой, зацвеченной, попугайной вклейки! Щуры были прекрасного дымчато-малинового цвета. Их крепкие клювы скорее напоминали клюв рябчика. И вообще в их облике было много таежного, северного, что-то; от елок и мхов. Один щур был не малиновый, а серовато-желтый, с чешуйчатым узором на груди и голове. «Сам-! ка», — догадался я. Л подошел к птицам ближе. Они не улетали, словно бы тоже разглядывали меня. Они были поразительно доверчивы, до крайнего я мог дотянуться. Но вот птички, которым, по-видимому, уже надоело мое любопытство, вспорхнули одна за другой и перелетели. Лишь теперь я заметил, что в осиннике растут молодые рябинки с немногими поклеванными кистями. Щуры переместились и спокойно принялись за еду.

Позднее, бывая в лесах подолгу, я наталкивался на щуров глубокой осенью всегда в рябинниках, в зарослях колючей калины и по можжевельнику. Щуры не летали крупными стаями — больше 15 штук не встречалось никогда, а обычно три, пять, шесть неторопливых доверчивых птичек, перекликавшихся громкими флейтовыми голосами. «Виу-виу-вить» — кричит взлетевший самец, и ему тотчас отзовутся ближние и дальние щуры.

Первых щуров я ловил петлей из конского волоса, укрепленной на длинном, гибком пруте. Способ этот не из легких, и много птиц не возьмешь, тем более, что они доверчивы лишь в первые дни прилета. После нескольких неудачных попыток надеть силок на голову глупой птички, она начинает все дальше и дальше отлетать от преследователя и садится повыше. Зато в западню на щура и тем

более на ток, под сеть, птички идут очень хорошо. Ловля их для охотника очень проста.

Я уже писал, что щуры прилетают с севера поздней осенью. Первые птички появляются под Свердловском не раньше 10 октября, а чем дальше осень переходит в зиму, тем их становится больше. На Средний Урал щур откочевывает каждую осень, и все утверждения «старых птицеловов», что «чурь» — так они их зовут — прилетают раз в семь лет, — не больше как обычная присказка. Другое дело, что количество птиц каждую осень бывает разным. В иные годы, например, 1953, 1959, 1961, являлось их великое множество, и они летали даже по окраинным садам, в прочие зимы щуров видишь лишь редкими стайками. Здесь полная зависимость от урожая рябины — главного осеннего корма щуров. Известно, что рябина, как и яблоки, обильно родится не каждый год. Есть рябина — ждите щуров, — таков простой вывод. В ином случае щур — случайная птица в ноябрьском лесу. При обильном урожае ягод щур никуда не уходит и кочует по лесистым горам вплоть до марта. При малом урожае птицы пролетают дальше на юго-запад. В конце марта, апреле идет незаметный обратный пролет на север. На Среднем Урале щур никогда не гнездится.

В клетке он осваивается очень хорошо. У меня жили птицы до 9 лет. Гибнет птичка, лишь сразу посаженная на коноплю, оставленная без ягод, а никак не от тепла и тому подобных объяснений, часто дающихся в руководствах по птицам. Секрет долголетия щуров в разнообразном корме.

Щур отлично берет все съедобные ягоды, мелкие яблочки, но выбирает из них не столько мякоть, сколько семена, как снегирь.

Весной и летом надо давать сосновые молодые побеги «пестики», которые птица грызет с жадностью. Эту пахучую смоляную еду щур явно предпочитает всякому корму. Любит он также почки и кожицу березовых прутьев, исл., мягкую новую хвою елок, кедровый орех и сухофрукты, мушкетерских червей, а летом муравьиные яйца. Основа корма — соловьиная смесь и зерно, а к ним указанные выше «присадки».

Поет щур много, но, к сожалению, негромко. В его песне нет неприятных резких звуков, она льется задумчиво, перемежаясь свистами, но и особенных достоинств тоже нет. Щур — певчая птица третьего разряда. По своей красоте, незлобивости, таежному северному облику он дорогой гость в клетках любителей. Клетка щуру нужна попросторнее, № 2 или дроздовая. Мягкий верх не нужен. Щердочки потолще. Купалка обязательна. Даже только •: что пойманный щур никогда не бьется. Худо привыкает он к электрическому свету и надоедливо прыгает по жердочкам целые вечера. В таких случаях лучше клетку накрывать темной материей.

Все щуры теряют после линьки свой дымчато-красный оттепок груди и головы. Перелинявший самец становится чешуйчато-желтым или оранжевым. К человеку щур доверчив. Строгие птицы редки. Он позволяет брать себя в руки и лишь протестует, повторяя странное, испуганное «ма-и, ма-и», точно кошка мяукает. Щур может садиться на руки и плечи, ест лакомство с пальцев. Но выпущенный всегда стремительно улетает.

Очень красивы щуры на рябинах, среди голых кустов и яркого свежего снега, и кто видел их такими, уж никогда не забудет приятную северную птичку.

Клесты

Еловик, белокрылый и сосновик. Если спросить, какая птица самая лесная, можно без сомнения ответить — клест. Вся жизнь клестов — скитание по лесам, а точнее, по лесным вершинам. Это настоящие бродяги. Иногда так и хочется нарисовать их угрюмыми лесными парнями, грабящими островерхий еловый терем.

Клестов на Урале встречается три вида, как, впрочем, и везде в таежном поясе. Они настолько сходны образом жизни, что я буду писать обо всех сразу, выделяя вид лишь по надобности.

Самый крупный и редкий клест — сосновик. Он не помещен в списках уральских птиц, но все-таки появляется в стаях обычных еловиков, где сразу замечен своей большой величиной и громким криком; «клок, клок, клок». Сосновик почти так же массивен, как щур, но короче, «головастее», оперение самцов желто-красное. Очень крепок, красив, массивен его слабо переключенный клюв, придающий птице вид сурово-добродушного попугая. Один такой сосновик жил у меня более года.

Не нужно думать, что клесты-сосновики кормятся только семенами сосновых шишек, а еловики — еловых. На самом деле сосновик так же охотно лущит еловые шишки зимой и питается семенами ели, а сосновые семена оба йида клестов добывают весной и летом, когда крепкие Шишки раскрываются и становится легче их шелушить. Сосновик повсюду редкий клест, тяготеющий более к северо-западу, и для Урала этот клест-богатырь очень интересен. Мой сосновик жил в садке с другими птицами. Держался он спокойно, солидно, никого не трогал, но и свое достоинство не терял. Лишь один раз применил он свой мощный клюв. Однажды утром я насыпал в тарелку корм и поставил в садок. Тотчас спустилась разнообразная птичья компания, слетел и клест, неторопливо и неловко прыгая по донышку к тарелке. Вот он уже у края, но тут юркая сипица-пухляк кинулась вперед с намерением выхватить из-под носа клеста раздавленный кедровый орех. Клест быстро схватил нахалку клювищем за шею и швырнул вон, так что бедная синица мелькнула лапками в воздухе. А сосновик, даже не оборачиваясь, степенно принялся за орех, смакуя его с видом знатока. Этого чудного клеста я выпустил осенью, надев на лапку медное колечко.

Клесты-еловики — самые обычные жители леса. В годы, урожайные на шишки, они появляются неисчислимыми стаями, наводняют ельники и сосняки. Громкое «тив-тив-тив, цок-цок» несется отовсюду. Мелькает красноватое, желтое, серое пятно оперения. Вниз валится хвоя и сорванные шишки. Клесты пируют на славу, угощая объедками своего стола лесных мышей. Еловик в еде настоящий вандал и расточитель. Он срывает сотни шишек, а вылушивает едва треть семян. От сосновика он отличается на треть меньшей величиной, тонким клювом и густо-красным цветом пера, молодые в первом пере крапчатые, затем желтоватые, самки — зелено-серые. Пение клеста — мелодичный скрип, свиристение и тивканье в соединении с резкими грубыми звуками. Песня поется усердно круглый год, кроме периода линьки.

Клест — обычная .птица рядовых любителей. Ее содержат за странный «попугайный» вид, красивое перо и пение. По клетке он лазает, цепляясь клювом точно как попугай, носит в клюве шишки, легко выучивается тянуть и подавать билетки, чем еще в древней Руси пользовались вещуны, предсказатели, шарманщики

и прочие шарлатаны. Для них клест был незаменимой птицей. ~Но очень часто клесты не выживают у любителей и полугода. «Клесты — они к дому, значит,— уверяет на рынке какой-нибудь «знаток». — У меня вот ни репол, ни клост но живут!»

И верно, кормит он их одной коноплей, наряду с выносливым чижигом и щеглом. Те еще живут кое-как, а клест гибнет. Чтобы клест жил десяток лет и был «к дому», надо ему давать смесь из конопля, овса, проса, льняного семени и семечек, добавляя в день по две-три шишки сосновых или еловых. Клесту совершенно необходимы сосновые и еловые ветки, весенние «пестики» и гнилушки, которые он грызет, точит с великим удовольствием, точно собака кость.

У клестов много прихотей и странностей. Зимой, в теплый снежный день, возле разезда Сагра под Свердловском я видел, как штук пятнадцать клестов сидели и цокали на проводе посреди поселка. То один, то другой, то все кучей они спускались на гнилой обломьш изгороди. Я согнал птиц, а идя обратно, снова увидел ту же картину и удивился такому упорству птиц, буквально облепивших гнилушку. Очевидно, птицам не хватает каких-то солен и они добывают их с большой изобретательностью. Так зяблик в лесу часто бегаёт по кострищам, а реполовы — по кучам каменноугольного шлака.

Самый маленький и красивый клест — белопоясый. Он меньше еловика, более строен и тонкоклюв. Оперение сам-Цов бывает густо-малиновое с двумя белыми зеркальцами на крыльях. Белопоясого еще называют лиственничный клест будто бы за то, что питается он семенами листвен-

ницы. Но я еще раз утверждаю, что все клесты питаются приблизительно одним кормом: и семенами ели, и крылатками сосны, и семенами лиственницы, хотя делают это в разное время, В неурожайные годы птицы кормятся побегами, почками, семенами ольхи и даже сорняков. Белопоясый клест в основном северный и сибирский, под Свердловском он бывает редко, но иногда в больших количествах.

Так было осенью 1960 года, Песня лиственничного клеста нежнее, чем у еловика, но также обильна трескучими коленами.

Клесты не являются оседлыми жителями, привязанными к местам гнездовых. Едва только кончаются запасы несъеденных шишек, как всем табором птицы снимаются и уходят неизвестно куда, на поиски кормных мест, причем находят их с удивительной точностью. Всегда урожай еловой и сосновой шишки «совпадает» с прилетом клестов, и нет ли здесь какой-нибудь, ведомой пока одним клестам, закономерности в их движении по лесным океанам Европы и Азии?

Гнездятся клесты там, где есть корм. Клесты — единственные птицы, гнездящиеся с зимы.

Изредка они делают гнезда в феврале и в конце марта. Можно даже получить снимок клестовки в гнезде среди снежных навесов, но все-таки основная масса строит гнезда в апреле, а птенцов выводит в мае, июне. И так поступает 90% клестов, по крайней мере в Зауралье.

Считается, что клеста нельзя содержать в деревянной клетке — подавай ему железную, а не то все испортит. Но... Дайте работу его клюву, дайте гнилушку, лучше А хвойную, положите две-три шишки, и клест никогда не л

тронет клетку. Другое дело, что он легко отворяет дверку и- выпускает себя. Один мой белопоясый умудрялся открывать две задвижки, и, приходя домой, я постоянно находил его на свободе, с цоканьем летающим по комнатам.

Зяблик

В сосновой роще, на голубой березовой опушке, в глубине темнохвойного ельника и на зарастающей тонким лесом поруби —• везде слышится с апреля по август звонкая песенка-раскат, иногда такая переливчато-замирающая, иногда вздорно-крикливая и резкая.

Зяблика видел всякий, кто бывал в лесу и хоть сколько-нибудь интересовался птицами.

Вы идете по грязной весенней дороге в смешанном лесу. Еще рано, серый снег, усеянный хвоей и сучочками, лежит островами среди обтаявшего брусничника и горелых пней. Тишина. Лишь робкий наговор ручейков, сочащихся по дороге. Вдруг звонкое пиньканье, и с дороги взлетела нарядная бело-пестрая птичка. Она села на долгий сосновый сук и пошла по нему бочком.

«Пиньк-пинь-финь!» Она подпускает ближе. Ясно видны широкие белые зеркальца на крыльях. Голова у птички голубая и клюв голубой, грудка красноватая, надхвостье сведена. Это и есть лесной красавец — зяблик.

Самые ранние сроки прилета зябликов на Урал — конец марта, самые поздние — двадцатые числа

апреля. Зяблик всегда приходит как-то вдруг. Еще вчера не было ни одного. А сегодня с утра везде по лесу пинькапье, перекличка летящих стаек. Летят одни нарядные самцы.

Сероватые самочки появятся позднее на целую неделю. А пока самцы облюбовывают гнездовые участки и через день-другой начинают петь. Весна на Урале бывает всякая — то невиданно теплая, дружная, зеленая, то долгая и холодная. Ясные жаркие дни вдруг сменяются облачной хмурью, моросит дождик, сыплет крупа. А зяблики поют как ни в чем не бывало в голом холодном лесу, возвещая весну. Пение их очень различно и в разных местностях — разное. В основном оно состоит из бойкого долгого раската: «фью-фью-фью, лл-ля-ля-вич». Как редкость, попадают зяблики, поющие на два тона — мажором и минором. То вдруг радостно, громко грянет на весь лес. Даже вздрогнешь, остановишься. Ах, что делает, мошенник! А уже стихнет и вдруг нежным ручейком прозвенит, сольет то же самое. Душа вон, до чего хорошо. Иногда зяблик не поет, а издает приятный печальный крик вроде: «рич, рич, рич, рюмит». Видимо, за этот крик птицу и назвал народ зябликом. Около гнезда зяблик может и чирикать по-воробьиному, в полете издает отрывистое «тек-тек... пинь»,

Поймать хорошего зяблика «с голоса», как говорят птицеловы, довольно мудреная задача. Выслушанную птицу сперва надо прикормить. Выбрать место, где зяблик этот поет чаще, разгрести лесную подстилку и заприва-дить, не щадя корма, и коноплей, и семечками, и мучными червями. Через день-два сходить, проверить. Зяблик обязательно найдет прикорм, начнет летать на него и кор-: миться подолгу. Бывает, подходишь к месту тихонько, а он! и слетит, запинькает: «Я тут был!>> Тогда можно ставить¹ сеть, маскировать ее и веревку, получше укрыться самому! и ждать. Бывает, полдня впустую ждешь, бывает, и наф другое утро. Зато какая радость, когда подлетит он, покри[^]

чит всегда, прежде чем спуститься, а цотом нырк вниз на веточку, сидит над самым током, хохолок вздернет. «Пияк, пиньк, пфинь!» И на ток. Тут даже бывалого ловца дрожью трясет. Едва дождешься, когда он подойдет ближе к сети, чтоб покрыть наверняка. И... Вот он скачет под сетью. До чего же красив, ярк, пригож лесной молодец! Бережно усадишь его в кутейку, а еще лучше в мешочек из редкой ткани. Соберешь снасть и счастливый идешь домой.

Ловля зяблика на приманного не всегда удачна. Осторожный лесной певун ни за что не сойдет прямо на ток, если видит клетку. В таких случаях подтайничник надо маскировать или ставить в сторонке от тока. Ловят зябликов весной и на самку и, подобно реполовам, на гнездовых участках, но такая ловля граничит с браконьерством, и описывать ее у меня нет ни места, ни желания. Содержание зябликов в клетке несложно. Им требуется тощенький корм из разнообразной зерносмеси. Ни в коем случае нельзя держать птицу на семечках или конопле. Кет зяблик их охотно и очень скоро (иногда через неделю) слепнет и гибнет. Слепота начинается с выпадения перышек вокруг глаз. Сперва они встопорщиваются, потом веки начинают мокнуть. Птичка беспрестанно чешет голову о жердочку и тем ухудшает состояние глаз. Скоро они превращаются в слезящиеся болезненные щели и зяблик поги-оает. Болезнь глаз излечима, если ее захватить сразу. Прогрессирует она очень быстро. Надо резко сменить корм, Уорав из него всю коноплю и семечки. Смазывать веки слабыи раствором марганцовки, давать побольше зелени,^Б питейку кладут смородиновый джем.

Если клетка с зябликом висит в тени, ее переносят в светлое место, лучше на свежий воздух. Успех лечения обеспечен, если болезнь не зашла слишком далеко.

В дополнение к зерносмеси зяблику дается тертая морковь, 1 — 2 мучных червя, вареная картошка небольшим кусочком. Любит он и белый, размоченный в воде или молоке хлеб. Летом добавляются муравьиные яйца и побольше зелени мокричника. Клетка зяблику обычная, без мягкого верха. Нужно учитывать, что птичка эта дикая, привыкает нескоро — через год-полтора. Пение в клетке начинается иногда с января и продолжается до июля. Некоторые хорошие зяблики поют и осенью, в сентябре-октябре.

Зяблик — перелетная птица. Гнездится за лето дважды и в сентябре отлетает, сбиваясь в большие стаи. Отдельные зяблики задерживаются с отлетом до начала ноября.

Вьюрок, юрок

Вьюрок — близкий родич зяблика и тоже лесная птица. Сказать точнее, это птичка таежного леса, еловых болот-урманов и высоких старых боров. Особенно заметны вьюрки весной и осенью.

Весной, не рано, а к середине апреля, появляются вьюрки на пролете и гнездовьях. И тогда так приятно слышать их протяжное «вжжжжии», несущееся с лесных вершин. Кажется, и вся песня вьюрка в этом задорном, очень громком и долгом звуке. Он так же характерен для глухого весеннего леса, как песенка зяблика. Но зяблик, соседствуя с вьюрком, все-таки любит лес пореже, опушки, просеки, поляны, вьюрок — наоборот — забирается в самую глушь и чащу. Осенью, начиная с два-

дцатых чисел сентября, неисчислимы стаи вьюрков идут из северных лесов и с востока, направляясь на юго-запад. С шумным кевканьем и юрчанием стаи летят над лесом, осыпают поля и бурьяны, сосняки и опушки. В это время вьюрки часто попадают в руки птицеловов, спускаясь на тока к чижам, чечеткам и щеглам. Иногда идет вьюрок и в западню. Специальной ловлей этого «квакаря», как его зовут на Урале, занимаются только мальчишки. Серьезного охотника, ценящего птиц за их песню, вьюрки заинтересовать никак не могут.

Их содержат лишь для коллекций, как лишнюю разновидность, а также из-за красивой расцветки оперения. Весной черноголовый с сипим отливом, красно-коричневый снизу и белобокий вьюрок по красоте не уступает зяблику. Мне приходилось держать вьюрков ради их торжествующего лесного «вжжжжиии», которым они усердно «цели* с апреля до августа. Но хочется отметить, что радуется эта лесная строфа лишь в таежной глухомани, весной, вместе с криками пролетных стай, гомоном ручьев, шорохом сосен — дома она быстро надоедает. По содержанию вьюрок ничем не отличается от зяблика. В общих клетках он сварлив, драчлив и злобен, в дополнение к обычному юрчанию вьюрок издает еще тихое щебетание.

Чиж

Столетиями выбирался вид птиц, наиболее неприхотливых, красивых Пером и хорошо поющих в клетке. К таким и относится всем известный чижик. Клетка с чижиком с Древнейших времен была непременным атрибутом в ма-

стерской каждого ремесленника, над верстаком столяра, над головой сапожника, сидящего на колодке в своем углу, и в старом русском трактире на проселочной дороге, и в доме всякого простолюдина, рабочего человека, жителя города и слободы. Любовь к чижикам не ослабла и теперь. По-прежнему зелененькая черноголовая пташка умиляет взрослого и ребенка, по-прежнему чиж — главный товар весной и осенью на птичьем рынке.

Существует две разновидности этой птицы. Чиж по окраске более бледный, зеленый, с седовато-черной «шапочкой» и большим числом продольных пестрин на брюшке — березовик. Более яркий желтый, черношапочный с черным пятнышком «запонкой» под клювом — боровик. И тот и другой не самостоятельные виды, а только четкие вариации в окраске, между которыми есть многие промежуточные формы. Яркость окраски чижа зависит от возраста. Мне приходилось ловить в осень по две-три штуки чижей с ацельсиново-оранжевым цветом грудки. Такие чижи с трудом привыкают и долго не поют.

Чиж — житель хвойного леса в гнездовое время. Ур-манные ельники, комариное царство — обетованная земля чижа. Летом он малозаметен, идешь по летнему лесу и лишь случайно услышишь их мелодичное пиликанье в вершинах елей: «пи, пи, кии, пи...» Особенно любит гнездиться чиж в болотных еловых островах. Птицы делают две кладки — в мае и в июле. С конца августа чижи собираются в станички по 10—15 птиц. Они кочуют по березнякам, ольшаникам, вдоль опушек, по рекам, речонкам и ручьям с уремой. Стаи сплошь из сереньких самок, молодых тускло-желтых чижат первой кладки и чижат второго выводка, забавных, крапчатых, с пестрой птенцовой голо-

вой без черной «шапочки». У самцов второго выводка на груди среди пестрин пробиваются желтые перышки. Такие чижата очень доверчивы, валяются на ток под сеть без боязни, чего не скажешь про старых чижей, которые держатся всегда настороже. В сентябре чижики кончают линьку и начинается их отлет, подвижка к западу. Сбиваясь во все более крупные стаи, чижи летают по высоким березнякам, где кормятся мелкими березовыми семенами. Первая волна сильного пролета падает на промежуток от 15 до 25 сентября, вторая волна идет в октябре, между 5 и 12 октября. После массового отлета задерживаются лишь мелкие стайки, пары и отдельные птицы, часто присоединяющиеся к стаям прибывающих с севера чечеток. В теплые зимы (например, в 1964 году) чиж может останавливаться в богатых кормом местах, обычно там, где есть большие массивы елового леса по соседству с березняками и ольхой. В ельниках чиж

ночует и скрывается от мороза. Мне доводилось ловить таких чижей в декабре и в начале марта. Массовый прилет чижа весной приходится на последнюю декаду апреля и начало мая. Обычно пишут, что ловить чижа очень просто. Чуть ли не ящиком крой. Так пишут люди несведущие, те, кто чижа не ловил. Настоящая охота — дело премудрое, требующее знаний, наблюдательности и терпения, что, пожалуй, и является главным качеством любителей певчих птиц. К примеру, чиж никогда не пойдет под сеть в высоком лесу. Пусть это будет березняк и пусть он битком набит пролетным чижом, ни одна птичка не спустится на самых лучших приманках. А отойдите в сторону, поищите низкий болотистый ольшаник с водой, с ручьем — здесь вы поймаете чижа. Ставьте тайник на воду, а нет, так сделайте воду на току в противне, в какой-нибудь пленке, дайте хороший прикорм из березовой сережки, мокричника и конопли, и ловля пойдет, лишь бы приманки кричали. Для чижа чем больше приманок у тока, тем лучше.

Чижик очень «крепкая», словно бы нарочно приспособленная к жизни в клетке, птичка. Он умудряется жить десятилетиями даже на одной конопле. Хилыми бывают лишь молодые чижата. За ними нужен первое время специальный уход. Они часто гибнут в первый же день после поимки. Происходит это от резкой смены корма. Молодая птица, посаженная сразу на коноплю, тотчас объедается. Чижат нельзя перекармливать, нельзя сыпать им коноплю «навалом», нельзя допускать, чтоб они ползали по стенам клетки. В первые дни чижатам дается березовая мочка, трава мокричник и небольшое количество давленной конопли. Клетку тина ящика с закрытым, пусть не мягким, верхом вешают так, чтобы птички не видели улицу. Если ящичной клеточки нет, обычную клетку завешивают сверху и с боков (кроме переда) какой-нибудь светлой тканью. Пойманные поздней осенью и весной чижи очень редко гибнут даже при варварских условиях содержания на одной конопле.

Чтобы чиж жил долго (до 15 лет), ему нужен лишь хороший подбор корма. Смесь из конопли, проса, салата, сурепки и льняного семени в количестве полутора-двух чайных ложек вполне достаточна. По возможности дается зелень, вареный картофель, яблоко, березовые, липовые, ивовые прутики. Летом — ветки с листьями лины и березы, как лакомство по время линьки — мучные черви по 2—3 штуки или немного муравьиного яйца, некоторые чижи едят его хорошо.

Пение чижа посредственное, если он не набрал колен от других птиц. Некоторые старые чизки хорошо берут овсянку, строфы щегла, реполова и синиц. В общем, приятное щебетание чижики, такого ручного, забавного своей привязанностью и непугливостью вполне устраивает большинство любителей. Среди них есть даже специалисты «чижатники», которые и ловят одних чижей и могут рассказывать о них часами, с воодушевлением разные были и небылицы.

Чечетка

Когда осенью утром я выхожу на улицу, иду, поеживаясь, в холодке и синеве рассвета, я всегда слушаю, жду чего-то. Иногда дожидаюсь. Вот оно тихое «че-че-че» с еще не проснувшегося темного неба. Летят чечетки. Я останавливаюсь, гляжу в хмурые тучи. Рань. Листья сухие и жесткие летят откуда-то с тополей. Нехотя, грустно светает, листья скачут вдоль дороги, кружатся по ней бесовой метелью. В плотном и стылом воздухе редко пролетает снег. И мне донельзя остро припоминается детство. Вот я, семилетний мальчик, в кепчонке и коротком пальто неопределенного цвета, так же затемно спускаюсь с крыльца. В руках у меня клеточка-подтайничник и желтая западенка. Там сидят серые светленькие красноголовые птички. Я шествую в огород, степенно отворяю скрипучую щелястую дверь. В огороде у меня ток. Я налаживал его целую недолгу, до предела заполненную счастливыми хлопотами. Вся беда в том, что негде взять дерева для прксады. В огороде растут лишь малинник да старые смородиновые кусты. А ведь чтобы успешно ловить птиц, надо хотя бы одно

дерево повыше. И я крал ветки и сучья в соседних садах, пока не набралось достаточно. Ветки приколачивались на жердь и, наконец, с невероятными усилиями, ссадинами, занозами и синяками я подымал, вкапывал тяжелую лесину. Главное — «дерево» есть! Далее расчищался, выравнивался, утапывался точок. Я обсаживал его ветками, сухой лебедой и репьями, бегал весь в поту, в горячке, устраивал шалаш из гороховой ботвы, палок и подсолнечниково-вых будыльев. И шалаш приносил мне, наверное, столько же радости, сколько одинокому Робинзону его первая хижина. Помню, как сейчас, те сухие, теплые, пахнувшие желтыми тополями и коноплей дни. Белое солнышко. Пресный запах шуршащей мякины. И себя, измазанного землей, усталого, в липучках репьев и колючей череды. Это были лучшие мои дни на земле, и они остались со мной навсегда.

И вот теперь это темное утро. Что привело меня в пустой огород? Что подняло спозаранок наравне с бабушкой? Что заставляет зябнуть в чернильных сумерках холодного утра?.. Я налаживаю заиндевелую непослушную сеть, каблуком покрепче вколачиваю железные костыли в мерзлую земляную корку, проверяю, как ходит тайник на сошниках. Все ладно. Веревка привязана. Только вот пальцы озябли, зашлись, сую их в рот, выплевываю землю, пальцы покалывает, они поют. Ставлю на ток подтайничник с чечеткой. Западно вешаю повыше и забираюсь в шалаш. Жду рассвета. Серееет, светлеет низкое небо. Оно ровно и беспросветно. Крупные снежинки медленно падают, лениво переметаются. Снег. И так пахнет в моем шалаше утром, холодом, мякиной и лебедой. Мне хорошо. С непонятной тихой радостью смотрю я на снежинки, на голые сучья тополей, сиротами торчащих за ветхим забором. Я жду. Ухо ловит где-то зимний свист снегиря. Ему откликается другой из дальнего сада. Снегири! Очень бы хотелось поймать красного, черноголового, с голубой спинкой «жулана», да он не спустится, нет у меня приманных. Я подсвистываю, и вот один летит. Ближе, ближе... Нырлет из-за огорода, садится к самому току. Меня бьет мелкая дрожь. Пересыхает во рту. Он такой чудесный — алый, степенный, с белым и черным. Снегирь. Но, покосившись на ток, он вдруг слетает, и вот уже далеко-далеко слышу его «жюкающий» голос. Улетел...

И мне досадно до боли и все-таки радостно. Ведь чуть не спустился!

«Чи-чи-чи... че-че-че» — слышится сверху! И сразу подхватывают, заливаются мои приманные. Летят! Чечетки?! Приникаю к отверстию в травяной сетке. Сядут или не сядут? А переключка все слышнее, вот уж близко, близко они. Пятерка беловатых птнчек вдруг садится на ветки дерева.

Вот одна слетает на западок. Хлоп! «Есть! Есть! Попала!» — шепчу я. Другие взлетают, но, сделав

круг, ворочаются, остановленные голосами признанных. Садятся на лебеду у точка. Вот одна светлая птичка спрыгивает на ток, другая, третья... Я зажмуриваюсь и дергаю шнур. Вылетаю из скрада. А глаза уже ищут. Накрыл?! Бегу к сети доставать добычу. Две чечетки попали, прыгают под сетью и без всякого сопротивления отдаются в руки. Они не клюют и не щиплют пальцы, как пойманные синицы-кузнечики. Они только напуганы, милые пичуги, с лукавыми маленькими черными глазенками. Я бережно освобождаю их от сети и разглядываю каждое перышко. Вот чечет! Розовое неяркое кольцо проступает на грудке. В осеннем перье чечет не такой красивый, как весной. А все-таки хорош!

Сажаю птиц в специальный ящик и достаю западню. Там тоже сидит чечетка, но какая-то необыкновенно чисто-светло-серая с крохотным желтым клювиком, как зернышко гречи. «Березовка!» — так называли мы тогда тундровую разновидность чечетки. Она ведь почти белая, и только рубиновое пятнышко на голове слегка отливает оранжевым. Хоть и жаль мне березовку, а я ее выпускаю. «Они плохо живут на конопле. Пусть лучше летит», — думаю я. Птичка уже скрылась в белесом снеговом небе, но долго еще доносится ее серебряный голосок: «че-че... че-че-че».

Уже совсем рассвело. Снежок подваливает гуще. Ему рад я и рада черная собака Динка, вылезаящая потянуться из конуры возле заплота. Снегу рады земля, былинки, худой забор и белошекие желтые синички, прыгающие по нему со своим верещанием и линьканьем. Идет снег... Конечно, те чечетки, которых я ловил и которых ловят и ловили почти все мальчишки на Руси, не представляются сколько-нибудь занятой птицей для серьезного любителя. Знаток от них отвернется. Серятина] Мальчишечья забава... Что греха таить, и я теперь тоже не держу и не ловлю чечеток. Но не будем строги к этим замечательным птичкам, ведь они — спутники нашего детства. Надо ли писать, что великомученица-чечетка умудряется годами жить в самых тесных и грязных клетках. На одной конопле она поет и чечекает там, где любая более нежная птичка давно бы погибла. А сколько переносит чечетка от жадных, грубых, нетерпеливых ребячьих рук! Все идет ладно, пока не наступит линька. Ее выдерживают на конопле немногие герои. Жаль смотреть на таких «ободранных» птичек, на их мятое и хилое перо. Оно сильно темнеет до сплошной грязной черноты (следствие действия на окраску конопляных жиров). Карминовый цвет звездочки на темени заменяется после линьки бледно-желтым. Третьей линьки на конопле птички уже не выносят.

Что же требуется от юного охотника для его первой добычи, что нужно, чтоб чечетка жила долго и оставалась здоровой? Корм ей составляют из зерносмеси, куда идет $\frac{1}{3}$ конопли, а остальное составляет лебеда, семена крапивы, мака, льна, салата, просо. В клетку ставят прутьики березы. Летом возможен тот же корм, но больше зелени, веток, почек. Клетка для чечетки подходит какая угодно. Обыкновенная и тундровая чечетки прибывают на Средний Урал в разные сроки. Наиболее обычным бывает прилет от середины сентября до конца октября. В годы урожая на березовую «мочку*» и ольховые шишки чечетка держится по березовым лесам всю зиму. Часть ее откочевывает южнее, но уже с февраля начинается обратная подвижка в тундру, которая идет очень медленно, растянуто вплоть до середины мая. Гнездятся оба вида чечеток ¹ в лесотундре по низкорослому криволесью.

Снегирь обыкновенный

Так получилось, что снегирем я кончаю свои записки о певчих птицах. Снегирь, которого на Урале повсеместно зовут жуланом за его жалобное «жюканье», — самая заметная птица зимнего леса. Русская зима без снегирей — не зима. Является какое-то особенно отраднотеплое чувство к своей земле, пасмурному небу, черному лесу, когда слышишь, вспугнешь стаю этих птичек, и они волнисто полетят прочь, пересвистываясь, с особым тихим «ю-хю-хю», мелькая белыми снежинками надхвостья. Снегирь в осеннее и зимнее время может быть встречен где угодно: и в полях, на кладях обмолоченной, пахнувшей ветром и снегом золотистой соломы, и в облетелых кустах черемушника по берегам речек, и в кустах калины на опушке, и в рябиннике, в сплошном лесу. Столь же часто кормится он по высоким бурьянам на залежах, пустырях и межах. Мел-

¹ В 1946 году я поймал в сентябре месяце чечетку без красного пятна на темени. Она была стройнее и длиннее обычных чечеток и словно бы поменьше. По-видимому, это была редкая для Среднего Урала горная чечетка. В 1943 году попадал мне самец-чечет необыкновенно яркой

малиновой окраски и в полтора раза крупнее любой чечетки. Изредка попадают птицеловам чечетки совсем белые.

кие семена крапивы, лебеда, чертополох и дикая конопля — все идет в корм снегирю.

В последние десятилетия снегирь стал гнездиться в окрестностях Свердловска по еловым и сосновым лесам, что раньше никогда не наблюдалось. В массе же эта птица приходит из северных глухих просторов, где проводит все детнио месяцы. В конце августа снегيري собираются в кочевые стайки. Тут есть и красногрудые самцы, и птички с грудкой кирпичного цвета (молодые самцы первой кладки), и серовато-бурые, без черной шапочки, птицы второй кладки, еще не перелинявшие во взрослое перо, и серые самки-жулановки¹. Стаи начинают неторопливое движение по лесам, спускаясь к юго-западу. Это движение не назовешь перелетом, скорее всего, это медленное кочевье, отступление от жестких морозов, поиски корма.

Когда снег в лесу станет глубже, а разная пролетная птица дочиста оберет ягодник, снегيري подаются в сады, в городские парки и подворья. В январе-марте снегирь — обычный житель города. Он кормится семенами сухих и мерзлых ягод, мелких яблочек, ест почки, семена и летучки вязолистного клена. Облюбовав укромный уголок сада, снегيري прилетают ежедневно.

Снегиря знают и стар и млад. Их любят за алый, серый и чистый наряд, за милую спокойную добродушность. Снегирь принадлежит к известнейшим клеточным птицам с Древнерусских времен. Его благоговейно несет с рынка

___¹ В зимнее время под Свердловском не редок сибирский серый снегирь, подвид обыкновенного. Самцы сибирского снегиря ие красные, а нарядно светло-серые. Птицеловы принимают их за жулановок. По пению и содержанию ничем не отличается от обычного снегиря.

восторженный карапуз я маститый любитель. Пример этой птицы показывает, что, несмотря на активную ловлю в течение столетий, снегيري не уменьшились в числе, а, наоборот, расширили гнездовой ареал, если говорить языком наукообразным.

В то же время снегирь часто гибнет в руках неумелых любителей, а особенно у промышленников, которые ловят снегирей на продажу. Варварски сажая наловленных снегирей «навалом» в большие садки, промышленники потом сетуют, что много птиц «дохнет», «отбивает ноги» и т. п. Как добиться того, чтобы ни один снегирь не погиб в руках любителя? Опыт помог мне найти правильное решение. Если пойманных снегирей рассадить в низкие, маленькие клеточки, типа подтайничников, закрытые сверху материей или картоном, дать корм и воду и повесить в спокойном месте, все птицы сохраняются полностью.

Всякий охотник за снегиря-

ми должен помнить, что ловит добрую прекрасную зимнюю птичку. Он в ответе за ее жизнь, он должен сохранить ее живой и здоровой.

На первые дни пойманного снегиря ограничивают в движении, а через поделю переводят в обычную клетку или садок. Снегирь требовательнее других «простых» птиц к корму. На одной конопле он скоро заболевает. Кормить снегиря надо смесью из овса, проса, сурепки, льна, сорняков и небольшого процента конопли — не более четверти. Корм дается по норме, так как излишнее закармливание ведет к ожирению и преждевременным линькам. Зимой снегирю надо ставить в клетку веточки ивняка и березы, весной давать сосновые пестики, летом одуванчик и мокричник. Многие снегيري охотно едят летом мучных червей. Во все времена

года ягоды — лакомство Для снегиря, хотя ест он лишь семена, отбрасывая мякоть. На таком корме при соответствующем уходе снегири живут в

клетках до пятнадцати лет и почти не теряют яркость окраски.

Они привязываются к хозяину, как хорошие домашние животные, и все время напевают свои скрипучие песни;! с заунывными свистами¹.

У меня всякую зиму живут снегири до весны. Я очень люблю слушать их раннюю утреннюю переключку, когда в комнате еще серо и сине, а глаза слипаются от сна.

Я слушаю птичку, и мне припоминаются чистые сумерки в лесу, елки, закутанные в снег, река в ледяных забережьях и вся нетронутость, пасмурная грусть первых зимних дней.

¹ На Средний Урал и под Свердловск каждую зиму с ноября по апрель залетают сибирские длиннохвостые снегири — серые и розовато-серые (самцы) долгохвостые птички, поменьше обычного снегиря. Я дважды наблюдал их в ноябре и в марте, кормящихся по бурьяну на полевых межах, Снегири кормились на сухой полыни. Несколько раз я покупал длиннохвостых снегирей на рынке у местных птицеловов. В клетке этот снегирь напоминает обыкновенного, но более пуглив и молчалив. Призыв — пиньканье, похожее на крик зяблика. Пение тихое, льющееся. Я нахожу, что для клеточного содержания это неинтересная птица. Корм и клетка — как обычному снегирю. Отмечу, что залет долгохвостого снегиря на Урал — не редкость, а регулярное явление.

Основные правила содержания певчих птиц

К важнейшим условиям правильного содержания птиц относятся следующие четыре: помещение, корм, чистота, свет. Рассмотрим их в отдельности.

Помещение для птиц

Обыкновенным помещением для птиц является клетка. Видов клеток существует бесчисленное множество, равно-как и мнений об их достоинствах. Тридцатилетний опыт содержания птиц подсказал мне некоторые правила. Л хотел бы поделиться ими с охотниками.

Клетка для певчей птицы должна удовлетворять целому ряду требований.

Во-первых, она должна быть в меру просторной, чтобы птица не чувствовала в ней себя угнетенно, не избивала бы и не портила перо.

Клетка не может быть и слишком большой, загромождающей комнату, такой, что птица будет летать, как воробей в сарае.

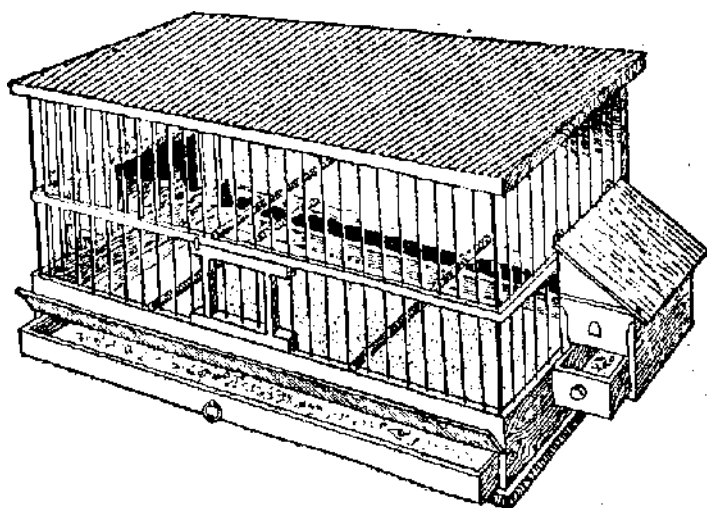
Клетка должна легко и быстро очищаться.

В ней необходим тот комплекс удобств, от которых зависит хорошее настроение, бодрый, чистый и здоровый вид птицы. Всякая клетка должна быть оборудована жердочками, иметь купалку, поилку, чашку с минеральной подкормкой и песком и кормушку навесную, поворотную или, что гораздо хуже, выдвижную.

В клетке не должно быть щелей и мест, где прячутся и разводятся паразиты птиц: пухоеды, клещи, птичьи вши.

И последнее условие — клетка должна быть Красиной. Ее красота подразумевается не как нагромождение коньков, куполов, балкончиков, резьбы или, что еще хуже, никелированных, пластмассовых и плексигласовых украшений. Я категорически против отвратного базарного стиля сделанных па скорую руку «садоочков» с куполами, окрашенных в ярчайший желтый, синий и даже красный цвет, садоочков, рассчитанных на непотребный вкус. Такие клетки никак не вяжутся с хорошей мебелью, современным видом комнат, из-за низких бортиков засоряют комнату.

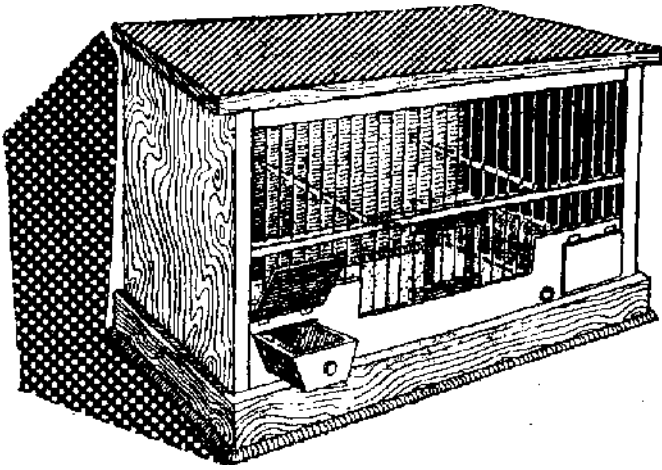
Тесные клетки с куполами, а особенно с верхом, сделанным в виде дуги или арки,—главная причина особого порока в поведении птиц, так называемой «вертоголовости». Щеглы, зеленушки, реполовы, иногда зяблики и пеночки, часто уже па второй день после помещения в такую клетку начинают загибать голову к хвосту, беспрестанно крутить ею. Птица словно приплясывает, беспокоится, иногда падает с жердочки. Заученный порок не исправляется потом и в хорошей, нормальной клетке.

Типичная клетка с навесной кормушкой и купалкой

Настоящая клетка для всех певчих должна быть строго прямоугольной, сделанной чисто, «верноголистенного дерева. Лучше всего клетки буковые Г^агородна розоватая с мелким коричневым крапом если новые, хороши и без окраски яным даго бука. Иногда их

^Jтм^bc^^^клетку. ком или нитролаком. Лак лишь слегка проявляет текстуру древесины бука и дуба, подчеркивая ее красоту.

Клетка-ящик

В крайнем случае клетка может быть березовой, сосновой, осиновой, но в таких случаях лучше окрасить ее снаружи в спокойный для глаза светло-зеленый или бежевый цвет.

Борта клетки делаются не менее 10 сантиметров высотой. Широкая, хорошо запирающаяся на два запора дверка и выдвижное дно обязательны. Если к этому добавить навесную кормушку и купалку — то вот нормальная хорошая квартира, для вашей птицы.

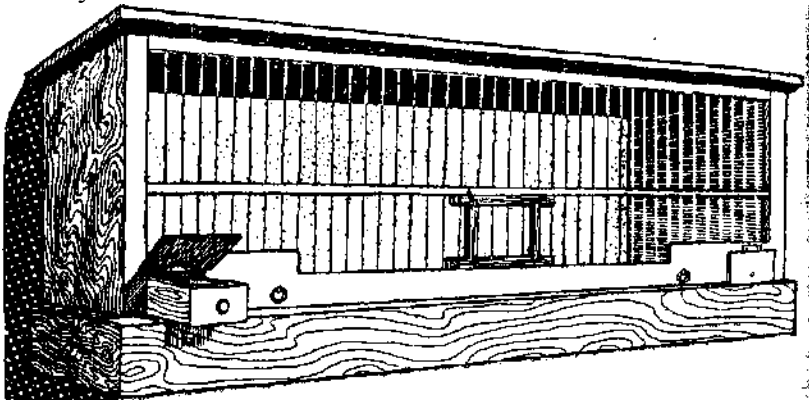
Клетки всех перелетных строгих и диких птиц лучше иметь с мягким верхом. Птицы эти часто «вскидываются» и могут разбить надклювье. Особенно это касается совершающих перелеты по ночам певчих дроздов, белобровиков, соловьев, варакушек, а также для всех видов овсянок и жаворонков. Мягкий верх делается из холста, клеенки, мешковины. Он прибивается обойными гвоздями или прихватывается на клею мелкими гвоздиками, пробитыми через тонкие планки, что значительно лучше и красивее.

Жаворонковая клетка должна иметь тамбур-песочницу, где эти робкие птицы будут прятаться и купаться (подробное описание клетки ниже).

Некоторые охотники могут сказать: «Помилуйте, что за роскошь! Буковые клетки! Купалки! Навесные кормушки! Все это выдумки, баловство... Отцы-деды держали птиц...»

На это я могу лишь ответить, что пишу книгу о наилучшем, образцовом содержании, — содержании, при котором исключается гибель птиц от разных глупых причин, содержании, при котором птицы будут действительно певчими.

Могут быть возражения, что негде взять такую клетку. Наши рынки, да и зоомагазины, что греха таить, забиты изделиями ремесленников-кустарей, не понимающих птиц и работающих по принципу — лишь бы дешевле обошлось. Даже в Москве — столице исконной русской птичьей охоты — господствует пока противный кустарный стиль точеных и непомерно дорогих клеток. Давно бы пора клетки хорошие, стандартные, со всем комплектом делать на наших предприятиях. Делается же это в Германии, Чехии. Но, пока наладят такое производство, где же взять хорошую клетку?

Немецкая клетка для жаворонков

Ответ один. Делайте их сами. Немного нужно знаний, чтобы построить любую самую удобную клетку. Требуется всего шесть простых инструментов: ножовка, рубанок (лучше полуфуганок), плоскогубцы-кусачки, молоток, шило и стеклорез.

Клетка делается так.

Сначала рассчитывается длина, ширина, высота и расстояние между спицами. Потом вычерчивается чертеж будущей клетки. Затем вы заготавливаете строганные досочки бортов, планки. Строго по линейке размечаются места будущих отверстий в планках. Следующий этап — сверление всех отверстий шилом, сверлом или коловоротом, в патрон которого вместо перки закрепляется подходящий по диаметру проволоки плоско заточенный гвоздь. Бели сверлите шилом, то конец его также затачивается на манер стамесочки. Такая заточка предохраняет дерево планки от трещин и расколов.

Когда все планки, борта, фанера заготовлены, начинается сборка. К боковинам прибивается дно, затем столбики, перекладины. По завершении сборки в отверстия плоскогубцами вставляется проволока.

Не беда, если первый опыт не совсем удачен. Другие клетки вы сделаете лучше и со временем дойдете до шедевров. Для меня, например, работа над клеткой одна из самых приятных.

Сознание того, что делаешь для своего любимца не противную тесную камеру, а квартиру со всеми удобствами, всегда воодушевляет.

Клетка готова. Она красива своей простотой, чистотой работы, запахом свежего дерева. Птичка в ней только выигрывает, глядится совсем не так, как в базарном теремке, где лезет в глаза яркость окраски, а птица стушевывается.

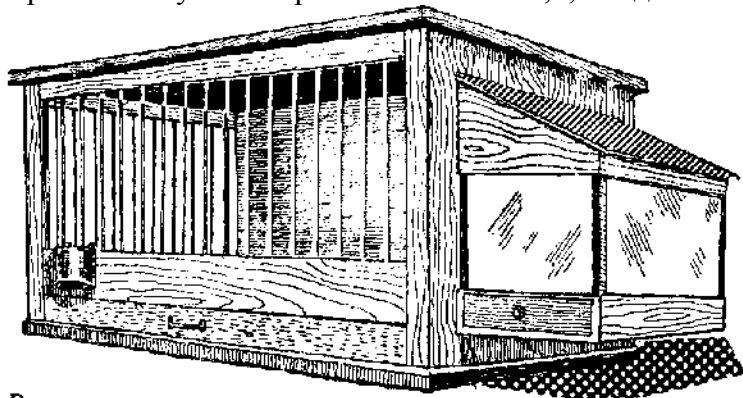
Сообщу еще некоторые сведения, полезные строителю.

Лучше, если клетки сделаны однотипные или разных размеров, но одного стиля.

Верхний брусок должен быть всегда потолще.

Среднюю прожилину ставят не симметрично посередине, а ниже, чтобы птичка не упиралась головой в потолок клетки.

Проволока лучше и красивее толстая: 1,5; 2 и до 3 мм. в сечении в зависимости от типа клетки.

*Русская клетка
с тамбуром
для жаворонков*

Там, где встанут дверцы и навесные кормушки, сверлить и прокалывать планки насквозь не нужно.

Особой разновидностью помещений является клетка-ящик (рис. на стр. 248). Три стороны ее забираются фанерой, покрашенной изнутри белилами. Верх мягкий, в цоколь клетки вставляется ящик с песком. Такие клетки у нас не делаются и распространены на Западе. Но изготовить их самим вполне возможно. В клетке-ящике все птицы держат себя спокойнее, особенно насекомоядные. Кроме того, птицы меньше портят перо, так как не прыгают на боковые стенки. В период перелетов такая клетка незаменима, если вы хотите, чтоб ваш соловей или дрозд остался с целым хвостом и необитыми крыльями. Птица, хорошо заучив прыжок на две жердочки, даже в темноте прыгает по ним, не сваливается и не бьется. Недостаток ящичной клетки в том, что в ней более внимательно нужно следить за чистотой и она несколько темнее обычной клетки.

Совершенно не годятся, на мой взгляд, клетки железные, паяные. Птица в них выглядит хуже, часто ушибается и меньше поет.

Все клетки для птиц могут быть двух вариантов: нормальный и малогабаритный. Под малогабаритным вариантом понимается клетка без средней прожилины. Птицы в них живут отлично, и при недостатке свободного места такой тип клеток вполне приемлем.

Для удобства я разделяю все клетки на четыре номера: от № 1 — самого малого до № 4 — самого большого.

Вот наиболее подходящие размеры клеток, которые даны в двух вариантах: № 1, Для чижей, щеглов, зябликов, синиц, пеночек:

нормальный вариант:

длина - 50 см,
ширина - 23 см,
высота - 32 см,

малогабаритный:

длина - 40 см,
ширина - 18 см,
высота - 22 см.

То же для дубровников, ремезов, пеночек, славков, камышевок, но с мягким верхом.

Размеры ящичных клеток такие же.

Расстояние между спицами — 1,5 см. Для синиц, королек, пеночек — 1 см.

№ 2. Для соловьев, свиристелей и подобных им:

нормальная:

длина - 60 см,
ширина - 25 см,
высота - 32 см,

малогабаритная:

длина - 45 см,
ширина - 20 см,
высота - 25 см.

Верх — мягкий. Расстояние между спицами — 1,5 см.

№ 3. Для жаворонков два типа клеток:

русская клетка — 40 см на 30 см, высота 22 см;

немецкая клетка-ящик — 70 см на 30 см, высота 21 см.

Обязательно: мягкий верх, тамбур-песочник, кормушка и поилка навесные.

Расстояние между спицами от 2 до 3 см в зависимости от вида жаворонков. Для юлы — не более 2 см, а для джурбая можно и 3 см.

№ 4. Для дроздов, иволг:

нормальная:

длина — 70 см,
ширина — 35 см,
высота — 45 см;

малогабаритная:

длина — 60 см,
ширина — 28 см,
высота — 30 см.

Все клетки только с мягким верхом. Лучше ящичные тех же размеров. Обязательны застекленные тамбурные купалки и кормушки. Расстояние между спицами — 2 и 2,5 см. Проволока толстая — до 3 мм в сечении.

Клетки для соловьев, дроздов и жаворонков хороши с деревянными (кленовыми или буковыми) спицами. Они, если сделаны чисто, очень нарядны, птица в них чувствует себя хорошо, а расстояние между спицами для дроздов и крупных жаворонков, не диких «сиделых», может быть до 3—3,5 см.

Садки. Большая клетка для общего содержания нескольких видов птиц называется садком.

Размеры садков очень различны — от 80X35X50 см до полутора и даже двух метров в длину при соответствующей ширине и высоте. Все зависит от возможности размещения садка в квартире и вкуса хозяина. Один-два садка любому охотнику иметь необходимо. Здесь можно содержать группы птиц декоративных, малопоющих, для которых не нужны отдельные клетки. Можно содержать компании разных синичек даже с малым дятлом и поползнем, наконец, — коллекции птиц близких видов, например, подорожников. Садок дает возможность создавать

лесные интерьеры для птичек, интерьеры с пенечками, сучьями, камнями, кочками, елочками. Хорошо подобранные птицы выглядят в таком садке замечательно. Как приятны в таком садке красногрудая зарянка, или варакушка, лесной жаворонок-юла, белоснежная пуночка... Помните, однако, что никогда не следует «перегружать» садок птицами, иначе он превращается в грязный и неприятный ковчег.

Содержание хороших певцов в садках вместе с другими птицами неоправданно. Даже самые лучшие птицы, переведенные в садок, поют там меньше. Исключение составляют щеглы, чижи, реполовы, которые могут петь даже в переполненных садках.

Садок хорош для птиц на период линьки, когда он помещен на воле, на свежем воздухе. Необходимо строго следить, чтобы в нем всегда были теневые уголки, где птицы отдыхают от солнца. Иногда в садок отпускают птиц до срока пения на осенне-зимние месяцы, а с марта рассаживают по клеткам.

Незаменим садок, если вы решили разводить певчих птиц. Это хлопотное дело удастся терпеливым любителям.

Размеры среднего удобного садка таковы: длина — 150 см, ширина — 45 см, высота—75 см.

Декоративные птицы для таких садков: снегирь, щегол, чиж, клест, белая лазоревка, свиристель, вьюрок, пуночка, щур.

И последнее замечание по садкам: удобно, если задняя стенка садка сделана из сплошной фанерной плиты, окрашенной в голубоватый или белый цвет. Птицы декоративные на таком фоне очень выигрывают.

Вольеры. Большие помещения для птиц на воздухе или в комнате, забранные сеткой, называются вольерами. Комнатная вольера устраивается обычно у окна и огораживается металлической сеткой с диаметром ячеек не более чем 1,5X1,5 см. Она оборудуется ветками и седалами разной величины, но отнюдь не является идеальным помещением для певчих птиц.

В чем же недостатки комнатной оконной вольеры? Во-первых, в ней как-то не видишь птиц, следить за ними через сетку труднее. Во-вторых, пение в общем хоре настолько мешается, что слышишь лишь непрерывный и неприятный для уха гвалт. Птицы, особенно весной, стараются перекричать друг друга, трещат, ссорятся, цыперкают, точно волнистые попугайчики — самая надоедливая для слуха птица. В-третьих, комнатную вольеру неудобно чистить, не пугая ее обитателей. В ней всегда разводится множество паразитов, истреблять которых очень трудно.

Гораздо нужнее любителю птиц уличная вольера, или птичник. Ее можно построить на приусадебном участке, где-нибудь в углу огорода, сада, двора. Здесь для содержания птиц можно создать наилучшие условия, близкие к природным. Величина вольеры произвольная, все зависит от возможностей охотника. В среднем 4 м на 2, высотой не более 2 м. Хорош размер 3X4,5 и 1,8 м высоты.

Вольера строится на фундаменте из дикого камня или вкопанных в землю кирпичей. Каменное заглубленное основание необходимо, чтобы к птицам не пробрались мелкие хищные зверьки.

Если охотник живет на окраине, а тем более в деревне, он скоро убедится, что ласки, хорьки, иногда и горностаи проложат к вольере столбовую дорогу, но говоря уж о кошках и крысах. Особенно видно будет по первому снежку.

На кирпичный фундамент птичника кладется основание из нетолстых, связанных в торец бревен. Вольеру строят фасадом на юг, юго-восток, юго-запад и запад. Прочие две-три стены наглухо зашивают досками. Крыша делается наполовину сетчатая, наполовину глухая, односкатная, чтобы птички могли и прятаться от солнца, и находить себе место для ночлега. Полностью накрывать вольеру не нужно, так как птицы очень любят дождь, любят мокнуть под ним, купаться и чиститься. У входной

двери вольеры делается дощатый тамбур, чтобы птицы не вылетали, если вы войдете внутрь.

Затем набивается сетка или ставятся рамы, натянутые ею. Все строение тщательно окрашивается снаружи масляной или эмалевой краской.

Внутреннее оборудование вольеры делается по вкусу любителя. Ставятся жердочки, развешиваются дулянки, пол засыпается песком. Можно посеять траву, посадить кустарники, но они сохранятся только в том случае, если вольера не перенаселена.

В разные места птичника ставят сухие крепкие ветки, а если в вольере живет поползень, синица

или дятел, то обязателен гниловатый ствол ели, березы, сосны. Лиственные гнилушки, особенно осиновые, хорошо едят и любят долбить почти все птицы.

Вольеру для зерноядных неплохо оборудовать автокормушками на случай отъезда. Сделать такие кормушки очень просто, как показано на рис. стр. 169.

Чтобы не лазать каждый раз в помещение вольеры и не пугать птиц при чистке, должно быть несколько хорошо запирающихся дверок малой величины, 'Jерес них удобно ставить корм, воду, бросать траву.

Вольера нужна любителю в основном для летнего периода, когда птицы линяют, но можно содержать их и в другие периоды года. Лучше иметь две вольеры или одну, перегороденную для зерноядных и насекомоядных птиц. Надо помнить, что летом все зерноядные отлично едят муравьиные яйца, и вам не напасть корма для всей компании, если она велика.

Обязательным предметом для вольеры должны быть клеточки с широкой дверцей, как у западни. Они постоянно находятся в вольере, в них дают корм, ими же отлавливают нужную птицу, чтобы не полошить остальных.

Выпуск птиц в вольеру делают теплым погожим утром, чтобы к ночи переселенцы хорошо ознакомились с новым жильем. Вольерное содержание певчих птиц имеет те же преимущества и недостатки, что и садковое. Птицы поют меньше. Но для изучения вопросов линьки, гнездования, гнездовых и перелетных инстинктов, особенностей поведения, а также для размножения птиц вольеры совершенно необходимы.

Что же касается кружков юных натуралистов в школах, Домах пионеров и зоопарках, то здесь вольерное содержание птиц должно быть главным.

Принадлежности для клеток и садков. К оборудованию клеток относятся жердочки, поилки, кормушки, песочницы. Жердочки делаются из твердого дерева, лучше естественные, то есть можжевельные, черемуховые, кленовые, сосновые. В клетке они размещаются так, чтобы птица могла прыгать, слегка взмахивая крыльями. Делаются жердочки — одна потолще, другая тонкая.

Поилки должны быть достаточно широкими и тяжелыми — из стекла, фаянса, фарфора.

Пластмассы надо избегать, ибо многие ее виды выделяют в воду ядовитые вещества.

То же самое можно сказать о кормушках, если они не выдвижные и не навесные. Навесная, застекленная кормушка с выдвижным ящиком — самая удобная, предпочитаемая для дроздов, жаворонков, соловьев, скворцов и других птиц, которые часто разбрасывают корм.

Купалки и песочницы хороши застекленные навесные или склеенные из оргстекла. Размеры и форма их различны. Навешиваются они на дверку или боковое отверстие 2—3 раза в неделю.

Корм

По корму мы разделяем птиц на зерноядных и насекомоядных. Такое деление условно, потому что птицы питаются целым набором кормов, куда входит и зерно, и семена, и насекомые, и травы, и почки, и кора молодых побегов. В разное время года состав кормов различен. Птицы «зерноядные» летом сплошь переходят на питание насекомыми, а многие «насекомоядные» в трудное время ранней весны и поздней осени употребляют в пищу семена, зерна, проростки злаков, зелень, ягоды. Наконец, есть группа птиц, питающихся смешанным кормом всегда, — это синицы, жаворонки, дрозды, зарянки, скворцы и им подобные. Те и другие летом предпочитают насекомых и беспозвоночных всякому прочему корму. Все это должен учитывать знающий охотник при содержании своих птиц.

Обычно рядовые любители и тем более люди несведущие покупают для зерноядных птиц коноплю или семечки и считают, что кормление обеспечено. Спустя короткое время они сетуют, что птичка нахохлилась и погибла. Отчего? Я уж не говорю про птиц насекомоядных, нежных и привередливых. Даже «старые птицеловы» боятся насекомоядных как огня. Они у них сплошь гибнут.

Не стараясь проводить аналогий между птицами и человеком, я все-таки приведу здесь такой пример: что если б того, кто кормит птиц одной коноплей, а потом жалуется, что птицы хохлятся и гибнут, посадить на такой рацион: вода и пирожное? Уже через несколько дней у человека началось бы страшное расстройство кишечника, а «нахохлился» бы он гораздо раньше.

Приходится только поражаться чудовищной выносливостью и неприхотливостью таких птиц, как щегол, чиж, зеленушка, дубонос, которые годами живут на одной конопле да еще и поют. Птицы

других видов обычно не выживают и нескольких месяцев.

Я знаю, найдутся защитники конопли, закоснелые в своем упрямстве. Они не замедлят, прочитав эти строки, сказать: «Вот еще! Отцы-деды коноплей кормили. Был, знаете, у меня реполов замечательный, на одних семечках десять лет прожил. Стану я баловство разводить».

— Может быть, один реполов и прожил, а сколько погибло?— спрошу я. И снова повторю, что пишу книгу о **наилучшем содержании маленьких крылатых друзей с тем, чтобы они всегда были здоровы, не хохлились, много пели и не гибли бы без естественных причин**, Корм для всех птиц нужно разделить на зимний и летний.

Зимний, то есть **основной**, корм для всех зерноядных птиц осенью и зимой должен состоять из возможно более разнообразной смеси семян и зерен проса, сурепки, конопли, овсянки, льна, салата, мака, канареечного семени. За основу корма берется просо, которого в смесь идет половина, остальное составляют указанные добавки. Уже смесь из трех частей — просо + сурепка + конопля из расчета $1/2 + 1/4 + 1/4$ вполне пригодна в качестве основного корма. Птицы не сразу берут просо, не очень любят его, поедают сперва коноплю. На первых порах конопли можно давать и побольше, но постепенно птички привыкают и едят просо наравне с другими компонентами корма, а овсянки и жаворонки предпочитают просо другому зерну.

К зимнему корму **обязательно** добавляется **зелень** (проростки овса и салата), вареный картофель и тертая, смешанная с сухарями морковь. Это витаминная часть корма. Птицы также берут ее не сразу, а по мере привыкания, для чего **ее нужно упорно включать в корм каждый день**. Зерноядные птицы хорошо едят рубленую свежую капусту, зелень традесканции, проростки подсолнечника, ягоды черники, малины, рябины.

Летний корм для зерноядных состоит из половины зимнего корма плюс большое количество зелени (одуванчик, мокричник, птичья гречиха). Для кормления очень хороши полузрелые, молочно-восковые семена этих трав. Птицы и на воле едят их с удовольствием. Даются муравьи (в небольшом количестве) и муравьиные яйца (хорошо, если с сором из муравейника). Если нет муравьиных яиц, в корм добавляется вареное мясо, хлеб, размоченный в молоке (следить, чтоб не закисал!), и мучные черви. Многие зерноядные, как, например, чечевица, зяблик, вьюрок, овсянки, отлично едят зимой и летом мучных червей. Только реполовы да щеглы обычно их не трогают.

Зимний корм для насекомоядных состоит из тертой моркови, муравьиных яиц и белой сухой булки, истертой в муку. Соотношение частей корма приблизительно $Va + + 1/4 + 1/4$. Этот корм готовят двояко. Или с вечера трут морковь, перемешивают с муравьиным яйцом и оставляют в закрытой посуде, чтоб яйцо пропиталось морковным соком, утром добавляют тертую булку так, чтобы смесь была слегка влажной и не липла к рукам. Добавляется к основной смеси также молотое мясо, сырое или вареное, или рубленое крутое яйцо, или свежий творог,— когда что есть. Такую смесь отлично едят все насекомоядные птицы, приученные к ней исподволь, с лота. В качестве лакомства дают от 3 до 10 мучных червей в день в зависимости от вида птицы. В период начала пения — больше, в остальное время — меньше.

Второй способ приготовления корма. Сухое муравьиное яйцо заливают кипятком в плоской тарелке так, чтобы воды было не слишком много. Когда муравьиное яйцо разбухнет, его мешают с морковью и сухарями, дополняя всем остальным.

Летний корм насекомоядных состоит из $1/3$ свежего муравьиного яйца, $1/3$ моркови с сухарями и $1/3$ добавок в виде рубленой травы — мокричника, полузрелых семян, ягод, мучных червей.

Большинство насекомоядных птиц, а особенно дрозды и славки, хорошо едят разные ягоды: чернику, смородину, бузину, черноплодную рябину, иргу. Хуже поедается обычная рябина, брусника, красная смородина.

Также едят некоторые насекомоядные дождевых червей, голых слизней, мотыля (малинку), мормыша.

Для дроздов и скворцов хороши всевозможные круто сваренные каши от пшенной до рисовой. Таковы разновидности корма.

Когда же переводить птиц с летнего корма на зимний обратно?

Внимание любителей! Перевод на новый корм делается постепенно в течение апреля и сентября. Ни в коем случае нельзя сразу, резко менять корм, ибо это вызовет преждевременную линьку птицы или прекращение песни.

Минеральные корма. Если сварить несоленый суп, все возмутятся и не станут есть. Не менее важно и для птиц иметь в клетке свою «солонку». В ней должен быть озерный песок, соль, толченый уголь и растертая в порошок скорлупа яиц. Летом нужен ком земли, а жаворонкам и реполовам — обычная глина, лучше выветренная, верховая. Зимой и летом нужно помещать к зерноядным птицам свежие прутики березы или ивняка. В их коре, почках, листьях содержатся необходимые птицам витамины и соли. Птица не замедлит обточить ветку дочиста. Хорошо также сделать во все клетки для зерноядных птиц маленькие чашечки-медовницы, куда кладется небольшое количество меда (или настаивается в смеси с водой).

Во всех руководствах по содержанию певчих птиц обязательно упоминается «ржавый гвоздь», который кладется в водопойку и объявляется чуть ли не чудодейственным средством от всех болезней птиц. Железо, конечно, необходимо в питании птиц, но они получают его вполне достаточно из водопроводной воды, идущей по ржавым трубам, и нужда в «гвозде» возникает разве в том случае, когда охотник поит своих птиц водой колодезной.

Как часто надо кормить птиц? Сколько давать пищи? Все можно установить лишь опытом.

Аппетит у птиц разных пород различен и меняется по временам года. Зимой и осенью птицы едят больше. Весной и летом — меньше.

Охотнику нужно помнить одно важнейшее правило.

Никогда не заваливать птицу кормом. Не давать его с излишком. Иначе любой житель клетки выбирает лишь лакомые жирные семена и в конце концов заболевает,

Птичка должна съедать весь корм, но не быть жирной. Особенно это касается содержания реполовов, зябликов, чечевиц, дубровников, зеленушек, снегирей. Лучше, если птица содержится чуть-чуть впроголодь. И на воле ведь она ищет корм и но всегда сыта.

В немецких руководствах полагается даже контроль за весом. Но любителю можно ограничиваться лишь периодическим (раз в месяц при генеральной чистке клетки) осмотром птички, и если она тяжела в руке, а на хлупи и зобике просвечивает желтая жировая подушка, немедленно сократите количество корма.

Жировые подушки, особенно на груди, — показатель, что птица ожирела очень сильно!

Часто слышишь от охотников, что не поют птицы, а то вдруг линять начали среди зимы. И первое и второе — результат ожирения, от неправильного корма или режима. Любит охотник птицу, готов ее всячески ублажить, а получается и ей вред, и самому хозяину никакой пользы. Он забыл, что в клетке птица не тратит столько энергии, как на воле, и потому излишек съеденной пищи немедленно превращается в жир. Ожиревшую птицу нетрудно определить даже внешне. Она тяжело дышит, держит клюв полуоткрытым, малоподвижна, летает и прыгает с трудом, от нее сыплется мелкое перо, выпадающее с жировых подушек.

Если она не погибнет в самое ближайшее время, то начнет вдруг линять.

Так организм птицы пытается освободиться от лишнего жира.

Помните, охотники, об этом и никогда не перекармливайте своих любимцев. Полторы-две чайные ложки смеси, немного зелени, мучной червяк да солонка с минеральной подкормкой — и ваша птица будет резвой и здоровой. Недоверчивые могут проверить все сказанное на двух птицах, одного вида.

Кормить лучше два раза, утром пораньше и днем около 4 часов.

Заготовка и добывание естественного корма для птиц.

Собирание семян сорняков.

Вот какие семена сорных растений можно собирать в конце августа, сентябре: лебеды, репейника, чертополоха, осота, одуванчика, подорожника, птичьей гречихи, крапивы, полыни черной и белой. Но семена конского щавеля, растущего в лугах и на огородах, похожие на мелкую гречу, вызывают заболевание и гибель птиц. Так погибли у меня овсянки-ремезы, посаженные на корм с примесью семян этого щавеля, усердно рекомендуемого во всех руководствах по содержанию.

В августе до полной спелости собирается и сушится на листьях бузина. Кисти ее срезают осторожно ножницами. Собранная руками бузина нещадно гниет и чернеет.

Ягоды ирги и черноплодной рябины берут по мере поспевания и вялят.

Обычную рябину собирают, когда наступят холода. Лучше сохранить ее для дроздов замороженной.

Добывание муравьиных яиц. Поскольку летнее содержание насекомоядных невозможно без муравьиных яиц, опишу коротко их добывание. В ряде руководств, например в книге В. Остапова, о собирании муравьиных *яиц* пишут с таким ужасом, словно речь идет о встрече с осиным роєм. Упомянутый автор советует идти на добычу с помощниками, в резиновых сапогах., с бутылками керосина, керосиновыми тряпками на запястьях и чуть ли не в противогазе. Все это, конечно, чушь. Укусы даже большого количества муравьев для человека — не беда. К тому же они полезны при ревматических заболеваниях суставов. Если идти с керосином, вы неминуемо испортите весь сбор: пропахшее керосином муравьиное яйцо остается только выбросить.

Собирающему необходимы лишь матерчатые перчатки, мешок да саперная лопатка. Собирать яйца надо осторожно и аккуратно, не разоряя муравейник а. Для этого сбоку, а не сверху делается подкоп, и в мешок берется лопатка-две яиц вместе с сором и муравьями. Никогда не нужно при этом жадничать, дочиста выбирать муравьиные куколки. Через два-три дня насекомые восстановят прежний вид муравейника, и он должен быть оставлен в покое до будущего лета. Варварское раскапывание муравьищ лопатами, разбрасывание сапогами — не больше как браконьерство и наказание самого себя.

Уже на другой год такой охотник не найдет здесь корма для своих птиц и будет искать новые места с муравейниками, часто более дальние и неудобные.

Бережное обращение с муравьями позволяет получать от них яйцо десятки лет, и при этом муравейники ничуть не становятся слабее.

Нельзя также заготавливать крупное весеннее яйцо. Его берут лишь в небольшом количестве. Собранные в мешок из нескольких муравейников сорное яйцо вываливают на холстину или простыню, расстеленную на солнечном открытом месте. Бока холстины загибают, как у пододеяльника, и подкладывают в загиб ветки или заранее припасенные досочки. Муравьи, повинаясь инстинкту прятать куколки с личинками в тень, тотчас начнут работать и снесут в загнутые края холстины под ветки и листья все до яичка. Тогда осторожно выбрасываем сор с середины холста и, подняв холстину, сметаем чистое муравьиное яйцо в кучу. Подождав, пока разбегутся лишние мураши, добытое яйцо ссыпают в мешок.

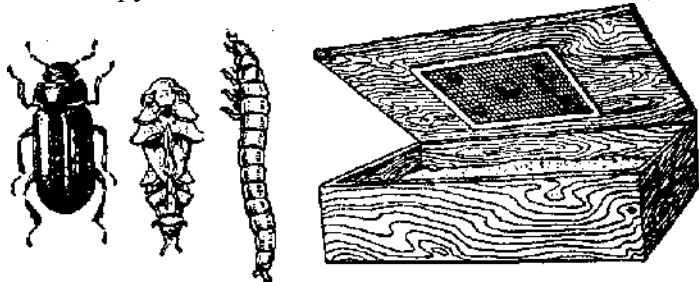
Самое лучшее муравьиное яйцо добывают в конце июля в лиственных лесах.

Сушить яйцо надо в духовке па вольном жару и хранить затем в полотняных или холщовых мешках, периодически осматривая и подсушивая, чтобы не заплесневело.

Разведение мучных червей. Мучные черви — личинки жука мучного хруща из семейства чернотелок.

Как важный корм для насекомоядных и прочих птиц, они разводятся всеми настоящими охотниками-любителями следующим образом.

В деревянный плотный ящик с крышкой, глиняный горшок или даже кастрюлю засыпают до половины отруби, муку, отсев. Лучше, если мука затхлая, лежалая, слипшаяся в комья. Сверху кладут ржаные корки и дольки резаной моркови. Затем в ящик садится сто-двести жуков и время от времени добавляется резаная морковь, которую жуки, а затем личинки точат-пьют. Морковь можно заменять капустой, но понемногу. Если сырого листа положить больше, чем нужно, уже на другой день в ящике заведется черная плесень и жуки могут погибнуть. Из отложенных жуками яиц в отрубях выводятся мельчайшие личинки, едва различимые невооруженным глазом. Они

Жук мучной хрущ, куколка и личинка (увеличено) Ящик для мучных червей

быстро растут и через два месяца превращаются в желтых твердых личинок длиною в спичку. Они похожи на тех «проволочников», каких вы находили в картофельных клубнях осенью. Недели через полторы личинки окукливаются, превращаются в малоподвижных белых куколок, из которых в свою очередь выходят сперва белые мягкие, а потом твердеющие и темнеющие постепенно жуки. Полный цикл — от яйца до жука — длится около четырех месяцев.

Главное условие разведения мучных червей — тепло. Свет им совсем не нужен ящик может стоять в темном, но обязательно теплом месте. Недопустим, конечно, и перегрев, ибо насекомые могут погибнуть.

Никогда не нужно перешевеливать отруби. На поверхность отрубей кладутся тряпки, с них удобно собирать самые крупные личинки, заползающие окукливаться.

Птицы жадно едят и личинок, и куколок, и жуков. Перед скармливанием у личинок и жуков раздавливают головную часть, иначе они могут повредить птице пищевод.

Любитель должен помнить, что мучные черви никак не основной корм, а только необходимая витаминная и лакомая добавка к пище. Все попытки содержания птиц на одних мучных червях приводили к ожирению.

Несколько практических советов при разведении червей:

лучше иметь два-три ящика и выбирать личинки поочередно дочиста, заполняя потом ящик новой рассадой жуков;

чтобы черви не выползали, ящик обивается изнутри полоской жести шириною в 3 см;

если негде взять жуков для развода, их добывают в июне, выставляя па чердаках у слуховых окон ящики с затхлой мукой. Жуки часто залетают в июне и на свет. Ящик с мукой через месяц убирают и смотрят, нет ли мелких личинок;

породу жуков надо периодически обменивать с другими любителями, иначе жуки и личинки мельчают, вырождаются.

Чистота

В лесу, поле, на болоте своя особая, природная чистота. В самом деле — никому из нас не придет в голову положить кусок хлеба на пол, даже вымытый, а в лесу мы кладем хлеб, не задумываясь, и на траву, и на землю. 'Здесь чисто. И к лесной чистоте как нельзя более подходит чистота птиц. Птички — большие чистюли. И в природе, и в клетке они постоянно охорашивают, причесывают, смазывают свой перовый наряд.

Ни одна модница не следит так за собой, как любая чечетка, овсянка, пеночка.

Тем более обидно видеть птичку в обтрепанном, загаженном виде, что бывает сплошь и рядом у нерадивых охотников. Я видел таких горе-любителей, у которых висит по тридцать клеток и в каждой — горки помета, вонь, грязь, сор. Если у охотника, как говорится, руки не доходят убирать за своими питомцами, лучше бы он их выпустил.

В грязной замусоренной клетке птица сидит скучная, растрепанная. В не чищенном неделями помещении благодатно плодятся паразиты. Они мучают обитателей, наползая на них по ночам. Птица бьется и беспокоится, как результат — обломанное, отертое до пеньков перо и прекращение песни.

Всем, кто скептически относится к вопросу о чистоте и не верит, что от состояния клетки зависит настроение и пение птицы, я советую проделать простой опыт. Промойте хорошенько давно не чищенную клетку, посыпьте доньшко песком, поставьте широкую поилку или купальницу, и птичка тотчас полезет в воду, начнет чиститься, ощипываться, приподнимать хохолок — знак приветия и радости у птиц. Она ведет себя, как давно не мывшийся человек, которому удалось дорваться до бани. Отмечено, что в грязную воду птицы не идут. Но стоит налить свежей, как ремез, зяблик, соловей или дрозд тотчас спрыгивают с жердочек, лезут в купалку и полощутся, словно утки. Хороший певчий дрозд, живущий у меня сейчас, относится к купанию, можно сказать, вдумчиво. Прежде всего он подходит к воде и глядит в нее. Потом пробует клювом: не холодна ли? Затем он степенно напьется, прижмуривая глаза от удовольствия, и уж тогда перешагнет за край ванночки. Там он долго стоит, отмачивает налипшую на йоги грязь. А уж после начнет приседать и полоскаться, подхватывать воду на спину крыльями. В завершение он ложится на бок, вздыбив все перья, чтоб промокнуть буквально до костей. Птичка вылезает из воды черной, мокрой вороной и, обалдело разинув клюв, развешивает крылья сушить. Мелкая дрожь сотрясает все ее жалкое, вдруг уменьшившееся вдвое тельце. Зато каким красивым станет дрозд через полчаса, когда разберет, просушит, смажет жиром каждое перо. Он начнет напевать вполголоса и громче, он доволен, ему весело.

Чистить клетки зерноядных птиц нужно через два-три дня. При занятости хозяина и большом количестве птиц — два раза в неделю. У насекомоядных, помет которых более жидкий, чистка проводится через день-два. Вот где нужны легко, быстро выдвигающиеся днища, что позволит в

полчаса прибрать до пятнадцати клеток. На подстилку идет газетная бумага, песок, а для крупных дроздов, скворцов, иволг — торф и опил.

Некоторые кладут в клетку стопу бумаги и снимают потом загрязненные листы один за другим. Я не могу рекомендовать такой способ, ибо в слоях бумаги начинают гнездиться пероеды и прочая нечисть, с котьярой трудно бороться, едва она расплодится.

Один раз в месяц нужна большая чистка — санитарный день. Его всегда можно совместить с генеральной уборкой квартиры. Клетки тогда шпарят крутым кипятком, прожигают паяльной лампой, протирают спиртом или денатуратом, очищают, моют. Птиц временно перегоняют в другие помещения, пугливых птичек (жаворонки, дрозды) сажают в мешочки. Можно и самих птиц осторожно помыть в теплой воде, не задевая головы. В холодной воде мыть нельзя, птица может погибнуть от внезапного переохлаждения. Во время генеральной чистки птиц осматривают, не зажирели ли, не отросли ли клюв и когти, нет ли резкого исхудания.

Подрезка отросшего клюва и когтей производится ножницами, причем коготок надо держать на свет, чтобы не прорезать кровеносный канал. Срезается лишь выросшая роговая часть.

Обломанные перья, например маховые или рулевые (хвост), выдергивать не нужно — птица перестанет петь, может начать внезапную линьку.

Помните, что купание обязательно нужно птицам для сохранения пера. У лишенной купания птицы перо часто выпадает без линьки и долго не восстанавливается. «Облысение» птиц — верный признак того, что им не давали купаться. Для здоровья мелких пернатых необходимо, чтобы они купались не реже двух раз в неделю.

За неимением специальных купалок отлично подходят для этой цели пластмассовые или эмалированные фотокюветы размером 6X9 и 9X12, которые ставят прямо в клетку на короткое время и после купания убирают.

О жаворонках, обычно не идущих в воду и «купающихся» подобно курам в пыли и песке, уже говорилось. Но хорошему любителю не грех иметь и застекленные купалки-песочницы с землей, торфом, речным песком. Время от времени их навешивают всем птицам — ведь и они любят в жаркие дни «пурхаться» в пыли. В садках и вольерах большая песочница обязательна.

Свет

Один мой знакомый любитель слыл совершенным неудачником. Он покупал у охотников и на рынке самых лучших птиц, брал «крытых с голоса», то есть выслушанных им лично в лесу и пойманных на заказ, платил большие деньги и все время жаловался:

— Что-то птицы поют плохо. Себе под нос или молчат. Надули меня опять...

И он выпускал, менял, возвращал прежним владельцам, у которых птицы вскоре снова начинали петь, как по волшебству.

Однажды я зашел к нему в квартиру и удивился: все окна завешены тюлевыми шторами, гардинами. Огромные кадки с пальмами создавали неприятный сумрак.

— Да что же вы окна-то не откроете,— удивился я.— Ведь только из-за этого у вас молчат птицы. — Нууу?! — было в ответ.— Что вы? Мебель выгорит... ковры...

Самое лучшее место для размещения клеток в комнате не окна, где птица может перегреться или простудиться и где ее видишь лишь силуэтом, а стены возле окна и напротив него. Размещать клетки надо сообразуясь с тем, как птицы живут в природе. Певчие птицы полевые (жаворонки, реполов, щегол и т. д.) требуют сильного света и солнца. Их можно устраивать даже на подоконниках и боковинах окоп, а также близ окна и у потолка. Луговые и болотные птицы также светолюбивы (дубровник, варакушка), но есть среди них и тенелюбы, вроде соловья и камышевок. Птицы опушек и леса помещаются дальше от окна, но не в тень. Желательно, чтобы в клетки хотя бы на час в день заглядывало солнце. Солнечные и воздушные ванны на свежем воздухе надо устраивать своим любимцам во все времена года (зимой в оттепели). На все лето хорошо переводить или вывешивать птиц на улицу, на балкон, во двор, в сад, конечно, обезопасив от бродячих кошек и строго следя за тем, чтобы птица не перегрелась, не получила солнечного удара. На период линьки — июль, август, сентябрь — желательно переводить птиц в летние садки и вольеры на улице.

Охотники должны знать, что птица в светлом месте скорее запеваает и поет вдвое дольше, чем в сумрачных углах.

Нормальная линька в первую очередь зависит от достаточной освещенности. В темном месте, без

солнца, у птиц выпадает без восстановления мелкое перо на голове, брюшке, боках.

Окраска пернатых певцов лучше сохраняется на свету и как бы выгорает (парадокс!), теряет яркость при отсутствии солнца.

Чтобы стимулировать начало пения, птиц помещают ближе к свету.

Вот для примера такой случай.

Четвертый год живет у меня отличная овсянка-ремез. Поет ремез до семи месяцев в году, по при одном условии — если его клетка стоит на подоконнике. Стоит перенести клетку в другое, более темное место, как ремез меняет песню и поет ее вполголоса, а то и вовсе молчит. Почти так же вели себя дубровники, полевые жаворонки, юлы и другие птицы.

Таково значение света.

Итак, что же нужно охотнику, чтобы его певчие птицы оправдали свое название? Напомню, что это отдельная клетка, хороший корм, чистота и светлое место. Эти слагаемые — гарантия здоровья, долголетия и песни любой, самой привередливой птички при добром и бережном обращении с ней.

Многие любители часто спрашивают, сколько может прожить птичка в комнатных условиях? На этот вопрос я могу ответить лишь одно: берегите ее, и она проживет долго. В среднем птицы в клетках живут дольше, чем на воле, где под старость почти всегда становятся жертвами хищников. Долголетие птиц в значительной мере связано с их величиной. Мелкие птички вроде короля, пеночки, синицы-московки могут жить до десяти лет.

Птицы типа щегла, реполова, зяблика — до пятнадцати лет. Более крупные, дрозды и скворцы, выживают в клетке до двадцати, двадцати пяти и более лет.

У меня наиболее долго жили: чиж — 12 лет, щур — 9 лет, реполов — 9 лет, певчий дрозд — 10 лет. Все эти птицы, кроме щура, были выпущены на волю в отличном виде, здоровыми, без признаков одряхления.

Обдерживание и приручение

Только что пойманную птицу нельзя садить в клетку сразу, тем более в клетку, обращенную к окну, на яркий свет. Птица будет стараться вылезти, может отказаться от корма, ослабеть и погибнуть. Если даже она не погибает, то часто разбивает в кровь основание клюва, стирает концы перьев у хвоста, надоедливо лазает по прутьям.

Чтобы избежать таких неприятностей, всякую пойманную птицу надо посадить в невысокую отдельную матерчатую клетку, которая называется куролеска, или кутейка. Сделать ее очень просто, как обычную низкую «жаворонковую», но обтянуть холстиной или другой светлой редкой тканью. Дверцу делать со стеклом, завешивающимся той же материей. В кутейке должны быть две жердочки, вода, песок и корм. Таких кутеек надо иметь не одну, тем более, что они удобны и для переноски птиц из леса, хотя нужно помнить правило — никогда не сажать в кутенку много птиц. Иначе они задыхаются и гибнут. В куролесках обдерживаются первую неделю пугливые пойманные птицы и особенно насекомоядные, как более нежные.

Некоторые охотники связывают пойманным птицам крылья, сложив их копчиками крест-накрест. Я этого почти никогда не делаю и не рекомендую: во-первых, от связки безнадежно портятся маховые перья; во-вторых, птичка все время стремится развязаться и тем отвлекается от корма; в-третьих, подвязка крыльев ничего не дает для приручения.

Итак, птицы должны быть со свободными крыльями, исключая случаи, когда их надо перевозить или пересылать.

Если у любителя нет кутейки, то обычную клетку обвязывают полотенцем, а верх закрывают картонками, просовывая их сквозь прутья. Такую обвязанную клетку, а таходе и куролеску с птицей ставят в светлое место, можно и на окно. Иногда обвязанная клетка даже лучше куролески, ибо нет необходимости затем переводить птицу и приучать ее к новому месту. Обычно уже через 2—3 дня птицы привыкают к клетке, а насекомоядные несколько дольше, до недели. Тогда полотенец можно снять, и клетку повесить на постоянное место, лучше так, чтоб птица не видела улицу. Ни в коем случае нельзя оставлять птицу со снятым полотенцем на окне.

Поначалу клетки с дикими строгими птицами (дрозды, жаворонки, соловьи) можно слегка прикрывать марлей и вешать повыше. Можно закрывать частично картонками, ведь птица дика и хочет спрятаться. Но нужно помнить: чем больше предосторожностей в обращении с «дикарями», тем долее они сторожатся, не привыкают. Иногда стоит повесить клетку поблизости от себя,

чтобы птица обвыкала скорее. Я часто пользуюсь этим правилом и нахожу его хорошим, если клетка удобная и птица не может побиться о прутья.

Через две-три недели птичка считается обдержанной, сиделой. Она не мечется при виде человека, не забивается в углы. Теперь можно приступить к ее приручению. Совсем нет необходимости добиваться, чтобы птица лезла в руки. Такие чересчур ручные птички теряют свой гордый природный облик. Вполне достаточно, когда птица спокойно кормится вблизи хозяина, поет, не пугаясь его, берет из рук лакомства вроде ягод и мучных червей. Для такого приручения не надо быть Дуровым или тратить многие часы свободного времени. Кормите птицу сами, ухаживайте, не передоверяйте этого дела никому, старайтесь разговаривать с ней, чтоб она привыкала к вашему голосу, давайте лакомства натошак, и даже самый упрямый дикарь со временем станет брать корм из рук. Многие певчие птицы приручаются лучше и бывают смирнее домашних. Например, домашние канарейки и куры никогда не идут в руки хозяина, а снегирь, чиж, щур, синичка-московка или скворец делают это с видимым удовольствием. Птицы очень хорошо знают хозяина по одежде и в лицо, знают членов его семьи, никогда не дадутся в руки чужому. Конечно, не все певчие приручаются так. Даже выкормленные из птенцов остаются строгими реполовы, жаворонки, овсянки. Совсем ручные птицы среди названных — баснословная редкость. Некоторые пойманные птицы как бы не замечают корма, не берут его и, ослабев, могут погибнуть. Таких «упрямцев» нужно накормить насильно. Взяв птицу в кулак левой руки, перед ее клювом водят мучным червем, или раздавленной долькой кедрового ореха, или подносят горсть конопли, или щепотку муравьиных яиц, хлеб, размоченный в молоке. Почти всегда птица рефлекторно начинает клевать и щипать предложенный корм, и тогда — дело в шляпе! Накормленная так один-два раза птичка начнет есть сама. Подробнее об этом важнейшем условии сказано в разделе о синицах.

Уход во время линьки

Период линьки, или «перебора», как говорят заядлые птичники, самое ответственное время и жизни птицы. Сменяется весь ее обносившийся перовый наряд. Она снова становится чистенькой, нарядной, как игрушка. Но птицы и часто гибнут в период линьки, к рукам неумелых любителей. Как же избежать такой беды?

Смена пера бывает каждый год после гнездования, то есть падает на июль, август, сентябрь. Каждому охотнику надо знать, что главные условия правильной линьки — солнечный свет и богатый корм. Перед линькой, примерно в середине июля, птицы кончают петь. Вот тут-то и надо их поместить на свежий воздух, для чего хорошо подходит балкон, терраса, на, худой конец просто окопный проем за рамой. Надо лишь строго следить, чтобы клетка не находилась на сплошном солнцепеке, чтобы в ней было укрытие и тень.

Птица, вывешенная на яркое летнее солнце без укрытия, гибнет уже через час-полтора.

Самое лучшее место для линьки птиц — большая летняя вольера.

Каждое утро линяющим птицам дается в дополнение к корму салат из свежей травы — мокричника, одуванчика, птичьей гречихи. В банке с водой ставят свежие липовые и березовые ветки. Обязательны кюветы с чистой водой и песком. В отдельной коробке — толченая скорлупа, дробленый уголь с золой, глина, известь, соль, гнилушки листовенных пород. Кормить нужно обильно. Во время линьки птица не зажиреет.

Линяющим птицам как зерноядным, так и насекомоядным обильно дают мягкие корма — тертую морковь, хлеб в молоке, муравьиное яйцо, личинки хрущей.

Не нужно излишне беспокоить птиц, брать в руки, осматривать. Осторожность особая должна быть к диким дроздам, жаворонкам, овсянкам. Бросаясь на решетку вольеры, птицы могут повредить мягкие зорьки-пеньки крупных перьев. Поврежденная крупная зорька сильно кровоточит. Ее надо немедленно вырвать.

Даже случайно выбитые крупные перья — причина прекращения песни у всех птиц. Поэтому никогда не ждите песни в период линьки. Помните, что это полуболезненное состояние.

Обычно линька начинается с второстепенных маховых, затем попарно выпадают крупные махи, линяет грудь, спина, надхвостье, в последнюю очередь — голова и хвост. Такой порядок обязателен не для всех видов и может нарушаться.

Кроме линьки полной, бывает еще частичная линька, но далеко не у всех птиц. Линяют лишь самцы у дубровников, ремезов, тростниковых овсянок и некоторых других, надевая яркую

брачную окраску головы (у реполовов-самцов линяет грудь). Неполная линька бывает в марте. Иногда любители жалуются: птица стала линять не вовремя, зимой или весной. У иных охотников они линяют дважды и чуть ли не беспрерывно. Здесь может быть несколько причин. Первая причина — ненормальный корм и ожирение. Очень часто любители перекармливают птиц. Птицы обливаются салом и если не гибнут, то начинают линьку, тем самым избавляясь от избытка жира. Особенно подвержены таким ненормальным линькам те несчастные чижи, снегири, реполовы, которых закоснелые в своем упрямстве и невежестве губители — иного слова не подберу — Держат на одной конопле и семечках. Да еще и жалуются потом: — не живет у меня клест!

В ином случае линьку вызывает резкая смена корма. Достаточно птицу, привыкшую к одному корму, перевести на новый, хотя бы и лучший, как она начинает не вовремя линять. Переводить нужно постепенно.

Может вызвать линьку утрата большого числа крупных перьев, например выдернутый хвост, выбитые маховые перья.

Случается беда и другого рода — птица не линяет, сидит в грязном обношенном пере. В первую очередь это касается чечевиц, дубровника, дроздов, пеночек и некоторых других.

В данном примере причиной является темнота и плохой, бедный витаминами, корм. Птицу содержат в глубине комнаты, а ей нужен солнечный свет и простор. Достаточно перевести «ободрышей» на улицу в светлую клетку, на хороший летний корм, как они тотчас начнут смену оперения. Иногда помогают тепловые ванны, если перо растет плохо.

Всем охотникам известно, что многие певчие птички теряют после линьки свою яркую окраску. Карминовые тона в оперении чечевиц, сизо-малиновый оттенок у щуров, красные пятна на голове и груди чечеток и реполовов — заменяются желтоватым или оранжевым цветом.

Оранжевая и желтая окраска овсянок, дубровников, больших синиц, лазоревок как бы выцветает. Исключение составляют красные и желтые тона у щеглов и чижей, делающиеся от времени более яркими.

Во всех случаях для сохранения окраски нужен правильный корм и свет в соединении со свежим воздухом хотя бы в период линьки. Замечено, что в уличных вольерах и садках цвет «выгорает» значительно меньше, но все-таки изменяется, ибо подобрать и предусмотреть все природные корма и условия никакой любитель не в состоянии.

Птицы, линявшие на одной конопле или семечках и чудом уцелевшие, часто имеют после линьки сплошной грязно-серый или даже черноватый окрас пера. Мне доводилось видеть на птичьих рынках таких «черных» снегирей, щегла, чечеток.

По возможности на время линьки птиц надо разбивать на группы, сходные по особенностям питания, и содержать каждую группу особо. Если птиц немного (до пяти), все они могут жить вместе в большом садке — и зерноядные и насекомоядные, надо лишь хорошо обеспечивать их кормом с учетом того, что летом кормом насекомоядных питаются и все зерноядные.

Снасти охотника

Описывая любительскую ловлю, я сознательно опускал все способы, применяемые охотниками-промышленниками, и упоминаю только те снасти, которые нужны любителю.

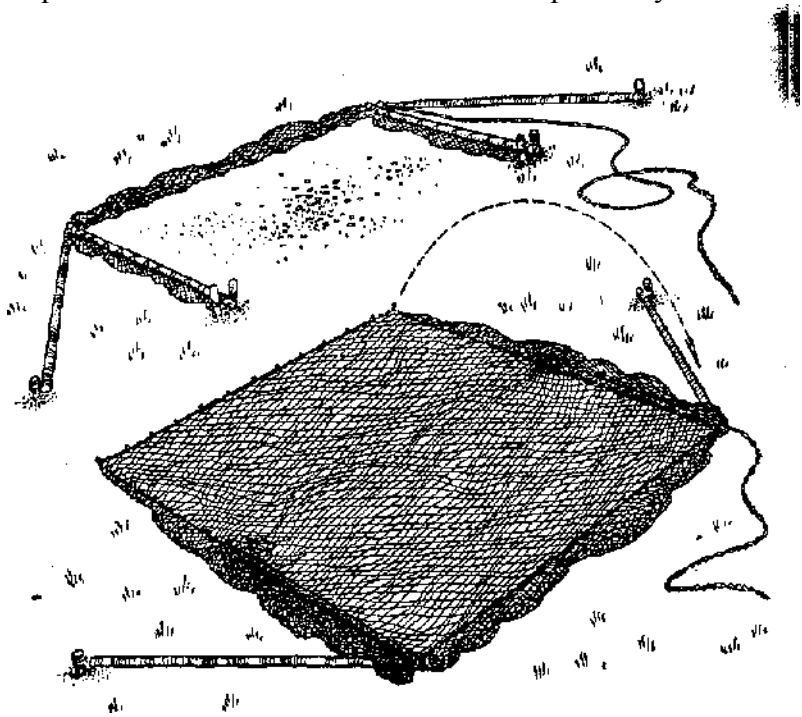
К числу орудий охотника-птицелова относятся четыре главные снасти: сеть-тайник, круглый лучок на деревянных дужках, лучок-самолов и западня.

Тайник — самая лучшая охотничья снасть. Это прямоугольная или квадратная сеть самого различного размера от 1,5 м в длину и 1 м в ширину до величины 8Х5. Сеть вяжется из крепких питок десятого номера, размер ячейки не должен превышать 2 см. Обычно 1,5 см по стороне.

Связанная сеть продевается в бортах на шпур — садится. Шнур для посадки должен быть меньшей длины, чем длина сети по всем сторонам. Посаженная правильно сеть провисает и образует мешок. Плоская сеть без мешка непригодна, она будет бить птиц о землю. Цвет сетки

лучше зеленоватый или бурый, для зимней ловли — белый, А обычно и лучше всего связанную из светлых ниток сеть обмакнуть в жидкую грязь. В таком случае образуется отличная естественная окраска, которую всегда можно подновить. Чтобы сеть стала снастью, ее надо приспособить. Для этого два угла тайника привязывают к палкам или сошникам, у которых внизу есть ременные петли для прикалывания к земле. Длина сошников равна половине ширины сети и немного меньше. Там же в углах вяжутся с каждой стороны веревки-растяжки или укосы с петлями. Оснащенная сеть растягивается по выбранному под ток месту. Сошники кладутся вровень с боками и прибиваются к земле шпильками из толстой проволоки или деревянными колышками. Укосы отводятся в стороны, а также прибиваются через петли надежными железными штырями. Получается, что сеть ходит на прибитых сошниках и укосах, как на шарнирах. Надо всегда проверить перед ловлей, хорошо ли она складывается и опадает. Шпильки сошников и укосов должны быть строго на одной линии. Укосы лучше иметь подлиннее, в полтора-два раза больше палок-сошников. Тогда сеть ходит легко, кроет мгновенно. Поставленная же без соблюдения указанных правил, она может перекоситься и не захлопнуться. После проверки задняя часть сети также прикалывается к земле. Затем палки перекидываются, сеть собирают в одну линию и маскируют. К одной из палок за угол вяжется шнур и протягивается в укрытие, где сидит охотник.

Иногда для ловли употребляют два тайника, поставленных так, что они кроют навстречу друг другу. Снасть называется понцы и для любителей охоты вряд ли нужна. Редко употребляется еще один вид сетчатой снасти — сеть развесная, или обметная. Она подобна рыбацкой одинарной мереже и плетется из зеленых ниток. В развесную

Сеть-тайник

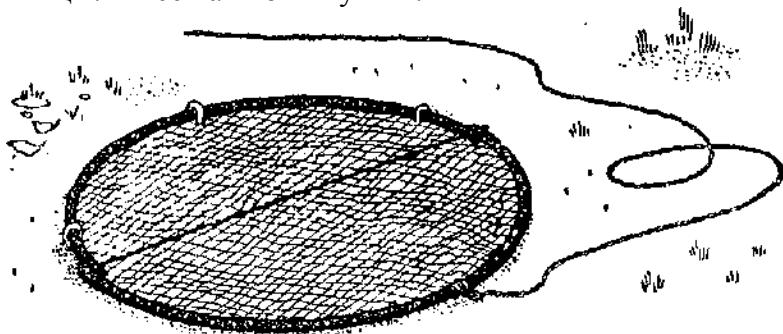
сеть, поставленную в кустах, загоняют птиц, держащихся понизу. В старину сеть была главным орудием ловли соловьев. Теперь употребляется редко, да и неудобна она, громоздка, а результат — какая-нибудь перепуганная серая славка — не стрит внимания.

Уже одним тайником можно поймать любую птицу — важно найти место, где она сходит, прикормить, выследить и покрыть. Самый лучший размер тайника 4X3 м с полуметровым мешком. Для ловли одиночных птиц в кустах может употребляться маленький тайничок — 1X1 м. В заросших, захламленных хворостом уречных местах при ловле соловьев, варакушек, слявок и камышевок нужен лучок — снасть очень простая и ловкая в обращении. Делается лучок из двух полуобручей березовых, рябиновых, черемуховых или можжевеловых, что самое лучшее.

Полуобручи, которые должны быть один побольше, а другой поменьше, осторожно просверливают в концах и стягивают шпуром, чтоб получился в развернутом виде круг. Важно, чтобы одна дуга лучка входила в другую, и оставалось бы некоторое пространство для укладки сети. Такой лучок обшивается круглой сетью большего диаметра, чтобы образовался колпак.

Для ловли одна дуга лучка прикалывается к земле проволочными шпильками намертво. К другой подвижной дуге сбоку привязывается шнур. По быстроте установки и работы лучок не имеет себе равных. Величина лучков по диаметру от 80 см до 150 см. Некоторые охотники делают лучки па металлических и даже на складных дугах для удобства их переноски. Но здесь уж простор изобретательству и творчеству.

Автоматические снасти хороши тем, что не требуют подчас очень утомительного сидения и подстерегания птицы, но имеют и недостатки. Часто автоматические ловушка кроют птицу не ту, что надо, состороживаются от ветра и других причин. Ими можно поймать одну, максимум две птицы. И все-таки они нужны.

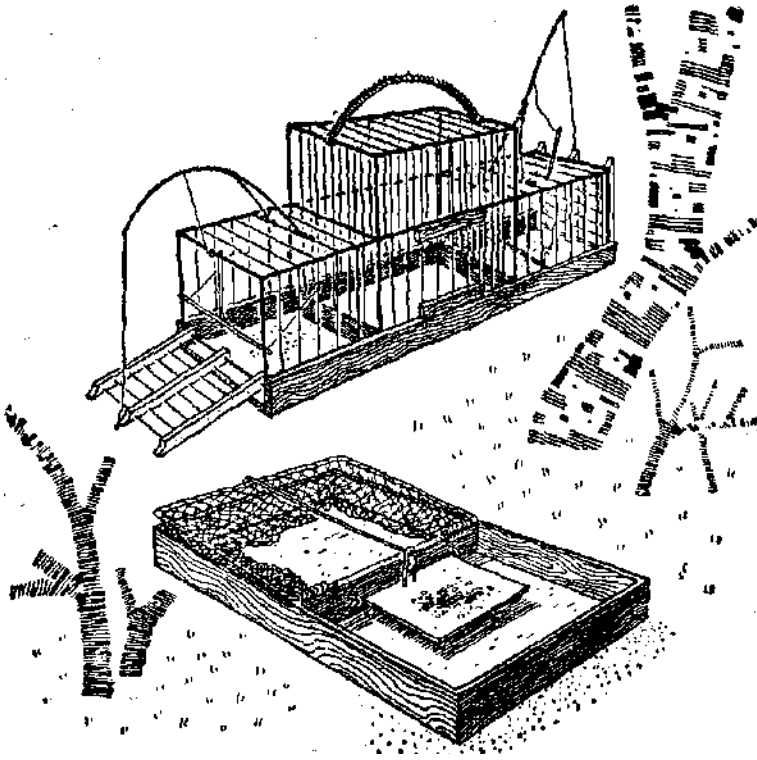
Лучок

Есть много видов самоловов, большинство из которых сложно в изготовлении и несовершенно. Я опишу лучший и самый простой самолов-лучок. Он делается как обычный лучок, но дуги гнутся из проволоки. Соединяют дуги проволочной связкой. В боках ставят пружины, как это видно на стр. 290. После чего лучок обшивают сеткой и делают насторожку в виде досочки, корытца и т. п. Насторожка ходит на шарнирах и имеет петельку, куда заводится проволочный сторожок. В общем, действие лучка-самолова напоминает огромную мышеловку-давилку. Точно такую же или прямоугольную снасть можно сделать на доске с бортиками, чтобы ставить ее на ветки и сучья. На земле самолов прикалывается, как лучок, и маскируется землей, листьями, травинками. Это можно сделать так искусно, что даже самая пугливая птица не признает подвоха и попадет в сеть, едва ступит на досочку с кормом. Ставится самолов только на прикормленных местах или там, где замечено, что птица часто спускается.

Я довил таким способом даже певчих дроздов и жаворонков и нахожу, что он очень удобен. Наконец, самой обычной распространенной ловушкой является клетка-западня (стр. 290). Западня — мальчишеская забава, ни один серьезный охотник не пользуется ею, разве что только для ловли синиц и поползней. В западню ловят лишь самых доверчивых птичек. Чечетка, чиж, снегирь, щегол, щур, редко реполов или вьюрок — вот что попадает на приманку и сидящую в среднем отделении клетки птичку того же вида.

Большинство других птиц с недоверием относятся к западне и попадают в нее очень редко. Например, вы напрасно будете терять время, если посадите в западню зяблика. На осеннем пролете тысячи зябликов будут пролетать мимо, но ни один не попадет. Зяблик идет в западню весной, на гнездовом участке, да и то не каждый. Бесполезно пытаться поймать западней жаворонка, даже если есть приманный.

Самые лучшие западенки делаются целиком из проволоки или из натуральных нечищенных березовых прутьев. Клетка должна быть низкой, широкой, с широкими западками, где насыпанный прикорм хорошо виден. Чтобы прикормка не высыпалась каждый раз при попадании птицы, ее закрепляют на слое столярного клея. Иногда охотники применяют отдельные западки или хлопья, которые ставят на заранее прикормленные места или навешивают на клетки. На

Западня. Самолов на доске

прикорме в западню можно поймать соловья, зарянку, варакушку — птичек доверчивых и не пугливых.

Западни, применяемые охотниками, обычно имеют два хлопка, реже три или даже четыре — три по бокам, один сверху. Такое обилие хлопков вряд ли нужно, ибо в западню попадает всегда одна-две птички. Если же их оставить на целый день и ждать, когда в свободные хлопки попадутся еще птицы, то скорее всего вы погубите уже пойманных. Они побьются о прутья и погибнут. Вообще нужно взять за правило — тотчас вынимать пойманную птицу и не оставлять в западне ни в коем случае более чем на час-два.

Очень редко у маститых птицеловов встречается оригинальная снасть, которую можно назвать западня-самолов. Она довольно громоздка и представляет собой низкую широкую западню, на верхней крыше которой помещен самолов-лучок с квадратными дугами. Я не ловил такой снастью, но по отзывам она хороша.

Несколько слов о маленьких клетках, которые ставят под сеть. Их называют подтайничниками или барашками. Лучшими барашками будут те, которые сделаны целиком из проволоки. Для птичек, прыгающих кверху — овсянки, Жаворонки, — верх подтайничника нужно делать из частой тюлевой сетки. Подтайничник не должен быть слишком нал. Его оснащают небольшими питейками, прикрепленными к стенке, и жердочками, Кормушка не обязательна, выдвижное дно — также. При ловле подтайничники маскируют травой и устанавливают в заранее выкопанных ямках на току.

Вот все снасти охотника-птицелова. Располагая ими, можно вести любую охоту, добывать всевозможных птиц.

помня, однако, что главное в нашей охоте вовсе не снасть, хотя она и должна быть хорошей, а умение выследить птицу, узнать, когда и в какое время она держится в месте ловли, что ест, где пьет, куда перелетает. Настоящий охотник до тонкости знает все повадки птиц, их крики, пение, разговор, окраску, манеру держаться. Он знает их на слух, на взгляд, но полету. Такой охотник всегда раздобудет себе любую добычу. Для него нет слов: «не идет», «не спускается», «не мог поймать», «прокрыл». Это все отговорки неумелых, нетерпеливых и ненаблюдательных.

Завершая разговор о снастях, я хочу сказать, что всякие прочие орудия ловли, как-то: силки, петли, опадные колпаки, сундучки, птичий клей и т. п. — не более как несовершенная дрянь, часто губящая птиц. Мы не будем на них останавливаться.

Главнее способы ловли

Существует три основных способа охоты на птиц — ловля на приманных, ловля на прикормку и ловля на воде. Ловля на приманных — самый распространенный способ добывания обыкновенных клеточных птиц — щеглов, чижей, чечеток, клестов, снегирей, щуров, зеленушек, реполовов. Суть ее сводится к тому, что на выбранном для тока месте (обычно низенький кормный подлесок, опушка, кромка поля, перемышка, соединяющая лесные массивы, берег речки, поросший кустами) настраивается тайник, на току помещаются в барашках приманные птицы того вида, на какой производится охота. Если собираются ловить чижей — на току должен быть чиж, на щеглов — Щегол, а на снегиря — снегирь. Иногда ставят несколько разных приманных птиц, но это часто снижает качество ловли. При виде большого количества клеток на току подлетающие птички сторожатся и не сходят под сеть. Изредка на ток может сесть птица какого-нибудь другого вида, особенно если она кормилась тут оставленным зерном.

В старинных да и в некоторых современных книгах о ловле птиц содержатся утверждения, что лучшей приманкой птицей для всех видов является самка чижа, чижовка. Но сколько я ни пробовал ловить на чижовок, кроме чижей на них никто не спускается, да и чиж-то лучше идет на старого яркоперого самца, рассыпающего свое звонкое «шои, тви, ииви».

Итак, установим твердо, что для ловли каждого вида птиц нужны свои приманные, хорошо обдержанные, спокойные, а главное, непрерывно кричащие птички. Они-то: и подманивают к току пролетающие стайки и заставляют спускаться.

Ток, помимо приманных, должен быть оборудован обильной прикормкой из зерна, семян, ягод, муравьиных: яиц. По краям его недалеко от сети втыкают ветки — «присаду», ставят снопики кормных трав, которые любят птички. Конопля, репейник, полевой осот и лебеда очень подходят для этого. Снопики надо предварительно околотить, вылущить, иначе подлетевшие птички займутся ими и не сойдут на ток. Нужна на току и вода в противне или, в полиэтиленовой пленке, замаскированной травой и листьями под естественную лужу.

Присевшая к току птица не сразу сойдет, а сперва оглядывается, сторожится. Лишь когда увидит, что приманные не бьются, а спокойно занимают едой, слетает к ним. Если спустилась стайка, лучше подождать, пока сойдут на землю все, но так нужно делать, если на току; имеется обильный и лакомый корм, которым птицы могут заняться. В другом случае опустившиеся на ток быстро слетают, так что охотники не успевают дернуть за шнур. Умение чисто крыть птиц — результат большой школы и придет не сразу. Ни в каких руководствах этого не описать. Нужно только запомнить начинающему охотнику, если птица спустилась и спокойно движется по току, кормится и не сторожится — ждите, пока она не займет удобное положение — головой к сети и не придвинется поближе к подобранной сетке тайника. Выждав, энергично и плавно кройте. Если же птичка насторожилась, приподнялась — кройте мгновенно, иначе улетит. Если она сидит головой к вам, навывлет, а расстояние от сетки велико, в девяноста случаях из ста будет промах. Лучше подождать, может быть, птица успокоится и займет нужное положение, ведь «прокрытые», то есть вылетевшие из-под сетей птицы, обычно уже не спускаются вновь.

Перед ловлей всегда нужно не полениться проверить, как кроет сеть, прочен ли шнур, не застревают ли он где-нибудь в корнях. Хороший охотник без проверки не начинает.

Как же добыть птиц, если у вас нет приманных? Здесь на помощь охотнику приходит вторая, самый интересный и нужный способ — ловля на прикорм. Это уж чисто любительская, не промысловая охота. Я уже говорил о ней несколько выше довольно подробно, а здесь укажу только, что ток устраивается там, где нужна охотнику птица чаще встречается. Охотник тратит иногда не один день, не одно утро, лазая по кустарнику, в уремах, в оврагах и на пустырях, пока отыщет нужную птичку и узнает о ней все. Вот где школа для орнитолога, натуралиста, следопыта! На току, расчищенном для лучка или сети, оставляется обильная привада. Через день-два она

проверяется. Когда птица начнет регулярно летать на прикорм, ее подстерегают и ловят замаскированным тайником или лучком, или самоловом, Так добываются вес осторожные, редкие, драгоценные птицы.

Третий вид охоты — ловля на водопое, там, где спускаются пить и купаться разные пернатые. Охота на воде очень занимательна, добычлива, захватывающе интересна, хотя найти верное место очень трудно. Ключик-студенец, лужа на лесной дороге в жару, удобный берег озера — все должно быть обследовано охотником. Иногда водяной точок дополняется прикормкой. Сеть для ловли на воде нужна большая, а в стороне удобный, не вызывающий подозрений у птиц скрад. Вообще скрад или шалаш очень важная часть охоты. Иногда птицелов возвращается без добычи только потому, что поленился построить хорошую закрадку.

«Не валится чирик! — сетует иной даже убеленный сединами птицелов. И жулан тоже отлетает. Не время еще, видно».

А суть вся в том, что горе-птицелов стоит со шнуром чуть ли не у самого тока, весь на виду, заслонясь какой-нибудь веточкой. Тут уж даже добродушный снегирь и непугливый чирик замечают — «неладно дело!» И улетают подальше. Я уже не говорю о зябликах, реполовах, жаворонках — они никогда не попадают таким охотникам и не спускаются на ток, если видят человека даже за 30 метров.

На месте постоянной ловли лучше всего выстроить шалаш-окоп, где земля выбрана на полметра, а сверху — прочное укрытие из веток и хвороста. Надо, чтобы птицы привыкли к шалашу. Они очень любопытны, недоверчивы. Часто-часто бывает так: прилетит зяблик, синица или пеночка, прежде чем спуститься, подлетит на шалаш, заглянет, увидит охотника и, — «до свидания». Вот вам и неразумные существа. Вот вам и рефлекс, будто бы только и управляющие поведением животного. Наблюдая за птицами три десятка лет, я нахожу, что это чрезвычайно смысленные существа. Они могут радоваться, горевать, грустить, приходить в ярость, смеяться, любить. Они отлично передают свои чувства и голосом, и мимикой. И порой кажется, что птицы — мыслящие существа, мыслящие по-своему, по-птичьи, коротенько и примитивно.

Самое главное во всех видах птицеловства — выбор подходящего места. Хороший охотник исследует все леса в окрестностях. Они у него хожены-перехожены. Ног своих он не жалеет. **И настоящий охотник не бывает жаден. Он не ловит самок, не губит ни одной птицы. Он любитель и радатель родных лесов. Он идет в лес не на поиски рублей и наживы, но на поиски поэзии и красоты.**

Птички

Сдувало переменчивое тепло августовских дней холодными ветрами. Являлись в побледневшем небе косые северные облака. Что-то вдруг менялось и в моей душе — по-иному радостно становилось жить в преддверии осени, накануне великих перемен в природе. Ведь это очень важно — первому увидеть желтый крап на березах, кузеньку, пинькающую в саду... А редкий первый листопад, а снежинки, что бережно садятся па стылую землю, укрывают ее волшебным пухом. Я вставал раным-рано. Бежал к окошку — узнать, какая сегодня осень. Л оно была разная. Ой, какая разная! То ясно голубело за окошком. В инее полосатились крыши. Сникнув под заморозком, сизел и кудрявился малинник. То упрямо дул ветер. Ватаги печальных облаков влочилились над крышами, и по-осеннему замирала душа от одного вида тех сиротских облаков. Или сыпалась без конца мелкая морось, скрывая даль. Ила просто в безветрии стояло свежее пасмурное утро — самая дорогая погода осенью.

Осенью двор, огород, сычовский сад и бурьянный пустырь за бывшей речкой приобретали необыкновенный вид и смысл.

Сарай пятнило ржавым листом. Оранжево загоралась сычовская яблоня. Двор делался просторнее и шире. Бурела на нем птичья гречиха. Воробьи пересыпались по ней. А роняющие рябое семя конопляны в огороде так славно пахли остывающим солнышком и утренним холодом.

В бурьян спускались пролетные стаи, Я бродил там каждое утро. Смотрел. Где мне было знать, что птички с голубыми горлышками — варакушки, что долгохвостые серенькие, со скорбным писком взлетающие из лебеды, — лесные коньки. Однажды из нашего малинника выпорхнула ры-

жая бесшумная птица. Сейчас я знаю, что это был настоящий соловей. А тогда это была для меня просто «птичка». Я подолгу бывал в бурьянах, вглядываясь в их потаенную жизнь. А иногда просто сидел, смотрел в осеннее небо, прислушивался к запахам ветра и земли, и было мне хорошо и ясно одному. В такие часы я не хотел быть даже с Веркой.

Вот тащится оторванная ветром одинокая туча. Край ее золотится спокойным светом скрытого солнца. И вот оно прорывается, косой свет упирается в землю. Вздрагивают прикорнувшие травинки. И почему-то печально по-осеннему, летом солнышко не светит так...

Напрасно думают взрослые, что детям непонятны самые тонкие чувства. Напротив, детство всегда найдет поэзию там, где для взрослого одна сплошная проза. Ну разве может взрослый играть камушками? Разве станет он скакать на обыкновенной палке? Что ему в этом пустыре с репьями — в моей нехоженой стране?

Взрослые, большие! Вас не ругают без права ответа, вас не лупят ремнем и не оставляют без обеда за невымытые руки. Вы думаете, что вы самые умные и справедливые, и все-таки иногда дети сильнее вас, богаче, щедрее...

Осенью соседские сады редели, хорошели. Солнечный свет застаивался в них. Он шел от листьев, разбросанных па земле, на ветках, на вкопанных в землю старых скамьях. В холодное солнечное утро я подолгу висел на заборе, вглядываясь в чудесную голубизну неба меж ветками. Со стуком опадали яблочки. С легким шорохом терялись листья. Крупные с хохолками птички налетали вдруг, осыпали рябины, давились терпко-холодной ягодой. Большие желто-красчатые дрозды пугливо накали на тополях. Братья Кипины ловили птиц. Подле огорода у них стояла на столбах неказистая голубятня, выкрашенная синей краской. В голубятне хранились и клетки. Рано на свету то Валька, то Юрка выносили оттуда западенки, в которых сидели белые щеглята или серенькие снегирихи. Бывали у Кипиных чижи — маленькие зеленые птички с хитрыми глазенками. А чаще всего прыгали в западнях чечетки. Для меня, любителя всякой живности, птички были несказанным богатством. За любую из них я охотно отдал бы игрушки, книги, ботинки — все что угодно. Птиц мне не покупали. Бабушка говорила, что скоро в школу, а «птички до добра не доведут. Через них он учење забросит. К деньгам приучится. С жульем может связаться...» Странно мне было слышать это от моей бабушки. Но мать соглашалась с ней. Даже отец помалкивал. Птички! Сколько же я слышал тогда, потом, да иногда и теперь слышу от трезвых, солидных, добропорядочных людей это слово с глубокой иронией. Его произносят, сморщив нос, оттопырив нижнюю губу, покачивая головой, как над безнадежно больным.

— Птички?! Неужели вы правда ходите в лес, ловите птичек?! А это вы их э... э... сеткой или э... клеткой? он как... Скажите пожалуйста, как интересно.— И глаза собеседника прячутся в сторону, чтоб я не увидел насмешку.

Сперва я довольствовался тем, что крыл воробьев простейшей ловушкой из ящика, палки и веревки. Возьму обыкновенный ящик, подопру палкой, к палке веревку, под ящик — овес.

Воробьи кучей слетают на зерно, и я, выждав, дергаю веревку. Ящик падает.

Очень трудно доставать воробьев из-под ящика. Одного поймал — десять вылетело. Да и что за птица, воробей-то! Не поет он, и красоты в нем никакой. Дичатся воробьи сильно, и в конце концов выпускаешь их на волю, чтоб через неделю-другую снова ловить.

А братья Кипины в сентябре начинали готовиться. Юрка чинил дырявую сеть — тайник, делал западенки. Верка красила ветхие клетки. Надо ли говорить, что в этих делах я принимал самое непосредственное участие.

В опустелом огороде выравнивалась площадка-ток. Ее очищали от корешков, утаптывали, укатывали березовым кругляшом. На току-то и «расколачивалась», прибавалась к земле за ременные петли залатанная сеть на палках — главное орудие ловли.

Деревьев у нас в огороде не было. Жадный портной срубил их все на дрова, когда уезжал из дому. А птицы без деревьев не ловятся. Они не спускаются на землю без «присады». И Кипины вместе с Генкой Пашковым устраивали налет на сычовские владения. Предметом налета был заранее облюбованный сук тополя или жимолости, который надо было сломить или спилить во что бы то ни стало. В набеге я довольствовался скромной ролью, которая называлась «стоять на стреме» С утра занимал наблюдательный пост на сарае, ждал, когда старик Сычов уйдет из дому. Едва черный картуз скрывался за воротами, я летел к Юрке, братья бежали за Генкой и перелезали в сад.

Как сейчас вижу, Юрка спрыгивает в ворох палой листвы. Секунду стоит, озираясь, прислушиваясь, и потом крадется вдоль решетчатого палисада. Валька и Генка лезут на дерево. Генка меньше, ловчее. Он скользит, как змея, подтягивается на руках, и вот он уже почти на вершине, пилит неподатливый сук.

Я на сарае холодею от страха. Вдруг сейчас с грохотом распахнутся двери парадного и оттуда с проклятиями выбежит кудлатый хозяин? Вдруг бахнет выстрел? Вдруг перемахнет забор страхолюдный Джульбарс?

Вспоминаю — зашел я однажды во двор к Сычовым повидать Мишу Симонова. Миши не было дома. Зато во двор вышел Шурка с овчаркой. Он отцепил поводок. Я кинулся к воротам. В два прыжка собака догнала меня и придавила к забору. Помню ее жесткие лапы и тяжелый запах теплого дыхания. Насытившись моим страхом, Шурка отозвал овчарку. Я побежал домой. А вечером, забравшись на сеновал, подвывая от ненависти и восторга, выбил из рогатки все стекла на веранде Сычовых.

— Скорее, Генка, пили скорее! — шипит Валька.

С макушки несется брань. Видно, что Генка пилит изо всех сил и вот, наконец, хруст, треск, кажется, слышный за две улицы, шелест и шум сползающего сучка.

Генка прыгает с трехметровой высоты. Валька и Юрка подхватывают сук, перекидывают через заплот, и оба, объятые внезапным страхом, лезут па забор, стучат коленями, шумно дышат и сваливаются в проулок.

— Ффффу,— проглатывает слюну Юрка. На широком лице Вальки все еще испуг. Более опытный в воровских делах Генка только молча посасывает ободранный палец. Жмурит из-под челки карий глаз.

— Э, вы, нате,—Генка вытаскивает из-за пазухи горсть яблочишек. Как и когда успел он их набрать, остается загадкой. Птиц Генка тоже не держит. Он помогает нам просто так.

Жуем яблоки. Чмокаем. Морщимся. Плюем. Довольны все. Большой сук у нас есть. Теперь его надо приколотить на шест. Это будет большое дерево для западенок. На него спускаются птички станички. Ниже располагаются вокруг тока воткнутые в землю ветки-кусты. Их-то можно без большого риска наломать в саду у Зыкова.

Наконец после целой недели хлопот ток в огороде приобретает нужный вид. В центре высокое «дерево», по краям «кусты», пучки репьев, снопики переросшей лебеды.

Из картофельной ботвы и гороховой мякоти сложен. в углу забора теплый скрад. Сидеть в нем необыкновенно уютно. Сухо пахнет тут ботвой и полыньком. Семена лебеды сыплются на голову. Сознание того, что это свое жилье, своя крыша над головой, делают шалаш истинным дворцом. Птицы на нашем току ловятся неплохо. Попадают доверчивые чечетки, реже щеглята, изредка чижи. Иногда мы кроем степенных снегирей. Я говорю «мы», потому что являюсь непременным участником всех охот, но с правом совещательного голоса и без добычи. Пойманных птиц братья забирали себе, по выходным дням несли их на птичий рынок. А я довольствовался лишь процессом ловли и не смел просить большего.

Раз Юрка дал мне только что пойманную чечетку. Не чуя ног от восторга, я зажал теплую птичку в кулаке и помчался к крыльцу. У самого крыльца случилось непоправимое — я запнулся о камень, упал, а птичка вырвалась и, радостно чечекая, улетела. Я расплакался и сел на крыльцо. Не от боли я плакал, хоть колени и локоть помаленьку пропитывались кровью. Если б можно было вернуть дорогую светлую птичку с черным пятнышком под желтым клювом! Птичку с карминовыми перышками на голове.

И чечетки, и снегيري лучше ловились по первому снегу. Мы ждали его с нетерпением. А ведь известно, чего ждешь, то приходит нескоро.

Бывает, осень застаивается. Студеные дни чередуются с оттепелями. По неделям мочит редкий дождь. Мокнет и зябнет земля. А в редкие сухие дни с теплом она так сладко пахнет запахами вялых листьев и трав, что душа разрывается от любви к этой неясно-печальной земле в светлом и сизом тумане на дальях.

Осенью все волнует: жучок, бегущий по глине прятаться в трещину, бабочка-репейница, сонно прильнувшая к последнему цветку осота, одинокий листок, плавно кружащийся в подсиненном воздухе. Уже давно облетели тополя. Сквозь нагие березы просвечивает небо. Полегли бурьяны. Сникли и почернели астры, посаженные матерью в огороде. Мать любит

садовые цветы, а я не люблю. Мне не нравится их будто нарочитая яркость. Каждый георгин кичится своим цветом: «Вот я какой! Во!» Садовые цветы не идут к нашему небу. Они не ладят с осенью. Первым же инеем их сожгло, а полевой белый тысячелистник на пустыре все еще гордо держит голову на студеном ветру. Зелена сирень в саду у Зыкова. По утрам в ней кричит зарянка — краснозобая птичка, которую мы никак не можем поймать,

Мы сидим в огороде каждое утро, но певчая птица ловится очень худо. Бывает, до полудня никто не прилетит. Одни серые дрозды с храпом тянутся над городом. Утки и гуси летят в поднебесье очень высоко. Говорят, по ночам они спускаются на городской пруд.

Мы мерзнем в шалаше, зябнем. Я кашляю всю ночь. У меня заложило грудь. Но мы терпеливы. Все мальчишки терпеливы безмерно. Вон Юрка еще рыбачит на пруду, часа по два стоит в ледяной воде — так лучше клюет. И не болеет Юрка, только губы у него все в лихорадке.

Мы кроем бойких синиц-кузнечиков. Желтогрудые и белощекие, сперва они кажутся очень красивыми и нужными, но скоро надоедают. Синиц множество. Они лезут в западенки, таскают семя с тока, пинькают и трещат в малиннике. А в клетке злобно долбят прутья, протискиваются сквозь них, стучаются в окна, больно щиплют пальцы плоскими клювами и шипят. Нет, не годится кузенька для клетки. Мы выпускаем их, гоняем с тока и вообще не считаем за добычу, хотя задорная белошечка очень хороша, когда прыгает, посвистывая, по забору, звенит в макушке нагого тополя.

Иногда прилетает стайка щеглят. Они долго порхают по репьям, драчливо ворчат, ссорятся, и вот один за другим падают на ток. Надо видеть, с каким лицом Валька дергает за веревку! Как переметывается, хлопает тайник, и мы с воплем вылетаем из скрада, бежим к току. Там прыгают и бьются под сетью несказанно красивые белые с желтым, с красным и с черным щеглята. Кажется, собрала наша скромная природа самые яркие краски и велела кому-то доброму расписать птичек пестро и талантливо.

И вот с утра засеверит. Тучи, одна другой мрачнее, начнут сдвигаться. Захлопнулся последний ставешок в голубое небо. Серый свет вечера. В темноте посыпает о стекла дождь.

Бабушка весь день охает, сильнее обычного шаркает ногами. У нее разломило поясницу. Лечиться она будет из того маленького «шкалика» с водкой. Он стоит у нее в застекленном, оклеенном изнутри обоями шкафу и служит лекарством от всех болезней. Как-то пробовал им лечиться и я. У меня долго болело горло. Не помогала ни сода, ни противные красные порошки. И тогда я решил лечиться по-бабушкиному. Я влез на кровать, открыл шкафчик, налил пузатую рюмку водки, понюхал и выпил, зажмурясь, одним духом.

Сперва показалось, что я хватил кипятку. Я ошалело плюхнулся на кровать, замотал головой.

Ватный ком стоял в горле. Насилу я выдохнул его. Долго еще жгло под ложечкой, было горячо в животе. Стало вдруг весело. Я долил шкалик рюмкой воды и поставил на место.

Горло болеть не перестало, но повторять опыт не хотелось.

Бабушка в тот ненастный вечер все жаловалась, что кровь уже не греет. Вот и водка не помогла, слабая какая-то...

Мне оставалось помалкивать. Поздно вечером пришел с работы отец, отряхивая пальто в коридоре, сказал, что идет снег.

Я проснулся в серо-белых сумерках. Снег! Все за окнами побелело. С низкого мучного неба бесконечно сыпались, валились, неслись к земле сероватые на свет сне--жинки. Столбы забора стояли в пуховых беретиках.

«Ловить надо, скорей! — подумал я. — Ведь это первый снег»,

Я оделся, выбежал на улицу и застучал в нижнее окно, занавешенное тряпицей. Лишь спустя долгое время показалось заспанное лицо. Юрка зевал во весь рот, тер глаза.

— Снег! Юрка, снег! Вставай скорее!

— Не охо-та-а-а..,

— Ведь первый снег-то?!

— Ну и чо-о-о... Не будем сегодня...

— Эх... Ну, дай хоть чечетку половить!

— Бери сам... в сенках,— донеслось из-за стекла.

Я подпрыгнул, побежал к сенкам. Отворялись они у Кипиных очень просто — фанерной дранкой. Стоило подсунуть дранку под крючок, немного приподнять ветхую дверь, и крючок слетал с

петли. Закрывалась дверь еще проще. Приподнял крючок. Хлоп! И он защелкнулся. В сенках среди хлама, ветоши и ржавых коньков я разыскал тайник с веревкой и гвозди, снял со стены желтую западенку с чечеткой и маленькую клетушку с чижом — «подтайничник». Это потому, что ее ставят на ток под сеть.

В огород я вышел торжественный, самостоятельный. Было еще рано, сине. Бушевала теплая метель. Снег путался, шелестел в малиннике, летел в глаза.

Я торопливо размел ток, принялся расколачивать, то есть прибывать через специальные ремешки палки тайника к земле. Руки быстро озябли. От снега и холодной земли пальцы стали непослушными. Я совал их в рот, грел и продолжал налаживать сеть. Тайник — снасть капризная. Поспешись, установишь неправильно боковые веревки растяжки — и прощай добыча: то сеть кроет слишком медленно, и птички вылетают из-под нее, то завернется в перекося, то вовсе не опадает на землю. Нет, лучше уж проверить десять раз.

Наконец все готово. Бегу к шалашу, разматывая веревку.

Сперва я очень внимательно слежу за током. Слушаю, жду. Не полетят ли чечетки. Но ничего не слышно, кроме слабого шелеста снежинок. Ток уже припорошило. Снег, снег, снег идет — настоящая зима кругом. Я люблю зиму. Раздумываю, как отец построит нам катушку. Мы будем ездить с кадочкой за водой. Будем поливать, а потом кататься с Веркой на расхлябанных салазках...

Вдруг кто-то перелетел из малинника к току. Хватаюсь за веревку. Кто же это? Нет, не кузенька... Не кузенька... Батюшки! Зарянка! Птичка с оранжевым зобиком нахохлилась на сучке над сетью. Сердце мое застучало громко. Зарянка! Она самая... Вот, если поймаю... Птичка прыгает прямо на палку тайника, потом на ток и стоит настороженно. Крыть? Но ведь она головой ко мне. Сидит навывлет. Но я забываю все правила, зажмуриваюсь... Хвать! Выскакиваю из шалаша и сразу понимаю — прокрыл! Вылетела зарянка. Вот она звонко кричит где-то в малиннике: «цир-цирик-тик, цик, цирик-тик».

Растяпа, растяпа! Едва не плача, я бреду прибирать тайник.

Чечетка в западне вдруг бойко начинает свое «че-че-че-че, чи-чи-чи». Чи ж на току пиликает звонко.

С неба слышно ответное чечеканье. Летят.

Ныряю в шалаш и весь дрожу от охотничьего азарта. Голоса птичек ближе и ближе. Чечетки, чечетки! Вот они!

Три серо-светлые пухленькие птички падают на дерево к западенке. Начинается тихий разговор: «чи-чи-чи, тиррлю, тиррлю, чи-чи-чи, пйин-пйин». Совещаются птички.

Меж тем я смотрю в окошечко, между стеблей репья и шепчу: — Ну, попадись, попадись, пожалуйста... Ну, попадись...

Одна чечетка слетела, села на хлопок.

Ну!

Вот прыгнула на сторожок.

Ну!

Видно, как птичка наклоняется, клюет, лущит коноплю, а западок не захлопывается. Второпях слишком туго я его насторожил. Что же это такое? Как мне не везет! Второй раз, второй раз... Я кусаю рукав и все смотрю, как она там ест. А меж тем на другой западок спустилась вторая чечетка, и щелк — сработала пружина.

— Да есть же! Есть!!—не своим голосом завопил я, выскакивая в метель, роняя шапку.

С какой, осторожностью вынималась первая добыча — обыкновенная на чей-нибудь равнодушный взгляд пташка! Я снял западенку, прижал к себе, подождал, пока перестанут трястись руки. Потом тихонько достал птичку.

Теперь она в кулаке — такая милая, теплая, черноглазенькая. Как гулко стучит ее сердчишко. Я подбираю шапку и иду домой, для верности сунув кулак за пазуху. Клетка у меня давно припасена тайком. Есть и конопля в баночке. Все спрятано под кровать.

— Вот! — говорю, с торжеством появляясь на кухне. — Вот она! — И, не разжимая кулак, показываю всем,

На кухне топится печь. Красный свет отражается в кастрюлях. Отец, мать и бабушка пьют чай, переглядываются, улыбаются. Бабушка качает головой, пытается разжалобить меня. Это чтоб я

выпустил птичку.

Где там! Я несу чечетку в комнату, выпускаю в клетку, а клетку ставлю высоко на шкаф, чтобы не достал кот. Только теперь я по-настоящему разглядываю птичку, люблюсь ею. Какая же она светленькая, аккуратная! Клювик махонький, словно восковой. На груди два розовых пятна. Значит, чечень! Самец. А на голове точно тройной язычок красного пламени и красивые полосы на брюшке.

Руки мои тонко пахнут ее перышками. И я чувствую, что чечетка такая же родная мне, как снег за окошком, как тополя, дом, бабушка и вообще все, с чем идет мое Детство, бегут куда-то мои счастливые дни.

Черный дрозд

А. А. Никоновой

Красивое имя у птицы. Помните, в «Записках охотника»?

«Звучный напев черного дрозда внезапно раздавался вслед за переливчатым криком иволги...»

Всего одно упоминание — и вот он, среднерусский лес с громадами-дубами, тусклым листом орешника, пахучей калиной и белыми грибами под свесом еловых ветвей.

На Урале черные дрозды не водятся. Есть они где-то под Пермью, да и там из редкости редкость. А мне очень хотелось подержать такую птицу. Ведь когда за свою жизнь повидаешь и соловьев, и зарянок, и жаворонков, тянет к чему-то необыкновенному. Я мечтал о черных дроздах да по воскресеньям на птичьем рынке — своеобразном клубе птицеловов-любителей — слушал о них разные басни.

Больше всех рассказывал о дроздах некто Козленке, известный у птичников под названием «артист». Не знаю: был ли он артистом, но больше был известен как несусветный лгун. Двух слов Козленке не мог произнести, чтобы одного не приврать.

— Дрозды? — мягко, обвораживающе говорил он, глядя на собеседника благородными глазами испанского вельможи. — Так я ж их тысячи передержал. У Пятигорске у нас их — у каждом кусту.

— А что ж сюда не привезли?

— Та некогда ж было. Днем репетиции. Вечером спектакли.

— Ну-у! А выходной?

— Так я ж и у выходной с утра до ночи в театре. Пятьдесят две роли за сезон! Вы понимаете? Мне ж заслуженного хотели дать. Весь театр провожал, плакал...

— Ну а дрозды?

— Та я ж их тысячи... Гнездо у него на ели, на кипарисе то есть... Высако, высако. Шапка валится. Вижу, туда они залетают, а где ж достать? Носят вот таких червей, да вот, вот таких бабочек, — на метр разводил руки артист.

Другой «старый птицелов», самоуверенный портной Парамонов, говорил, важно попыхивая сигаретой из янтарного мундштучка:

— Я их в Саратове помногу ловил. Дикая птица... Не выдержать ее. Петь громко не будет. Под свой нос вполголоса пропевает,

— Вот в июне на Кавказ собираюсь, в Хосту, — говорил я, — может быть, поймаю.

— У Хосту? У Хосту? — удивлялся Козленке. — Тая ж там тысячи раз... Нич-чево там нет. Ловить негде — голые горы та колючий кустарник. Неет, дроздов надо у Пятигорске, у Нальчике.

...Такси несло по извилистому горному шоссе из Адлера в Хосту. Мелькали сияющие солнечные склоны в непролази незнакомой зелени. На поворотах визжали покрышки, то прижимало к дверце, то откидывало в глубь машины.

Таксист торопился. Время — деньги. А на Кавказе особенно. Это я понял с прилета, когда толпа квартиросдателей взяла нас в кольцо, прямо в аэровокзале.

— На берегу моря!

— С пансионатом...

— Со всеми удобствами... Пожалуйста к нам...

— Всего два рубля в день... — сыпалось со всех сторон.

Насколько можно было разглядеть в бешеной гонке дорогу, я тарасился с любопытством новорожденного. Пальмы. Мостики. Ушелья. Странная голубая зелень эвкалиптов. Дачная белизна домиков. Открыточная красота кипарисов. Все это вместе с горячим воздухом, врывав-

шимся в окно машины, удивляло и тревожило.

В одном месте поднялась с обочины черная птица. Ясно увидел я черноту пера и желтый клюв.

— Дрозд! — крикнул я сидящей рядом сестре. — Черный дрозд!

Она равнодушно кивнула. Нельзя сказать, чтоб сестра не интересовалась птицами.

Интересовалась, конечно... Но если гордо сравнить мой интерес к ним с потоком солнечного света, то заинтересованность сестры была светом лунным, отраженным.

В тот же день, к вечеру, на заросшей круче горы я снова услышал и увидел черного дрозда.

Он сидел на сухой макушке грузинского дуба и меланхолично высвистывал что-то лесное, неведомое. Он брал тоны выше и ниже, спускаясь до басового гуканья, и вдруг точно переводил какой-то регистр, и снова приятная флейта баюкала вечеряющий лес.

Мы стояли у подножия горы, слушали и толкали друг друга локтями.

— Завтра же пойду искать гнездо, — храбро сказал я. — Раз он там поет, значит, у него гнездовой участок.

Сестра с сомнением поглядела и промолчала. Она была здесь уже не в первый раз. Мои расспросы и суждения, наверное, надоели ей.

Уже поздно мы вернулись в гостиницу на гранитной набережной мелкой каменистой речонки. С гор дуло холодком. В темных кустах у входа мерцали светляки. Пронзительно свиристела цикада. Не то летучие мыши, не то огромные бабочки-сатурнии пронеслись на свет нашего окна, ширялись о стекло мягкими крыльями и пропадали. Мы заснули под кваканье, бормотание, лай и гомон здешних лягушек.

На другой день я понял причину скептицизма сестры. Привыкнув к уральскому лесу, я даже представить себе не мог, до чего же непроходимы заросли на Кавказе. Если есть нечто среднее между густым киселем и твердым веществом, то вот кавказская зелень. Едва я сунулся в молодую поросль и начал взбираться по крутизне, миллион мелких колючек впился в мои руки, ноги, одежду, задерживая всякое движение. Ежевичные плети кипятком ошпаривали ладони. Завеса плющей трудно рвалась, дрожа и цепляясь. Плющей было видимо-невидимо! И каких разных: то с треугольными листьями, то с сердцевидными, то ни дать ни взять — березовыми... Они въедались в кору деревьев, оплетали ветки, ползли по земле. Я бился в них, точно муха в паутине, с проклятиями прорывался, карабкался, падал и скоро понял, что буду у заветного дуба на середине склона не раньше как через неделю.

Так же медленно, обдираемый колючками, я спустился на дорогу к подножию.

— Ничего, — утешала меня сестра. — Может быть, зайти с другой стороны горы?

Нового дрозда мы увидели бегающим в водосточной канавке подле каменной садовой стены. Это была самка величиной побольше скворца, бурая и рыжегрудая. С видом женщины, обремененной немалой семьей, она хлопотала в канаве, переворачивала камешки и гнилые листья. Вот нашла что-то, схватила и медленно улетела в густой сливовый и черешневый сад за каменную стену.

— Пойдем, — сказал я сестре. — Поищем ее...

— Пойдем, согласилась она, покусывая соломинку. — Но ведь там сады... Вдруг нас...

— А-а... Много ты понимаешь! Здесь же не такие хозяева, которые сад колючей проволокой огораживают, здесь Кавказ, Восток, гостеприимство...

«Приезжайте, генацвале, на-ри-на-ри-на. Выпьем с вами, генацвале, белого вина...»

И я уже взбирался по хорошо уложенной песчаником чистой тропинке за белую чистую стену.

Черешни желтели и краснели над нами. Абрикос раскинул свои похожие на иву перистые листья, и алыча, кислая, зеленая, сводящая с ума одним своим незрелым видом, алыча была повсюду.

Глядя на нее, я представлял разжеванный ли-, мои и толченую клюкву.

Дроздов, однако, не было ни видно, ни слышно.

Зато из странного по архитектуре длинного и белен<3| го строения, напоминающего огромную уборную, выглянула старуха в черной шали.

Выглянула, исчезла.

Через секунду атлет-мужчина сине-чернокудратый волосами на голой груди и руках пошел навстречу.

— Зачем ходыш? Тэбе на дороге мало места? По садам шалыгаешь? — зачастил он,

— Да вот, дрозды... — не закончил я.

— Я тебе покажу такой дрозды! И мы повернули назад.

Может быть, только присутствие женщины спасло меня от большего.

Мы прожили в Хосте полмесяца и все ходили под вечер слушать того отличного певца на высокой горе, на грузинском дубе. Словно поддразнивая нас, он курлыкал, аукал и насвистывал, точно лесной Пан, и сестра говорила знакомым на пляже, что ей на меня жалко смотреть.

А пляжные знакомые мило улыбались, мило кивали, и во взглядах этих милых людей в плавках было: он же сумасшедший. Да, конечно, сумасшедший. Ведь только тронутый человек может ехать на Кавказ, чтобы лазить по горам за какими-то дроздами, ловить бабочек! Искать жуков!

Тратить на всю эту гадость дорогое время отпуска,

вместо того чтоб размеренно отдыхать под тентами на лежаках, жариться на солнце, купаться в море.

— Море — это йод. Море — это здоровье,— убежденно говорил молодой инженер из Москвы. Он вбирал здоровье с утра до ночи, валяясь с книжкой на надувном матрасе. Когда море гудело штормом и волны с ворчанием «оро-оро-оро» катились на водоплеск, он ложился в зону прибоя улавливать целебные ионы. И вообще казалось, что здесь все помешались на здоровье, и загорали, и отдыхали до изнеможения. Даже на головные боли жаловались, точно впрямь некуда было деться от этой дышащей зноем и ветром солнечной полосы берега, усыпанного пестрой морской галькой и сплошь заваленной темными и белыми телами в купальниках фантастических расцветок.

На третий день мне ужасно надоело злое южное солнце. Нагретые им до сковородного жара валуны и окатыши обжигали ступни. Непрестанный гул волн, соединенный с шуршанием трущейся гальки, нагонял тоскливое настроение. Поворотившись раз двадцать на дощатом лежаке, разомлелый и рассолоделый, я лез в расплавленно блестящую теплую и грязную волну.

Я не влюбился в море. Оно было обычно зеленым, а не синим и тем более не черным. Оно было огромным, но не таким величественным, как представлялось раньше. По нему плавали маленькие катера с трамвайными сиденьями и с пышным названием — теплоходы. Оно больно хлесталось камешками даже в слабый прибой. В нем не было видно ни рыб, ни крабов, ни дельфинов, ни других морских чуд. А знаменитая морская горько-соленая вода была не солонее Эссентуков № 17. Ее можно было пить.

Я подозреваю, что многие люто скучали на пляже, скучали за картами, за разговорами о загаре, за разглядыванием бедер и ножек. Наверное, хорошо чувствовали себя тут только кучки развязных юнцов в мексиканских сомбреро и с замурзанными гитарами через плечо. Они бродили по пляжу, перешагивали через загорающих и бесцеремонно рассаживались возле каждой смазливой девчонки.

— Подумаешь, нашелся критик!—скажут иные.— А что же делать у моря, как не купаться, как не загорать?

Сдаюсь заранее! Я и не против такого. Кому что нравится... Но почему должно нравиться всем одно и то же?

Вообще, прожив тут пару недель, я вдруг обнаружил, что Кавказ — великолепное место и для всяких тунеядцев, лодырей и лжебольных. И нередко думалось: а вот нашелся бы такой невод, что пропускал бы сквозь ячейки отдыхающих тружеников и задерживал тунеядцев. Ох, какой улов достался бы рыбакам...

— Чем ездить на Кавказ ловить каких-то птичек, вы бы лучше позагорали как следует. Приедете в свою Сибирь, никто и не поверит, что на море были,— судила жена инженера, коричневая до фиолетового отлива на лопатках. По-видимому, не слишком примерная в школе по географии, она упорно помещала Свердловск в Сибирь и наивно спрашивала:

— А у вас и трамваи в городе есть?

— Есть.

— А троллейбусы?

— Тоже есть

— А рестораны? - Да.

— А что, строганину там подают? — более профессионально интересовался инженер.

Мы переглядывались.

— Конечно, подают. Но больше мы любим сырую рыбу живьем,— говорила сестра.

Тогда они смущались и начинали хохотать. Наверное, сестра разделяла их взгляды на пляжный отдых. Иногда, заметив в ее глазах подобие тоски, я горячо убеждал ее пойти загорать. Но тем не менее она верно следовала за мной во всех походах, может быть, из солидарности, может быть, просто по доброте душевной. В конце концов я предложил поискать дроздов в горах за Хостой. И вот по безумной дороге мы взбираемся на гору Ахун. Справа серая каменная стена, слева сосущая душу голубизна, от которой мерзнут ноги. Так почти все время, пока автобус не останавливается у какого-то санатория.

— Ну-у! — говорит бледная спутница, вылезая из машины, — больше не поеду.

Мы шагаем вверх по санаторно-чистым дорожкам мимо розового благоухания, пузатых чешуйчатых пальм, искривленных юкк и прочей показной южности. Справа столовая — белоснежный храм еды. Сквозь окно — салфеточки в кольцах, фужеры, фрукты. Слева — двухэтажные коттеджи.

«Санаторий Минздрава» — красовалось на арке ворот.

Рослый садовник, подстригающий розы, дремуче покосился на нас.

Скоро мы миновали санаторий.

Выше по склону темнел лиственный перелесок. Сырая глинистая дорога ныряла в него. Мы вошли. Теплая сырость была тут. Ноги скользили. От духоты колотилось сердце. И везде перелетали, чакали в сумеречных кустах черные дрозды. Здесь было много черного. Черная большая змея гибко переползла дорогу. Черные жуки-скакуны перебежали там и сям. Я отвернул влажный черный камень, и под ним беспокойно завозился черный, вполне настоящий скорпион. Я никогда не видел живых скорпионов и почему-то представлял их желтоватыми. Похожий на маленького рака скорпион совсем не торопился бежать. Подняв торчком свой хвост, он независимо переступал паучьими лапками. Весь вид его говорил: никого не боюсь, попробуй задень-ка меня! Я тронул его гнилым прутиком, и скорпион тотчас саданул в прут кривой ядовитой колючкой хвоста.

— Черт с тобой, сиди под своим камнем, — сказал я, заваливая булыжник на место.

Скоро перелесок кончился. Мы вышли на просторную плантацию. Тут росли персики, абрикосы и орех-фундук в бледно-палевых обертках, очень похожий листвой на обыкновенную нашу ольху.

Где-то журчала вода.

Где-то стучал дятел.

— Съешь орешек, — сказала сестра, протягивая руку к ветке.

— Что ты, что ты... — испугался я. — А вдруг сейчас появится какой хозяин и закричит?

Впереди открылась низкая ложбинка. Роща длинноиглой сосны-пинии темнела за ней. Стояла на переднем плане величавая и тенистая кавказская липа. А под липой, совсем как на французских пасторальных, любезничала парочка, ушедшая подальше от глаз людских.

В ложбине у грязной лужи бегали, задирая хвосты торчком, все те же черные дрозды. Их было не меньше десятка. Едва мы подошли ближе, дрозды заклохотали, зачакали и полетели во все стороны. Коричневая грязь по краям лужи была в крестиках их следков.

Благодаря пророчествам Козленко я не рассчитывал встретить здесь в таком изобилии этих интересных птиц и не взял птицеловной сети. Со мной был лишь маленький лучок-самолов. Его-то и установил я на грязи возле лужи, насыпав в прикормку мелких бабочек, мух и лесных клопов. Как я сожалел, что не привез с собой личинок мучного хруща — самый лакомый корм для дроздов!

А потом мы ушли, поднялись повыше, сели на крутизне и замолчали. Было тепло, и был ветер. Шумела сосновая роща, и море внизу зеленело свинцовой зеленью. Было видно, как цепочками бегут по нему белыши. Игрушка-кораблик тянул за собой двоящийся след. Белая бабочка промелькнула перед глазами, уселась на цветущий татарник. Это был каменный сатир. Он покрутился по малиновому соцветию и затих, сосал медвяный сок. Кружились тут же и обычные бабочки: репейницы и голубянки. Пара зеленых дятлов хлопотала на засохшем дубовом стволе, простукивая его со всех сторон.

— Даже не верится, — сказала сестра. — Мы где-то в горах. Там Черное море. Древнее море. Эвксинский поит! Сюда плавали греки! Здесь жила волшебница Медея и стояли забытые города. Погляди, там не видно греческих фелюг? А ведь море и тогда было такое же, и горы, и лес... Вот мы смотрели тисовые деревья. Им по две с половиной тысячи лет. Значит, они росли еще при

персидских царях

Дарий и Ксеркс в пятом веке до нашей эры (сестра — историк и всегда ищет историю, даже в чебуречной).

— Да, — в тон ей сказал я, — они росли при всех людовиках, бокапартах, мамаях, не говоря уже о династии Романовых. Просто удивительно, как это никто из властителей не повелел их срубить. Ведь властители стреляли зубров, травили оленей, жрали пироги из соловьиных языков, объедались паюсной икрой и все-таки упустили наслаждение срубить два тысячелетия сразу... Она словно не слышала меня.

— А все-таки здесь все новое и древнее. Даже солнце. Тут очень ярое солнце...

И она потянула юбочку на сожженные колени.

— Смотри-ка, смотри, — показал я вниз по склону, где росли два широких куста.

Черный дрозд нырнул в один из них.

— Видела?

- Да.

— Поняла?

— Нет.

— Зачем он в куст залетел?

— Ну, мало ли...

— Сиди и смотри, я схожу проверю самоллов. Если в куст еще раз залетит дрозд, значит, там у них гнездо.

- А-а...

— Бэ-э...

Я ушел. В ложбине у лужи по-прежнему бегали черные птицы. Ни одна не думала соваться в мой самоллов. Может быть, они стеснялись той парочки, что обнималась под Широкой липой?

— И аллах с вами! — сказал я, снимая снасть.

— Туда еще дроздиха залетала, — радостно сообщила сестра, указывая на куст.

— Пошли искать...

Мы спустились по пояс в траве к темным кустам, которые оказались ни больше ни меньше как лавровыми!

Подумать только — настоящий благородный лавр, которым увенчивают победителей и лауреатов. Лавровый лист! Лавровый куст!

— Ты ищи там, а я здесь, — показал я спутнице на другую сторону куста.

От лавра вкусно пахло похлебкой. Он был так обширен и густ, что найти даже большое гнездо представлялось трудным. Помня из разных научных описаний, что черные дрозды строят гнезда у корней, я деятельно шарил в подножии куста. Большая ящерица вдруг выскользнула оттуда, холодно-цепко перебежала по руке и нырнула в траву.

Гнезда нигде не было.

В процессе поисков мы обменивались такими репликами.

- Ну?

— Ничего...

— Есть?

- Нет.

— Не ругайся, бессовестный!

— Ой, кажется, змея!

Я перешел на сторону сестры. Она стояла с растрепанными волосами, красная и перепуганная.

— Где змея?

— Не знаю...

— А гнездо? Да вот же оно!

Гнездо было у нее над головой, серый ком травинок, волоса и соломы, крепко вплетенный в развилку ветвей. Настоящее дроздовое гнездо. Встав на цыпочки, я жадно заглянул в него. Желто-серые комочки не шевелились.

— Есть! Кажется, три... Голые еще... Слепые. Пойдем! — радостно крикнул я и потащил сестру вверх по склону.

За все время пребывания в Хосте таким счастливым я никогда не был.

— Вот тебе, проклятый! — пригрозил я большому хищному сорокопуту, черные брови которого были, как у молодки, выходящей из парикмахерской при женской бане.

Сорокопут перелетел по кустам с жуком в клюве. Теперь нам оставалось молиться, чтобы все ястребы, ласки, хорьки и сорокопуты здешнего колючего леса не развели про гнездо.

Время нашего пребывания в Хосте подходило к концу, а дроздятам, по моим расчетам, шел лишь четвертый день. Я знал, что воспитание ранних слепых птенцов — дело хлопотливое и неблагодарное. И все-таки надо было их брать, отправляться домой. За эти дни я успел купить хорошенькую расписную корзиночку с крышкой и пытался запастись дождевыми червяками на дорогу. Самое удивительное, что в краю садов и садоводов я никак не мог раздобыть обыкновенной железной лопаты. После муторного хождения, опросов и выпрашивания я раздобыл наконец ржавую совковую дрянь и ею с проклятиями ковыряя перегнутой под мимозами и магнолиями.

Фикусовые листья магнолий стучали меня по голове. Опадали лепестки ее неправдоподобных стеариновых цветов. Голову ломило от запаха олеандров. Никаких «вот таких!», никаких «вот этаких!» червей не попадалось мне. Ископав, наверное, полгектара, я нашел с десятков тощеньких, невкусных на вид, подлистников и бросил пустое занятие вместе с лопатой.

— Выкормлю хлебом с молоком,— объяснил я сестре, и мы отправились на автобус, чтобы ехать к «своему» гнезду.

Оно было целым. Три оранжевых цветка марсианского вида потянулись навстречу, едва я заглянул внутрь. Кто не видел неоперенных птенцов певчих птиц, тот вряд ли может представить, до чего они уродливы. Уменьшите ощипанную куру до размеров лягушки, со всей привлекательностью этой твари,— и вот вам пятидневный птенец дрозда с невероятно разинутой оранжевой пастью (иначе не скажешь). Наверное, так выглядели в прошлом мелкие птеродактили и детки динозавров.

— Ой, какие маленькие. Ой, какие... какие...— запричитала сестра, не решаясь вымолвить ясного определения.

Я отделил гнездо от развилки, поставил в корзину, закрыл плетеную крышечку. Дрозды-родители не сопровождали нас, не прикидывались от горя подстреленными, как пишут в сентиментальных рассказах. Черный самец лишь вылетел на сосну, раздумчиво проговорил «так-так» и скрылся.

— Знаешь, мне все-таки не по себе,— сказала вдруг потускневшая сестра.— Взяли мы их деток, унесли, а они теперь..,

— Не разводи глупости,— сказал я ей с притворной бодростью. Потом взглянул в ее круглое расстроенное лицо и понял, что она...

— Ну, ничего же не случилось! Ведь мы их не съели? Нет. Не замучили? Нет. Мы их выкормим? Да. Вырастим? Да. Одно облегчение дроздам, вот и все... Ну, что ты?

— Конечно,— вздохнув, согласилась она.— Мы их вырастим... выкормим... А все-таки...

Я быстрее зашагал вниз по крутизне. Я знал, что началась нелегкая полоса моей жизни. Пропал и отдых, и беззаботное настроение. Целых три недели надо кормить, кормить, кормить прожорливых дьяволят. Зато у меня будет настоящий черный дрозд — вороной, желтоклювый с оранжевыми кольцами вокруг глаз. Он будет петь, как тот, на грузинском дубе. И ради этого я был готов на многое.

Лишения начались на другое утро. В пять часов птенцы подняли нас на ноги, потребовали еды. Запаса червей хватило на один прием. После кормления каждый синевато-голый птенец поклонился и положил на краешек гнезда белый пакетик известного содержания. Мне осталось осторожно забрать пакетики картонным пинцетом и выбросить за окно. Так я вступил в обязанности дрозда-папы.

Через час мы отправились на аэродром с чемоданами и корзинами в руках. Как все отъезжающие, мы увозили гору персиков, абрикосов, яблок и мелких, едва поспевших груш.

Дроздята в корзинке, за неимением лишней руки, я повесил на шею. Мы тащились к автовокзалу по изрядной утренней жаре. Встречные ухмылялись. Дроздята скромно попискивали. А сестра краснела и все-таки сожалела о том, что нельзя еще прихватить огурцов и помидоров, ведь здесь

они в три раза дешевле.

Мы отдохнули в автобусе, который буйно помчал нас к Адлеру, и за окнами потянулся пейзаж, с детства знакомый по цибикам с грузинским чаем.

В самолете дрозды потребовали есть, и я пропустил самый волнующий момент, когда самолет, точно тигр, готовится к прыжку, ревет особенно грозно, и вот уже чувствуешь замирающее покачивание пола, уходящую вниз глубину.

Где-то над Эльбрусом мое семейство снова завершало. Я пичкал его размоченной в молоке булкой. Пичкал и думал. Вот ведь чудо! Лечу над Кавказом. Выше всяких орлов, с отдаленной взлетевших вершины. Высота 10 километров. За иллюминатором —42°. Вверху синее стратосферное небо. Внизу Кавказ. Отсюда он кажется кучей шлака, присыпанного снегом, да простят меня любители сравнений высоких и торжественных. Вообще в воздухе думается не совсем так, как на земле. Необычность обстановки заставляет сопоставлять и сравнивать. Может быть, тому виной легонькое покачивание салона, банное сипенье вентиляторов и постоянный приглушенный гул моторов. В окно кажется, что самолет стоит на месте, лишь едва клонит алюминиевое крыло. Дрожит ритмично на крыле пучок каких-то полосок. Внизу Ледовитый океан облаков. Настоящая Арктика с торосами, льдинами и редкими голубыми разводьями. Слой облаков так правдоподобно плотен, что ищешь на нем больших бродящих белых медведей; кажется, по нему вполне можно ходить. Иногда облака реденут, и тогда сквозь редкую голубизну проглядывают прямоугольники лесов, белые черточки дорог, рассыпанная крупа домишек.

— Скажите, пожалуйста, кто у вас там? — заинтересовалась соседка.

— Дроздята,— сказал я.

Я приоткрыл плетенку, и три оранжевых глотки разом воспрянули со дна.

— Ой!—взвизгнула дама и отодвинулась.— Фи, какие, как змеи...

Не стану описывать всех злоключений. Скажу только, что летели мы через Москву с остановкой на сутки, и в тот пасмурный московский денек не один прохожий с удивлением останавливался, глядя, как большой дяденька шагает по улице Горького с детской расписной корзинкой, заходит иногда во дворы и что-то там копается у стен, воровато заслоняясь спиной от прохожих. И на месте каждой остановки оставались белые маслянистые пакетики.

Истекали последние отпускные дни. «В июль катилось лето». Я уже настолько привык к расписной корзиночке, что машинально хватался за нее, уходя из дому. Дроздята ездили в лес за черникой, гуляли по бульварам, обедали в кафе. Отрадно было одно, что с каждым днем они становились взрослее и красивее. Они оделись бурыми перышками и вырастили короткие хвосты. В один прекрасный день птенцы отказались сидеть в корзинке, одичало лезли вон, порхали на руки и плечи. Гнездовый срок кончился, и новые инстинкты проснулись у птиц. Они вдруг утратили милую доверчивость. Перестали подбегать к рукам. Но самое главное — они начали есть сами.

Три бурых обжоры выстраивались полукругом возле консервной банки с червями.

— Есть, есть, есть хочу! — вопил самый крупный, белогорлый и прихлопывал крыльями.

— Есть, есть, есть! — жаловался средний, раскрыв клюв.

— Есть, есть,— плакал третий, самый невзрачный, самый маленький.

Они ждали, что черви сами ползут в рот. Через полчаса они начинали неумело хватать и скоро съедали корм подчистую. Аппетит питомцев приводил нас в трепет. Они уплетали в день поллитровую банку червей, и только водяные мозоли на наших ладонях знали, как дается эта ежедневная «пол-литра». Правда, по нужде птицы ели и хлеб в молоке, но ведь хотелось их выкормить крепкими, здоровыми.

— Хорошо все-таки, что их три, а не пять и не шесть. И как умудряется пара птиц без лопат выкормить такую ораву,— удивлялся я.

Читатель, не знакомый с птицами, скажет, зачем было Жадничать, выращивать всех трех, вместо одного. Ведь и хлопот в три раза было б меньше. Конечно. Никто не спорит. Беда в одном — все дрозды в птенцовом пере одинаковы: и самцы, и самки. А нам был нужен только один самец, ведь самки у певчих птиц не поют. Ну-ка, который он из трех — часто гадал я, оглядывая бурых приятных птичек ростом уже со скворца.

В августе дроздята начали ворчать. То один, то другой, то все разом, усаживались они на жердочке

и тихонько мурлыкали, верещали нечто несурзное, подрагивая хвостами.

— Усе самцы,— заявил нам Козленке,

— Не может быть!

— Та я ж их тысячи... Раз заспывали, так уж самцы. Ну, может, этот вот, малой, буде самка, а те усе самцы...

Не полагаясь на категорические свидетельства, я ждал, пока дрозды начнут линьку, сменят птенцовый наряд на оперение взрослых.

Мы долго слушали нескладные их напевы, а потом, вспомнив, что все молодые птички учатся петь у старых, я разыскал пластинку с голосами птиц и ежедневно до вязкой оскомины крутил ее перед клеткой на проигрывателе.

Я возненавидел рафинированный голос диктора, тысячу раз повторившего мне фразу: «Вдали, торжественно и немного грустно, поет черный дрозд».

Утром солнце заглядывало в окно. Дроздята за стеклянной дверью прихожей начинали верещать и цвирикать. Их пение вполне походило на скрип рашпиля по неточеной лопате.

— Вдали,— просыпаясь, говорила сестра из соседней комнаты.

— Торжественно...— отвечал я.

— И немного грустно...— фыркала она.

— Поет черный дрозд...

Белогорлый и Средний старались: они исторгали целые каскады антимузыкальных звуков.

Маленькая сумрачно молчала, отличаясь только невероятной прожорливостью. Маленькой мы звали ее по традиции, теперь она быстро догоняла Белогорлого и Среднего.

В конце сентября, когда терпению уже приходил конец, дрозды стали линять. Прекрасно поющий Белогорлый вырос на груди ржавый крап и превратился в обыкновеннейшую самку, которую я с радостью выпустил. Оказался самкой и Средний. Я преподнес его прорицателю Козленке, и он его выпустил тоже. Осталась Маленькая— явная самка.— Неужели все три?—горестно спрашивал я у Козленке.

— А что ж? И бывает. Вот у Пятигорске я выкармливал... Взял пять гнезд — и усе самки. Я ж их тысячи...

Мы вздыхали вокруг Маленькой каждый день, поджидая, когда на ее грудке появятся проклятые - рыжие перья — свидетельство принадлежности к непоющему женскому полу.

И вот через неделю я заметил, что на грудке у Маленькой проглянули перышки прекрасного угольного цвета. Самец! Самый настоящий — ликовали мы, заваливая заморыша лучшим кормом.

А он рос, оперялся в вороное перо и через месяц стал точно как тот на грузинском дубу — крупный, черный, великолепный, только клюв у него не пожелтел. Это ведь бывает к весне.

Дрозд поселился в большой клетке и начинал уже пробовать звучный флейтовый голос. Мы благоговели и торжествовали.

Однажды рано утром я был разбужен криком сестры с кухни.

Она кричала так, точно в квартиру вошло семеро разбойников.

Я вылетел в кухню и сразу понял все. Клетка была пуста. Дверца отперта. Дрозд сидел в раскрытой форточке и радостно прихлопывал, словно бы говорил:

— Ну, спасибо, друзья, за хлеб, за соль. Теперь-то уж я задам тягу...

Где он теперь, этот черный дрозд? Помнит ли нас или забыл? Может быть, вернулся он на Кавказ.

Поет где-ни-будь на горном склоне.

Вспоминаю... Чудится мне теплое солнце, зеленое море, грузинский дуб, колючая ежевика.

— Не поехать ли опять? — вслух думаю я...

Уникальная птица

Федор Федорыч Головин держал только редких, как сам говорил, «уникальных» птиц. Самое главное, лишь бы ни у кого из городских любителей не было таких же. И Федор Федорыч заводил полевых воробьев только потому, что они из семейства ткачиков, сильно распространенного в Западной Африке, держал соек, кедровок, земляных дроздов, лапландских подорожников, невзрачных тростниковых овсянок.

Страсть к редкостям заставила этого узкоплечего, тщедушного, седенького человека привезти из Крыма западного соловья, который по оперению мало чем отличался от обычного, курского, а по песне не годился ему и в подметки.

— Что за беда! Зато ни у кого в городе нет! — говорил Федор Федорыч, слушая нескладную стукотно «заморского» певца.

Впрочем, некоторые уверяли, что Головин с радостью завел бы даже крокодила, если можно было бы раздобыть его по сходной цене. Какой смысл собирать редкости, если некому их показать? И Федора Федорыча ужасно обижало невнимание знакомых к его коллекции непоющих сокровищ. — Ведь вот ходят же к другим, щеглов каких-то нячужных слушать, часами сидят, разговоры ведут, — сетовал он. — А ко мне заглянут — посмеются и только.

И однажды Головин решил пробить лед любительского невнимания. Он завел себе скворчонка. Обычно птицеловы не держат скворцов. Хоть к садку эти птицы привыкают превосходно, поют много и охотно, но зато своей нечистоплотностью отравляют всякое желание держать их. Любит скворец купаться. В клетке у него — настоящее болото. Поставишь в клетку чашку с водой — птица моментально в нее. Вода льется через край, брызги на всю комнату.

Федор Федорыч ухватился за скворчонка. — Вот увидите. Говорить его обучу. Ни у кого такой птицы не будет, — разглагольствовал он в дальнем углу колхозного рынка, где обычно собирались птицеловы-любители. Знающие пожимали плечами, незнающие с уважением смотрели на Федора Федорыча, который ходил гоголем, заранее купаясь в лучах будущей славы.

Легче глухонемого научить пению, чем скворца разговору. Бездна упорства нужна, чтобы птица выучила два-три слова. А произносит она их шепеляво, с прищелкиванием и свистом.

Но Федор Федорыч не отступал. Под его неусыпным наблюдением скворчонок быстро превратился в ручную птицу. Он привязался к хозяину, как собака. Любил сидеть на плече, важно шествовал по пятам за хозяином, если тот расхаживал по комнате, радостно кричал и хлопал крыльями, когда Головин возвращался с работы. Но говорить...

Часами стоя перед клеткой, Федор Федорыч бубнил одно и то же слово: «Скворка, скворка, скворка». А черный в белых крапинках и рябинках скворка удивленно поглядывал, щелкал клювом и молчал.

— Тьфу, дурак! — обычно говорил Федор Федорыч, в изнеможении опускаясь на стул. — Что за беспонятная птица!

Так длилось несколько месяцев. В конце концов Головин махнул рукой на нерадивого питомца. Но скворец не даром ел свой хлеб с морковью. Он научился лаять, кудахтал курицей, трещал сорокой и ужасно надоел любителю уникальных птиц.

— Тьфу, дурак! — с сердцем говорил Федор Федорыч и набрасывал платок, когда не в меру расхаживавший ученик начинал подражать скрипу дверей.

— Куда бы его отдать? Подарить, что ли? Хоть бы Дуров который-нибудь приехал, так я бы его туда, в цирк, — вслух размышлял Федор Федорыч.

Все знакомые Головина превосходно знали достоинства уникальной птицы. Если Головин заводил вкрадчивую речь: не хочет ли кто подержать скворца, — они поспешно отказывались, брались за шапку и уходили. Пробовал Федор Федорыч уносить выкормыша за город, но неизменно приносил обратно: крылатый питомец не желал улетать от приемного отца и не отходил от него ни на шаг.

— Жалко оставлять. Что ж, я злодей какой? — рассказывал Головин. — Ведь он, хоть и подлая птица, а все-таки воспитанник.

В одно веселое воскресное утро скворец так надоел хозяину своим скрипом, что Федор Федорыч сорвал клетку со стены и стал торопливо завязывать в платок.

— На базар тебя, подлеца, снесу. Даром отдам, скрипуна паршивого, — говорил он, с остервенением затягивая концы платка.

— Ть-фу, дуррак, — вдруг сказала птица.

— Чего, чего? — озадаченно пробормотал Федор Федорыч, отступая.

— Ть-фу, дур-р-рак, ччи, — еще звонче повторил скворец из-под платка.

...С тех пор клетка с уникальной птицей висит в комнате Федора Федорыча на самом почетном месте, а любители-птицеловы табунами ходят к нему послушать говорящего скворца.

Чижи

Совсем свободная осень. Можно охотиться, писать, рисовать, бродить по светлеющим чашам, сидеть на пеньках по полдня. Не было еще в моей жизни лучшего времени и лучшего отдыха. Так вот в середине сентября, ясным утром, отдохали мы с товарищем на вырубке у края высокого

леса.

— Хорошо! — говорил товарищ.— Хорошо-то как! Не придумать лучше. И почему я раньше мало ходил в лес? Ну, сбегая раз-два по грибы, за земляникой схожу и все.

А тут ведь...

Он не договорил и широко повел рукой по елкам, по осинам в блеске солнечного утра.

Вопила желна в глубине леса. Свистели рябчики задорно и серебристо. Малой черточкой кружил над вырубом подорлик, и едва долетал сюда его приглушенный крик: «кьяк, кьяк».

Вдруг в яркой утренней выси горсточкой маковых зерен мелькнула стая птичек.

— Пие-пие... пи-тиви, пи...— мелодично и звонко пропиликали они.

Я встрепенулся и следил за птичками, пока они не потерялись в голубизне над лиственницами, над желтыми шалами берез.

— Чижи ведь пролетели! — сказал я товарищу.

— Ну и что?

— А то, что чижи,— повторил я и не стал рассказывать человеку, для которого все птицы были одинаковы, как дороги мне махонькие зеленые пташки с черными копейками на головах, с желтыми разводами по краям хвоста.

С чижами прошло мое детство. Золотые осени. Кривые березы заброшенного парка с ветками до земли. Нищие бурьяны. Осенняя земля, осенняя грусть в стылом октябрьском ветре.

Чижи! Сколько просидел я холодных зорь в заиндевелем скраде с веревкой тайника в руках, поджидая пролетную стаю. И отсюда, быть может, навсегда запало мне в душу неизбывное чувство тепла к солнышку, к лесу, к земле.

Я надумал припомнить прошлое, половить чижей так, как ловил двадцать лет назад.

Захотелось узнать, так ли уж далеки те годы, до которых тянись — не дотянешься, а все-таки где-то близко они.

Вскоре, я снаряжился поискать место. Все мои старые тока давным-давно оказались в городской черте. Где раньше водились рябчики да росли исполинские осины, сейчас стояли крупноблочные дома, был газ, асфальт, детишки в песочниках и старухи на стандартных лавочках.

От последней остановки трамвая я пошел через переезд вдоль железной дороги и все уходил, уходил прочь от города, пока, наконец, не наткнулся на то, что искал.

Большой выработанный торфяник подступал к насыпи с одной стороны.

С другой — ольховый ложок выпадал из высокой березовой рощи.

Можно подумать: пришел в лес, повесил клетки, «расколотил» сеть и лови себе...

Да только никогда вы не поймаете ни одной из этих миниатюрных птичек без знания их повадок, без выбора надежного места.

Чиж — лесная птица. Всю жизнь он проводит в вершинах, и только жажда заставляет его спускаться к земле. В высоком сухом лесу нечего рассчитывать на удачную ловлю.

Стая за стаями чижи пойдут по макушкам, откликаясь на голоса приманных, но ни одна птичка не метнется вниз, не спустится на землю под сеть.

Надобно, чтоб лес был кормный, лиственный. В хвойном чижи не задержатся.

Другое дело низкий болотистый ольшаник, с березами, с липой, с осиной — тут чиж останавливается кормиться и, если к тому же есть вода, ключики и мочажины, охотно «валится», как говорят птицеловы, на ток, под сеть.

Такое место я и разыскивал. В ольховнике бежал ручей. Листья густо лежали на живой шевелящейся воде, тут же росла кривая ива и веером стояли сероватые ольхи, но низам затянутые густой крапивой.

Черт знает, откуда берется такая высокая плотная жгучая крапива в лесу. Она растет здесь площадями, и, как ни бережешь руки, обязательно опалишься.

Расчищая место для тока у самого ручья, я умудрился до сплошных белых пятен изжалить кисти рук и даже лицо прихватил порядочно, хотя топтал крапиву ногами и отбрасывал в сторону.

После получаса работы получился ровный прямоугольник метра четыре длиной и два в ширину. Я очистил его от корней и листьев, утоптал рыхлый кофейный перегной. Ток был готов. Оставалось построить неподалеку шалашик и можно завтра ловить.

Скрад я загородил у ствола единственной сосны, что росла на другом берегу ручья. Покрыв его пучками крапивы, лесным осотом, присыпал листом.

Все! Довольный оглядел место. Оно нравилось мне — такое ручьевое, незахоженное. Я люблю устраивать тока в лесу, налаживать избушки, копать простенькие колодцы, искать потаенные ключевины. Работая в лесу, роднишься с ним, доверяешься ему, и тихо становится в душе, словно никогда и не бывало там ни тревог, ни горестей, ни разного другого житейского мусора.

А на другой день, чуть забрезжило, я уже был у тока с тайником — птицеловной сетью, западенкой и двумя маленькими клеточками-барашками, где прыгали приманные чижи.

Западенку с синичкой-московкой я повесил в стороне, чтобы не пугала других птиц, а клеточки с чижами поставил на току. Тщательно, неторопливо наладил сеть. Забросал ее листьями.

Еще оцепенело молчал лес. Он уже проснулся, но нежился в холоде рассветного тумана. Редкий шорох падающих листьев не нарушал общей тишины и покоя.

Утро было пасмурное, мгlistое. И потому казалось, светает долго. Но вот пронзительно завопил малый дятел, откаркнулась кедровка, прошла с юрчаньем и кевканьем стая вьюрков, и лес будто встрепенулся, ожил, заговорил, зазвучал.

Синицы завозились по вершинам сосен. Еж шелестел, бежал куда-то. С десятков дроздов квохтал и переругивался у ручья: делил неоклеванную рябину.

Чижей не было слышно. Вместо них, попискивая на лету, к току примчался голубой поползень и начал бегать по корявой иве вверх и вниз, вверх и вниз — подвижный и бойкий, как мышка.

Ну, беда! Уж я знаю нрав этой короткохвостой длинноклювой и умной пичуги. Сейчас она станет снижаться на ток, набирать полный клюв конопляных семечек, относить в сторону и рассовывать про запас в трещины коры. Можно кидать шишками, хлопать в ладоши, даже стоять на току — ничего не поможет. Обнаглевший поползень будет прилетать и улетать, вертеться чуть ли не под ногами, пока не очистит ток до единого зернышка. Мало того, он сгоняет с места прилетевшую птицу и преследует ее так же, как делают это верткие пеночки. Их тоже очень не любят птицеловы.

Единственное средство избавиться от поползня — накрыть его сразу, посадить в отдельный садочек с водой и кормом, а закончив ловлю, выпустить где-нибудь подальше.

Едва сизо-голубая птаха соскочила на ток, я дернул за ¹нур. Сеть закрыла эту забавную полусиницу-полудятла.

Он не очень-то испугался. Слегка щипал пальцы длинным клювом, хитро глядел черным глазом: «Небось, выпустишь, не захочешь держать!»

И в запасной клетке поползень тотчас начал прыгать с подсолнушком в клюве, примериваясь, где бы можно подолбить.

Я прибрал сеть и снова сидел, курил, поглядывая, как облетают березы, слушал, как звенит в западне веселая московка.

— Цы-питы, цы-питы, цы-питы,—напевала она и все вертелась, все охорашивалась, топорила хохолок — такая маленькая черная и белополосая, будто заводная игрушка.

Ухо уловило далекие голоса чижей. Прошли стороной.

«Значит, пролет здесь есть»,— думаю я, а сам разглядываю стволы ольх, сероватые в мелких крапинках.

Вон тот гнилой пенек, наверное, светит в глухую ночь. И каков же этот ложок ночью?

— Кээ, кээ,— выговаривают в сосняке синицы-гаечки. Будто бы спрашивают: «Где? Где?» За то их и прозвали гаечками. Крик их можно передать и так: «гае, гае...»

Снова далекая переключка: «пи-пие! пие-пи!» Все ближе, ближе, ближе... Разом взялись, отвечают примаинные. Ближе, ближе голоса стаи. Пали. Смолкли. Значит, чижи сели где-то в вершинах. Я не вижу их еще, но по коротенькому чириканию: «черр... черр»,— понимаю, что прилетные уже заметили приманных и переговариваются, подвигаются к ним.

Самые азартные охотничьи минуты. Падут или не падут на ток? А что, если улетят? И так бывает. Защебечут, загалдят, тронутся разом... Поминай, как звали.

Сквозь неплотную крышу скрада стараюсь разглядеть силуэты птичек меж листьев и веток. Ага, вон один... Еще пара. Еще... Птички чистят клювы, перепархивают, опускаются пониже. Одна уже на кустике над самым током, смотрит вниз, не решается слететь. Вроде бы чижовка. Она серая, а чирик — тот яркий, зеленый. Видно-то Плохо. Птичка уже на току. Пугливо клюет. Рука стискивает веревку. Не крою. Самка не нужна. Они не поют. Вот и чирик «сваливается» на ток. Крыть? А вдруг там, наверху, лучше, красивее?

Спугнешь всех! А ну как не спустятся? Крыть?
Нет, не буду... Пожужу. Может, еще пара выпадет...
Чижевка с тока вдруг слетает, следом снимается чижик.
Эх, досада. Промедлил! Вот тебе «спустятся еще».
А стайка уж переговаривается по-отлетному: «черр-черр... черри... черр».
И вот: «пи-пие, пи-пие, пи...» — значит, полетели.
Ну, дурак, разиня, горе-птицелов! Что только не наговоришь в досаде на свою голову. Никогда не слышал самокритики сильнее, чем на охоте.
Ведь мог бы! Мог бы!
А вдруг все бы спустились?
«Вдруг! Вдруг!»
Ладно, сейчас как хоть один чижик сядет — так и накрою.
Еще прилетят ли?
Голоса чижей. Три желтые птички садятся над током. Старые самцы. Оперение у них всегда ярче. Один желтый, как бабочка, чижик метнулся к току, попорхал над ним, присел на мгновение и так испуганно-стремительно сорвался вновь, что я не успел дернуть веревку.
Два других слетели к ручью, напились, и вся тройка разом взмыла ввысь.
«Эх, невезучка! — подумал я. — А чижик-то был, просто кенарь — не чижик! Весь желтый. Старые, их на мякине не проведешь. Крытые, наверное, не один раз».
Так бывает на охоте. Раз — неудача, два — неудача, разволнуешься, и пойдет...
Я затих в шалаше и с досады не сразу заметил, что к току из кустов выбежали два дрозда. Дрозды некрупные. Не певчие ли? Через некоторое время убедился: они.
Певчий дрозд — редкая добыча. Все меньше их гнездится под городом. Ловить их исключительно трудно. Осторожен большеглазый любитель еловой глухомани. Оба дрозда остановились перед замаскированной сетью. Долго стояли — обдумывали, стоит ли перешагнуть. Но, очевидно, очищенная от листвы земля привлекала их. Птицам хотелось поискать червей. И вот один быстро перебежал в ток, за ним несмело переступил сеть другой.
Я рванул шнур. Сеть перекинулась. Один дрозд заскакал, накрытый ею. Другой вылетел, перепуганно чакал на осине, дергая хвостом.
— Певчего добыл! — радовался я, усаживая клюющего пленника в темную клетку, обшитую клеенкой. И тут же снова схватился за веревку. Стая чижей штук пятнадцать-двадцать с гомоном села в ольховник. Птички разом посыпались к воде. Началось купание, плеск, чистка перышек. Все это было в двух шагах от скрада. Ступая на галечки, на сучки, лежащие в воде, чижики полоскались, встряхивались и охорашивались весело и живо, как дети. Два-три старых чижа держались в полдерева. Сторожили. Вот один чиж перелетел к току, за ним другой и остальные.
Раз! — зеленый чижик спрыгнул в ток. Два — еще пара. Три! Четыре! Пять!
— Крой! — приказал я себе и, зажмурясь, дернул веревку.
Не знаю, кто как, а я на ловле чижей испытываю самую большую радость, когда лечу к сети, а сердце уже ждет: ну, какие там попались?
Желто-золотистые, старые птицы, или зеленые с желтизной или совсем тусклые — молодые?
Уже в пяти шагах вижу — накрыло четырех: двух серых чижевок, одного чижонка из нынешнего выводка и чижа старого, великолепного с черной «запонкой» под клювом, с огненно-желтыми перьями в хвосте.
Бережно раскручиваю сеть, выпускаю чижих и молодого и бережно, как величайшую драгоценность, несущу в ладонях трепетную, теплую птичку. Никому, ни за что не отдам я ее сейчас. Я счастлив, я молод, я снова в тех годах юности, когда вся жизнь впереди.
Собрав сеть, сажусь поесть у скрада. И на охоте, и на ловле всегда до изнеможения голодаю, пока без добычи. Зато и сладок хлеб мой — самый простой ржаной хлеб. Ем его, собирая крошки с ладоней. А вода, вот она рядом — крутая родниковая вода.

Синичьи пляски

Вы никогда не видели, как синичка пляшет? Сначала я сам думал, что такое бывает только в сказке. Вот однажды вышел я на улицу и остановился у крыльца. До того хорошо было утро: тихое, теплое, прозрачное. И небо над головой необыкновенно яркое, высокое. Справа по

горизонту оно подернуто ровной белой тучей, а от края ее словно обрывалась такая бездонная синяя глубь, что страшно было подумать. Вот так бывает на большом озере: сперва идет мелкий и светлый откос, сквозь прозрачную воду видны все камушки, гальки и раковины перловиц, а потом вдруг сразу обрыв.

Я полюбовался небом и вдруг услышал удивительную птичью песенку, будто кто-то шел по улице с ведрами на коромысле, и они, раскачиваясь, мерно скрипели: «цыпи-цыпи, цыпи-цыпи, цыпи-цыпи». Догадался, что поет синица-кузнечик. Где же она? Я окинул взглядом высокие тополя и увидел птичку на длинном голом суку. Но что это? Не сошла ли она с ума? Синичка прыгала вдоль сучка, поворачиваясь в воздухе кругом. Только хвост мелькал. И все время напевала: «цыни-цыпи, цыпи-цыпи».

«С чего бы кузенька так развеселилась?» — подумал я и понял: она радуется концу зимы, как радуется человек, и звери, и, может быть, каждая дремлющая почка. А потом, поглядев вокруг, я увидел, что не одна синичка почуяла весну. Над крышей длинного пятиэтажного дома вились галки и голуби. Должно быть, там уже шла борьба за места будущих гнезд. Галки кричали пронзительно и жалобно: «кья? кья?»

«Чья? Чья? Чья квартира?» — словно спрашивали они,

а «миролюбивые» голуби даже не думали улетать: «Вот еще! Уступать место каким-то черномазым нахалкам!» Так и улетели галочки ни с чем. А ведь прежде они из года в год жили под этой крышей. Едва стих галочий крик, как ясно послышалось унылое гуркование голубей. А несколько штук слетели во двор, расхаживали у моих ног. И уже ясно было, что голуби разбились на парочки. Вот как усердно кланяется своей подружке толстый сизарь с фиолетовым блеском зоба. Он и хвост развернет и подбежит, и волчком покружится. Видимо, в марте и голуби по-своему пляшут. Да что голуби! Вот воробьи на акациях совсем с ума посходили: дерутся, чиликают, орут хриплыми одичалыми голосами кто во что горазд! А иной старый воробей не стыдится, что весь в саже, поднимет хвостик торчком, распушит крылышки и таким гогаем на ветке повертывается. Наверное, думает, что красивее его во всем свете птицы нет.

«Да, — подумал я. — Все готовятся Весну встречать». А может быть, уже пришла она, прячется где-нибудь на припеках, за ветром, и там, где побудет недолго, мокрым сахаром станет снег, обнажится черная кровля и заплачет бегущей капелью, от радости заплачет. Тонкий пар пойдет от влажной сохнувшей крыши — первое дыхание Весны. И согретая этим дыханием на теплую парную доску вылезет муха. Сидит, греется. Выползет из щели лохматый домовый мизгирь, и нет в нем пока его паучьей суровости. Добродушно он смотрит на муху всеми своими шестнадцатью глазами, машет лапами, а мне кажется, что этот заспанный паук почесывается, зевает во весь рот, крестится на свой крест и бормочет; «Охо-хо! Слава тебе, господи, до тепла опять дожили!»

Много можно увидеть, если искать места, где прячется молодая Весна. Вся беда в том, что робка, пуглива она, и чуть подует сибирским ветром, ее уж не увидишь: спрячется невесть куда. Будто и не бывало Весны. Ярким белым озимком закроется снег, закружит метель, остеклятся лужи. И ступай, ищи Весну — все равно, что мартовский ветер в пустых полях.

Мне всегда казалось, что Весна убегает, прячется в родниках и ключах, за стволами деревьев в лесных чащах, и я уходил из города ее искать.

Вот иду я на лыжах по течению замерзшей Исети. Санная дорога тянется слева, обходит полыньи, желтеет по наледям. Утро. Все как в феврале: и мороз, и туман, и желтое солнце над перелесками. Впереди снимается с дороги большая стая странных птичек — белых с черными крылышками. Это пуночки. Снежные подорожники — так зовут их в народе. О чем может сказать стая взлетевших птичек? А она говорит, что Весна здесь. Только дважды можно увидеть пуночек у нас, на Среднем Урале. Первый раз поздно осенью, когда летят они с севера, второй — ранней весной, в марте, пуночки двигаются обратно в свою равнинную безлесную тундру, освещенную незаходящим солнцем. Кому что: лягушке — болото, кулику — мокрый луг, филину — ельник, а пуночке — тундра — страна багульников и мхов, голубики и морошки.

Одной осенью поймал я несколько снежных подорожников. Подержал в большой клетке. Скоро птицы наскучили мне. Были они пугливые, малоподвижные. Поклюют зерна, заберутся на жердочки и сидят, изредка переговариваясь друг с другом: «гу-гу-гу, гу-гу-гу». И больше ничего. Весной отвез я их в поле и выпустил. А когда полетели они, как три белых платочка по

ветру, очень жалко их стало — до того хороши в полете снежные подорожники.

И час, и другой иду вдоль дороги и согрелся уже от быстрого бега, а Весны все нигде не видно. Снег нетронут, дымятся наледи, белым-бело кругом. Надо своротить в лес, выбраться на южные склоны гор, так будет вернее. Я пробираюсь через безмолвные перелески, засыпанные снегом густые сосняки. Зимняя немота кругом. И даже птиц никаких не видно. Бел, плотен, нетронут снег, лишь макушки мелкой поросли торчат из сугробов. Нет здесь Весны. Но вот я слышу взмахи крыльев. В ясном небе невысоко, но быстро летит ворон. Вдруг он сбивается с прямолинейного полета, поворачивается, словно вокруг оси, кувыркается, как подстреленный, и снова мчится вперед. «Крон, крон, крук-крук» — басовито кричит ворон.

А это значит, что ворон приветствует Весну. Где-нибудь в глухом уголке леса, на высоченной сосне, он уже устроил грубое гнездо. И, наверное, ворожиха уже сидит на нем неотступно. Иначе бы она летела вместе с вороном. Пары у этих птиц постоянные, на всю жизнь, как у лебедей и аистов. Ничем не похож ворон на лебедя, а за птенцами так же ухаживает, и гнезда защищает, и обучает молодых воронят.

Ворон раньше всех начинает гнездиться, уступая лишь клесту. А за вороном начинают строить гнезда другие родственные ему птицы: серые вороны, сороки, галки, кукушки, кедровки и сойки. Вот, наконец, следы мне попались, широкие, похожие на коровьи, только значительно больше. Здесь прошли лоси. Вот и лосиная поедь. По пути звери кормились, обкусывая молодые ветки осин. Веточки будто перочинным ножиком наискось срезаны. Иду по следу и определяю, что делали лоси. Тут шли медленно, неторопливо, тут кормились, бродили по осиннику, поднимая грудью тонкие осинки. Дальше снова шли стадом, а вот стояли, не то прислушиваясь, не то присматриваясь к чему-то, потом разом пошли в сторону машистой рысью.

Я свернул по сыпучему снегу и скоро нашел то, что напугало лосей. След волчьей стаи. Волки пробежали здесь перед рассветом, пробежали, как разбойники, гуськом, след в след. Еще хорошо, что нынешний март холоден, нет на снегу ледяной корки наста, по которой свободно пробегают волки и проваливаются, обдирая ноги до костей, косули и лоси.

Много их гибнет от волчьих зубов, когда появляется наст. В марте нет у лося и рогов: совсем безоружен огромный зверь, если б не спасительные ноги да не острые копыта. Потому так чутки лоси весной, даже след волков заставляет их менять направление.

Идти на лыжах по снежной целине становится жарко. Да и солнце уже пригревает, кончается утренний заморозок.

Я выбираюсь на южный склон увала и сразу попадаю во владение Весны. Снег тут серый, рыхлый. На полянах он покрыт тонкими корочками — блинами. Стволы деревьев у опушки обтаяли до земли. Торчит у корней зеленый жесткий брусничник, блеклые соломинки, прошлогодние шишки. А если встать на колени и приглядеться, увидишь, как ползают по стволу комарики-хионеи, паучки и «снежные черви» — личинки жуков-мягкотелок, — тех узеньких, зеленоватых, красных или синеватых жуков с мягкими надкрыльями, которых летом найдешь в каждом огороде, в каждом затравенелом дворе.

Я всегда удивлялся способности насекомых жить среди снега. Ведь утром термометр показывал — 15°, а тут в полдень ползают букашки. А недели через две и бабочки залетают. Самой ранней бабочкой в лесу бывает весенница березовая. Она не велика, меньше обычной крапивницы, и летает быстро, как коричневый огонек. Однажды встретил я двух этих бабочек, гонящихся друг за другом над заснеженной поляной. Был полдень и было тепло. А к вечеру подул пронзительный ветер, я прятал руки за пазуху, тер нос, чтоб не обморозиться.

«А где же бабочки?» — почему-то вспомнил я, возвращаясь по дороге через ту же поляну. Вскоре я увидел их обеих. Весенницы сидели на дороге на комьях навоза. Они грелись.

Если на северном склоне увала птиц почти не было видно, то здесь, на солнечной опушке, они попадались все время.

По проталинкам возле стволов копошились хохлатые синицы-гренадерки. На вершине сосны колокольчиком звенела московка. Две пищухи лазали, шуршали по коре, непрерывно перекликаясь друг с другом. Серые, подслеповатые, странные птички! Они подпускают на полметра и улетают, лишь когда протянешь к ним руку.

По гнилой березе без вершины скачками поднимается пестрый дятел. Вот поднялся до скола, замер, откинулся, И вдруг резко и часто, так что едва можно было уловить взглядом, ударил но

стволу. «Кра-а» — застонало дерево. И звук этот, резкий и странный, совсем не похож на барабанный бой с которым так часто сравнивают стук дятла.

А если бы вы услышали, как стучит большой черный дятел-желна! Дерево стонет на многие километры. Сам черный дятел — обитатель глухих лесов, и встречается он только там, где есть высоченные башенные лиственницы. В них он гнездится. Кто бывал в этих лесах, тот, наверное, слышал дикий, пугающий крик желны, словно заунывный вопль лешего.

Зато самая милая, симпатичная птичка — дятел малый. Сам он не больше воробья, пестренький, подвижный, любопытный. Завидев человека, он никогда не улетает при его приближении. Только переберется на противоположную сторону дерева и выставит из-за ствола голову с озорным глазом. Наблюдает.

Так и не увидел я Весну, сколько ни ходил по лесу, только следы ее встречал на опушках и полянах, на снегу и под снегом. Да, и под снегом тоже! Раскопал я снег на одной полянке, а там зеленые травинки, яркие, свежие. О Весне сказала мне и веточка вербы. Я принес ее домой, поставил в вазу, а наутро с удивлением увидел крохотные серебряные огоньки. Ветка ожила за одну ночь.

Приемыш

Однажды, в самом начале июня, я собирал жуков и бабочек в окрестностях деревни Коптяки. Ничего нового для коллекции долго не попадалось. Я ходил по зарастающей вырубке, косил сачком по молодой траве, по желтым бубенчикам купавок и листьям осинки. Но каждый раз, с надеждой заглядывая в сачок, испытывал разочарование. Самые обычные листоеды, лесные клопы-краевики, комары и мелкие пяденицы взбирались вверх по марлевым стенкам. Изредка попадали полосатые цветочные усачи.

«Не попытать ли счастья в лесу?»—раздумывал я, хотя знал, что разыскать жуков там будет намного труднее. Не один километр отмеришь по жаре, сотню пеньков осмотришь со всех сторон, пока удастся поймать новую бронзовую златку, сине-стальную жужелицу или хищного жука-скакуна с японскими иероглифами на спинке.

Жуки искусно прячутся под корой сухостойника, в трухе пеньков и колод, в грибах и цветочных венчиках.

Становится жарко. Солнце печет голову и плечи. Серые слепни кружат возле меня, норвят незаметно прилипнуть. Отмахиваясь от них, я свертываю с вырубке в сосновый бор и потихоньку двигаюсь прочь от опушки. Чтоб не потерять направление и не заблудиться, я использую три простых прибора, они заменяют мне во всех походах компас и карту,— это солнце, щека и нос. Углубляясь в чащу, я замечаю, в какую щеку светит солнце. Нос указывает нужное направление. Кроме того, я заранее соображаю, в каком положении относительно щеки будет солнце, если придется повернуть назад.

Медленно шествую по лесу. Сухой нагретый воздух с полей еще не проник сюда. Тень и свежесть меж соснами. Я оглядываю их стволы, осматриваю редкие цветы. Жуки попадают. На осиновом пне, облитом розовым бродящим соком, я захватил целое семейство черных и блестящих карапузиков-плоскушек. С засохшей наклоненной ели снял синего усача. А на трухлой березовой колоде оказался такой удивительный слоник! Весь, как береста, в черных, белых, коричневых крапинках. Цепко и сильно упирался он колючими лапками, пытался разжать мои пальцы. Пока я рассматривая новое сокровище, восторгаясь им и укладывал в коробку, в лесу вдруг стихло, потемнело. Накатилась короткая июньская гроза. Раскальвая небо, широко мигнула молния. Треснул, покотился над вершинами молодой гром. Крутой дождь защелкал по листьям и папоротникам.

Я побежал укрываться под шатровую ель. Сел, прижался к ее шершавому серному стволу, отмахивался от комаров. Переждал дождь.

Он сыпался с градом, густо и прямо, точно горох из распоротого мешка, и стих так же внезапно, как начался.

Снова выглянуло солнце. Вспыхнуло в каплях на мокрой траве, заблестело на омытой зелени. Сладко запахло хвоей и цветами. Еще звонче запели зяблики и веснички. Заюрчал в стороне вьюрок. И вдруг громко, отрывисто и нежно засвистал певчий дрозд. «Ю... вью, фью-фи, фу-фи» — торжественно филилюкал он в темной еловой низине.

Давно не слышал я певчего дрозда. Под городом они совсем перевелись. Их вытеснили

неприхотливые стайные рябинники и сороки. Да, насколько можно было заметить, этот небольшой, желтокрапчатый осторожный дрозд чуждался близкого соседства с людьми. Он селился в еловых болотах, урманных ельниках и логах и только на рассвете да поздно вечером, когда дотлевают закаты, можно услышать его дикую и приятную флейту, будто голос самой глуши.

— Ох, наверное, тут гнездо, — сказал я себе и тотчас стал спускаться по склону. Мне очень хотелось найти гнездо «певчего» с птенцами и взять одного-двух для выкармливания. Иначе невозможно было раздобыть великолепного певуна. Взрослую птицу поймать очень трудно. Она дика, в клетке бьется в кровь и уж конечно не поет. «Вот если бы удалось найти гнездо!» Высоченные ели постепенно вытесняли сосну и березняк. Их широкие дохи в светлых огоньках молодой хвои и цветочных шишек были так густы и свежи. Молодые елки дружно и упруго подымались на прогалинах. Лишь кое-где среди этой буйной густой хвои белел тонкий ствол березы и высоко-высоко в просветах солнечного неба трепетала ее жидкая крона.

Здесь было комариное царство. Комары вились со всех сторон, зудели и скулили над ухом. Я отмахивался веткой, отирал лицо рукой, а они, как мелкая сетка, трепетали перед глазами, лезли в рот и в нос. Очень скоро руки и шея стали гореть, будто ошпаренные кипятком, а на висках и затылке всплыли зудящие желваки.

Дрозд смолк. Я не слышал его, не видел, куда он исчез. Но я хорошо знал необычайную пугливость этих птиц, особенно вблизи гнезда. Самка бросает насиженную кладку, если ее неосторожно потревожат.

В еловом густяке отыскать небольшое гнездо почти так же трудно, как иголку в стогу сена. Целый час крутился я по ельнику, тщетно пытаюсь привыкнуть к укусам Комаров. Привычка не получалась. Руки и шея нестерпимо зудели, а комаров словно кто подсыпал — тысячами выбирались они из мха, кочедыжника и хвощей. Я осматривал островины молодых елок, раздвигал ветки, становился на колени. Гнезда не было.

— Нет. Не могу больше! — вслух сказал я кому-то и заспешил вверх из этой комарной дыры. — Скорее! Скорее!

Взгляд упал на обломок гнилой березы возле ели-подростка. Что-то необычное почудилось в его сломе. Я шагнул ближе и обнаружил глиняное гнездо дрозда. Оно помещалось как раз в углублении от гнилой сердцевины. Пять оперенных желтоклювых дроздов с птенцовыми пушинками на головах сидели плотно друг к другу, будто грибы в кузовке.

Можно было удивиться, как поместились они в гнезде, величиной не более чайной чашки.

При моем приближении слетки замерли, вертикально подняв клювы, а затем с коротким цвириканьем выскочили и полетели в разные стороны. Через полминуты они исчезли в траве под елками.

Невесть откуда вынырнули дрозды-родители и возбужденные застрекотали, не приближаясь, однако, на целый ружейный выстрел. Я был озадачен невиданной прытью малышей и не сразу заметил, что один птенчик никуда не улетел, а спокойно сидит на траве у носка моего сапога. Ох ты какой!

Вид у дрозденка был задумчивый, круглые глаза смотрели с ребяческим доверием. Видимо, он был самый маленький из семьи — последний. Такие обязательно есть в каждом птичьем гнезде.

— Ну, раз ты не сбежал, пойдемка со мной! — сказал я ему и, осторожно взяв птенчика, посадил в фуражку, бегом помчался вверх, спасаясь от тучи завывающего комарья.

Комаров нетрудно обмануть. Достаточно несколько раз перебежать, резко меняя направление между деревьями, как большинство полосатых кровопийц останется с носом...

...Дома дрозденочек, не в пример прочим, оказался удивительно смирной птицей. Он, не раздумывая, принялся есть хлеб, размоченный в молоке, и вообще держал себя спокойно и приветливо. Как охотно бежал он ко мне из своей корзинки, когда приносил я ему горсть земляных ервей!

С каждым днем я больше и больше привязывался к приемышу. Его крапчатая грудка напоминала мне ельники, лесные рассветы и песни болотных комаров.

Он остался небоязливым и через два месяца, когда уже был стройным ладным дроздом на высоких ножках, с коричневой спиной и темными вдумчивыми глазами. Часто я выпускал его из клетки, и он позволял себя гладить, трогать за хвост, накрывать ладонью.

Приемыша баловали все, как могли.

Единственное сомнение возбуждал у меня пышный ласковый кот Васюта. Васюту все любили за добрый и кроткий нрав. Даже взгляд его зеленый, дремучий внушал уважение. Воспитанный в нашем доме, где всегда было полно всевозможных птах, птенчиков и зверьков, кот никогда не трогал птиц. Единственное, что позволял он себе в присутствии людей, изредка коротко поглядеть на клетки и тотчас презрительно зажмуриться. Не мое, мол, дело. Однако к дрозду кот проявил более пристальное внимание. Однажды, зайдя в кухню, где висела клетка с дроздом, я застал такую картину. По дну садка медленно рогуливался дрозд с возбужденно задранным хвостом, а сверху на крышке лежал Васюта.

Иногда кот прыгал на стол, становился на дыбки и, доставая таким образом до садка, долго и внимательно наблюдал за птицей. Ушастая голова Васюты склонялась то вправо, то влево, кончик хвоста заинтересованно шевелился.

Сперва дрозд почти безучастно относился к подобным осмотрам, но очень скоро нахальство кота стало сердить молодую птицу.

Приемыш злобно вытягивался, прижимал все перья и щелкал клювом.

Я прогонял кота прочь. Он обиженно удирал под кровать, затаивался, а через день-другой начинал новые наблюдения.

Тогда, опасаясь за жизнь крапчатого питомца, я перенес клетку в столовую и повесил высоко над столиком с китайской фарфоровой вазой.

«Уж тут-то тебе его не достать»,— подумал я, удовлетворенно глядя на высоко поднятую клетку. Вечером я услышал из комнаты трескучее чириканье, вопль кота, стук и звон разбитого стекла. Открыл дверь. На полу валялась расколотая ваза, кот сидел под столом, облизывая окровавленный нос, дрозд воинственно бегал вдоль решетки.

— Досталось? — сказал я Васюте и вознамерился про¹честь ему лекцию о правилах поведения, однако он стыд-; ЛИБО шмыгнул меж моих ног и умчался на кухню.

Наблюдения прекратились. Подошла зима, и кот не слезал с печи, разве только за едой и нуждой. Дрозд по-прежнему охотно сидел у меня на руках, позволял гладить по спине и пачкал колени известковым пометом.

Приемыш не любил сидеть в клетке. Он пользовался каждым удобным случаем, чтоб немного полетать, побегать на полу, поклевать земли в цветочных горшках на подоконнике или выкупаться в тарелке с водой, которую я ставил на пол. К купанью птица относилась серьезно и как бы священнодействовала. Сначала дрозд подходил к тарелке и пробовал воду клювом, потом он размешивал ее быстрыми круговыми движениями, легонько ополаскивал голову, после чего забирался в тарелку с ногами и долго стоял, склонив голову набок, отмачивая налипшие соринки и грязь. Лишь после всех этих процедур начиналось купание в полном смысле, когда Приемыш полоскался, как утка, подхватывая крыльями воду на спину и блаженно замирая, распутив все перышки.

При этом дрозд никогда не забывал настороженно оглянуться, как настоящая дикая птица.

Однажды, не закончив купанья, он вдруг визгливо застрекотал и взлетел на стол.

Из-за приотворенной двери я увидел такой алчный, светящийся взгляд Васюты, какого еще не видывал. «Не миновать беды»,— подумал я тогда. А через несколько дней на работе я вдруг припомнил, что дверца садка осталась открытой с утра.

Весь день я мучительно представлял картины самой Ужасной расправы, которую учинил кот над птицей.

Вот он прыгает на клетку, ныряет в дверь, писк, возня и все кончено. Приемыш погиб.

Или кот подстерег его, когда дрозд беспечно прогуливался на полу.

Или...

Я едва дождался конца уроков. Почти бегом побежал к дому. Отворил дверь, с тяжелым сердцем вошел в комнату. Так и есть. Клетка пуста. Я искал взглядом перья и кровь. Но ничего не было нигде. «Конечно, он задушил его и унес куда-нибудь в укромное место на кухню»,— подумал я, шагнул за порог и просто обомлел от удивления.

На полу, возле Васютиной чашки с объедками и моченым в молоке хлебом преспокойно стоял Приемыш. Он неторопливо выхватывал крошки посочнее и глотал их с той особенной быстротой, какая присуща насекомоядным птицам из породы дроздов. Проглотнет, посмотрит, подумает, снова проглотнет. А позади, шагах в пяти от птицы сидел Васюта, грустно посматривая на

непрошеного гостя.

Время от времени дрозд оборачивался, грозно щелкал клювом и сердито стрекотал для пущей остротки. Затем снова принимался за еду.

Я взял обиженного кота под пушистое брюхо и унес в соседнюю комнату. Почему-то мне стало жаль его.

Торфяник

Болото. Скажешь — и одному припомнится зыбучая тряси́на, провалы с застойной торфяной жижей, другому — зелень сырых лужаек с невысокими елками, с обломками гнилых берез, иному — неоглядная камышевая топь.

Болото... Страна лягушек и осок, невнятных шорохов и чистых птичьих голосов... Я расскажу вам про эту страну. Я бывал там часто и полюбил ее.

Болото начиналось сразу после загородных улиц. Последние кривые домишки смотрели прямо на него. Это был заброшенный торфяник. Разрабатывался он лет тридцать назад и с тех пор зарастал, год от году становился глуше.

В залитых дегтярной водой разрезах дремуче рос тростник и рогоз, лягушатник пустил по воде свои плавающие сети. По сухим горбоватым релкам густо поднимался осинник, березы и ольхи, кое-где оттененные кривыми сосенками с яркой и светлой болотной хвоей.

Глушь и дичь на таких релках. Черемуха, ива, хмель, вьюнки и неизвестно почему растущая тут высокая крапива образуют сплошную цепкую зеленую ткань, через которую невозможно пройти иначе, как прорываясь и продираясь с живым треском, хрустом и шелестом.

Через десяток метров, покрытый ссадинами от сухих ветвей, ошпаренный крапивой, изъеденный клубящимся полчищем голодных комаров, начинаешь отступать, и путь назад так же тернист и труден, как продвижение вперед.

Зато в таких вот дремучих углах водятся не очень известные уральцам соловьи, и повидать их, пожалуй, стоит.

Соловей — птица угрюмая, живет скрытно, петь любит по немым ночам, на белой заре. Оттого, знать, сложилось ходячее мнение: «Соловьи у нас не живут, холодно им. Вот на Украине, там их как воробьев... по вишням гнездятся десятками».

А гнездятся соловьи на земле.

Есть на торфяных релках широченные сухие кусты — дромы. Получаются они оттого, что хмель и вьюнки душат Живой куст. Он засыхает на корню.

Дром — самое соловьиное место. Соловей в таком кусте шмыгает, как мышь — нескоро его заметишь — и чувствует себя в полной безопасности. Часто подпускает он наблюдателя метра на два, и неизвестно пока, кто удивляется больше — человек доверчивости птицы или соловей терпению человека, облепленного роем комаров.

Не шевелишься. Обрадованные комары поют и зудят, щекотно ощупывают шею, лоб и виски, примериваясь, куда бы получше вколоть хоботок, а птица сидит тихо, в упор глядя круглыми черными глазами. В них нет страха — одно добродушное любопытство и словно усмешка.

Посидев молча, соловей начинает поводить хвостом вверх и вниз, вкрадчиво приговаривая:

«карр... каррр... каррр...»

«Ну, что, мол, ты ждешь? Спеть, что ли?»

Замрешь — и птичка вдруг начнет выкрикивать свою звучную, щелкающую, рокочущую песню.

Трепещет ее серое горлышко, вибрирует язычок, вздрагивает рыжий хвост, глаза же смотрят загадочно и напряженно: «Что? Каково?» — чудится вопрос.

Бьет в уши, зачаровывает до дрожи удивительный звучный голос... Но один неосторожный шаг, приближающий на недопустимое по соловьиному мнению расстояние, и птичка смолкает, легко спрыгивает в чащу ломких ветвей, облепленных серебряными лишайниками, и растворяется там. Редко промелькнет ее охристая спинка, да меланхолическое «фи... фи...» говорит, что соловей поблизости, ходит, кормится, ворошит листву...

Здесь я увлекся — ведь рассказ-то идет о старом торфянике. Но, посудите сами, какой же торфяник без соловьев?

Особенно тянуло меня сюда по весне, не то чтобы соловьи привлекали, а просто для каждого времени года были у меня любимые места. Весной — болота, летом — река в лугах, осенью — лес, зимой же все помаленьку. Уже с ноября торфяник мертвенно пуст, завален безмерными

снегами, ни звука, ни движения. Разве что стайка снегирей пролетит да вылезет из камыша удивительная птичка — белая лазоревка с голубыми крыльями и синими полосками через глаз. Но лазоревки редки.

И вот бредешь километр за километром по сыпучему снегу, слушаешь снеговую тишину, а сухой шелест белесых тростников лишь дополняет впечатление омертвелости.

Не так хорошо болото и в летнее время. В однообразной дремучей зелени редок есть что-то удручающее. Птицы не поют, их не видишь, хотя чувствуешь, что кусты полны осторожного птичьего перепархивания и какой-то скрытой, неведомой глазу жизни.

Осенью пролетные стаи держатся ближе к полям, опушкам и перелескам и тянутся над торфяником высоко.

Зато весной не бывает места лучше заброшенного торфяника.

Я приходил сюда, когда снег начинал сереть и льдистые корочки-блины хрупко ломались под ногами. Кончался март. Теплело. И робкое дыхание новой жизни уже пробивалось там и сям. На дупловатых гнилых ивах ползали маленькие расписные дятлы со спинкой, словно вырезанной из бересты. Сухие камыши, обласканные солнцем, золотились тепло и весело. Уже пахло снеговой водой, и первые проталины просовывались по буграм. Они появлялись всегда неожиданно. День-два назад лежала плотно метровая голица сырого снега. Казалось, таять ему и таять, а вот «хруп» — нога ступила в сырую мякоть земли. И как же хорошо почувствовать эту землю после месяцев снежной зимы. Наверное, матросы Колумба вот так же радостно вздыхали, увидев желанные берета: «Земля! Наконец-то земля!»

В ясные апрельские полдни, когда все разом темнело, будто от первого загара, весь торфяник дрожал и переливался в блеске, в сиянии бесчисленных ручьев. Как ослепительно играло, дробилось в них вешнее солнышко! Как живо и весело голубела вода. И ступая по этим расплесканным небесам, по облакам, плывущим подо мною, и перешагивая через тысячи тысяч солнц, я готов был кричать:

— Где вы, художники? Где же вы, импрессионисты?! Почему не пишете такое пронзительно лазоревое небо, сизый снег, голубые ручьи, синий пруд за краем торфяника и теплый кобальт лесных увалов, далеких и неясных.

А по обсохшим буграм уж перелетают жаворонки. Их не вдруг замечаешь — так сливается перо с блеклым и ржавым сухотравьем.

Идешь, идешь, пока не услышишь мелодично-тревожное: «ти-тюри...»

Жаворонок выбежал на кочку. Стоит, удивленно подняв треугольный хохолок, будто воин в шлеме на древнем кургане. Вижу его крапчатую грудку, его дикие черные глаза и думаю, что такие вот невзрачные птички видели орды печенегов и половцев, это они звенели над головами русских ратников, идущих навстречу неведомому врагу. Жаворонки... Серые жаворонки! Без вас не проходит ни одна весна, без вашего голоса над полями нет русского лета, и даже через столетия, когда люди забудут смысл слова «война», когда помолодевшая земля невиданно расцветет, над ней все так же будут петь жаворонки, высоко в небе, на теплом ветру.

Без птиц торфяник показался бы голубой пустыней. Но их голоса сплетаются с говором ручьев, с тихим звоном воды, им радуешься, как вестникам солнца и весны.

Вот маленькие реполовы с красными печатками на атласных грудках. Они присели отдыхать на провода. И грустно-радостно льются их песенки. В них найдешь тихую печаль пасмурного дня, блеск ручьев, холодный ветер, северные елки, любовь и тоску — да мало ли что еще...

Не знаю, отчего композиторы не пишут музыку с птичьих песен, почему не слушают песенки птиц так же торжественно-благоговейно.

Вместе с жаворонками на сухих буграх появились самые простенькие весенние птицы — камышовые овсянки. Они похожи на воробьев. Неопытный человек как раз спутает. Только голова у них в черном капоре, да белым ошейничком щеголяют самцы. Овсянки эти смирные.

Идешь по гребню бугра, а птичка копошится на тощем весеннем дерне, выбирает мельчайшие семена и, жалко поглядывая, тихонечко тянет: «тсии... теми... и... и». Мне думается, она говорит: — Проходите, пожалуйста... Не спугивайте меня. Я бы слетела, уступила дорогу, да уж очень есть-то хочется... Проходите, пожалуйста...

Когда много бродишь по лесам и жизнь твоя идет вместе с пролетными стаями, березами и полевыми ветрами, начинаешь помаленьку учиться тому удивительному языку, простому и

мудрому, каким говорят птицы, лопочут листья, шумит вода, скулит ветер. Вот так же приезжает человек за границу, кругом все незнакомое, непривычное: дома, улицы, люди, одежда и речь. Кажется, никогда не привыкнет, а поживет, послушает, глядишь, понимать начал и сам заговорил. В лесу и в поле учишься по складам, многократно повторяя. Зато уж на всю жизнь запомнишь, если говорят сороки: «кук, крэк, крэк» — значит, у гнезда болтают, так себе, обсуждают, чей хвост длиннее, а если стрекодут: «ка-ра-га-ча-ча» — значит, человек где-то поблизости идет. Ранней весной все на болоте голо, просто, убого — как проста и убога всякая рань вообще. Наверное, земля наша на заре времен была такой же простой и скудной.

Одни вербы стоят в канавах, — как невесты, готовые к венцу. Дышит холодом сибирский ветерок, безжизненна желтая снеговая вода, но во всей этой нагоде, голости, неустроенности чувствуется что-то юное, чистое, робкое, еще не начавшее формироваться, но уже готовое к чему-то высокому и светлому. Так в угловатой нескладности девочки-подростка вдруг замечаешь черты удивительной женской красоты...

...Дни бегут. И неуловимо меняется облик торфяника. Уже не так безотрадно смотрят голызины ветвей в полдневную синеву, а серая щетина ивняков вдаль чуть зеленеет размытой акварелью. Золотыми веснушками мать-и-мачехи осыпаны торфяные бугры. Цветет калужница вдоль канав, зелеными ежами сделались кочки. Словно сбросила Весна голубую хламиду, осталась веселая, в зеленом сарафане.

Скворцы всюду. Они свистят по ветлам, бормочут на остожьях, скрипят по телеграфным столбам, мяукают и взвизгивают на дальних скворечнях, в такт прихлопывая опущенными крыльями, словно перед тем, как пуститься в пляс. Они пасутся в осоке, глянцевице чернея, бродят между кочек. Они шуршат в тростнике и проносятся над головой острокрылыми черными стрелами. Бекасиным бляньем туго гудит вышина. Чибисы с унылым изгибом странных крыльев вьются над неприступными кочками. На все голоса чисто и мелодично звенит пролетная куличья станица. Плаксиво-призывно канючит коршун: «иррр-а-а-а... иррр-ра-а-а-а!» Кажется, что потерял он какую-то Иру и вот летает, кружит, ищет — не может найти.

Две беленькие трясогузки с тревожным чиликаньем сопровождают хищника. Вьются вокруг, залетают вперед, бесстрашно шмыгают у самого клюва. А коршун, зная, не хочет их ловить, махнет раз-другой изогнутыми крыльями, плывет дальше, покрякивая свою Иру.

А я задумываюсь, может быть, правда у коршуна есть такая подружка. Почему бы не зваться ей Ирой. Имя самое модное. А то, что все коршуны кричат одинаково, — сущий пустяк. Ведь даже мы являемся жертвами моды, и уж если пойдут у нас все Светланы и Наташи — так нет им ни числа, ни края.

На болотную жизнь смотреть надо не торопясь, вдумчиво и пристально. Лучше всего медленно идти, выбирая дорогу посуше или лежать на теплом дерне, следя за плывущими облаками. Тогда словно чувствуешь движение земли, ощущаешь, как она, огромная, медленно и весомо поворачивается к солнцу и вместе с нею поворачиваешься ты сам.

Сладко греет солнышко, пряным дурманом кадит разомлевший багульник, и сыро пахнет оттаявшей землей и высыпками молодой травы.

А на сухие полянки среди болота слетаются гривастые кулички-турухтаны. Сперва петушки стоят друг перед другом нахохленными турманами, в глубоком раздумье. Но солнце греет, весна пьянит, кровь шибает в голову, и, раскинув дыбом цветные воротнички, они налетают друг на друга — только перо трещит. Рыжие кроткие самки смотрят на турнир, с женским любопытством вытягивая шеи.

Звенят жаворонки, поют коноплянки, в воде что-то булькает, всплескивает, возится. Смотришь — толчками плывет зеленая лягушка. Прекрасный стильный брасс.

Коричневый гладкий плавунец с разлету щелкнул в воду, кружит по поверхности, не может нырнуть в глубину — слишком пересох за долгую зиму. Сухие водомерки конькобежцами скользят по голубому зеркалу воды, любят свои длинными носами. Трудлюбивый водяной паук вяжет в травах свой серебряный подводный купол. А там, у поверхности, оранжевый, синий, пятнистый стоит тритон. Едва шевелит драконовым хвостом, поднял фиолетовый зубчатый гребень, холодные глаза, как две маленькие луны. Удивительное сочетание прекрасного и отвратительного в одном и том же.

Еще неделя — и загремят над болотом лягушачьи хоры, «залают» матерые голубые квакуны. И

верится, послушав вечером весь этот гам и стон, что есть такая лягушачья страна и живет там волшебная лягушка-царевна.

Весной па торфянике надо бывать часто. Не то проглядишь, как вспыхивают и гаснут короткие весенние чудеса.

Они возникают всегда неожиданно. Сегодня — нот, завтра — на тебе! Приходишь сегодня и видишь, как у берега пруда кружат стаи больших морских чаек. Рань и холод. Стылым розовым диском приподнялось солнце. И птицы выются в красном свете над лиловыми волнами, тоже розовые, как дети самой зари. Назавтра уж иная зоря красит тучи, иные голоса звучат в вышине.

Идешь зеленеющими ивняками — и вдруг выскочит на таловую макушку встрепанная птичка-голубогрудка. Раскрыв хвостик веером, зазвенит, как тонкая гитарная струна. Варакушка. Глядишь на нее, бормочущую на ледяной уральской заре, и удивительным кажется, зачем явилась она сюда, за тридевять земель, из Южной Африки. В пути стерегли ее ястребы и соколы, снежный ветер сбивал с пути, и земля, закрытая снегом, была голодна и неласкова, а она летела и летела прямо на эту релку, к таловому кусту, под которым вывелась из пестрого яичка, летела-несла немудрую песню северному солнышку дорогой родины...

А вот и май! В зеленом ситце идет весна. И торфяник оделся. И уже цветет по топям ядовитый белокрыльник, и белая кувшинка — нимфа раскинула по чистой воде свои листья-ладошки. Ее волшебные цветы раскрываются на заре, когда все так кротко, свежо и непорочно-чисто. В ней есть что-то девичье, и сами кувшинки, как нижние юбки девушки-чистюли. Они невиданно хороши, когда солнышко едва улыбается спросонок за ивняками и веселая золотая пыль сеется сквозь вершины кустов на розовую воду, на лицо и траву. Соловьи аукают на все голоса. Их свисты словно дробятся по глади воды, отражаются ОКІ. — Вит-тю, вид-дел? — громко неожиданно спрашивает с березки красная птичка. И пригнувшись, ворочая головкой, ждет ответа. — Видел, видел, — говорю ей. — У нас во дворе живет. Озорник-парнишка.

Чечевица же, не удовлетворяясь ответом, спрашивает снова, пока ей не надоест. А я как зачарованный смотрю на ее карминовый хохолок, малиновую грудь и густо-красную спинку. Брюшко птицы сияет белизной. Но разве вся весенняя красота — в этой пичуге из Индии, одетой в кардинальскую мантию? А стволы берез? А вода? А желтые пуховики на ивах? А слабенькие незабудки, словно детские глаза весны? А великолепные птички дубровники с кофейной головкой и медовой золотистой грудкой? Когда я поймал одну такую и показал изумленным любителям, многие отказывались верить, что живет она на старом торфянике.

— Врешь, брат, врешь... Из Москвы, поди-ка, а то еще подальше откуда привез,— было единодушное суждение.

Целый день, не зная усталости, бродишь и бродишь по узеньким релкам.

Кто только не встретится тебе. То перебежит дорогу рыженький узкий горностаи с тощим линиялым хвостиком. То серая гадюка приподнимет из травы треугольную свирепую голову, засипит, поплеываясь черным язычком, то вылезет на пенек крошечная, как наперсток, землеройка-малютка, то попадет на кочке дупелиное гнездо с грушевидными крапчатыми яйцами. И для тебя поют соловьи, сверчками стрекочут неугомонные камышевки, тебе квакают лягушки, скрипят коростельки и улыбаются бледные болотные цветы.

Вечереет. Едва волочишь усталые ноги. Уж равнодушен ты к земной красоте, и ничего не хочется, кроме как поесть и спать. А пробежит день-другой, без следа испарится усталость. И, как прежде, потянет туда, к лягушкам, травам и птицам, где лес твой, и небо твоё, и солнце, и птицы, и жизнь.

За малиновым шуром

Стояла глубокая осень. Октябрь был на исходе. Но дня занимались мягкие, грустные. Слегка набегал холодок, оконным стеклом тонкого льда закрылись лужи, и в ясном воздухе медленно пролетали редкие, непривычно белые и крупные снежинки. Славно было в такие дни идти по тихому обнаженному лесу, славно дышать первой снеговой свежестью, посматривая на черные нагие липняки, на тонкие ветки осин, еще сохранивших кое-где багровый и золотой лист. Листья дрожали на ветру, колыхались с едва слышным робким лепетом и вдруг, словно решив, что все равно пора опадать, сами собой отрывались, косо тыкались в снег и замирали. Это было грустно: опавшие листья под беспредельными ветровыми тучами... Но зато как ярко и молодо зеленели среди девственной белизны густые крепкие елки, будто умытые холодом первого снега. Тесно переплетаясь широкими нижними лапами, растопырив зеленые пальчики макушек, они словно

говорили: «А нам все нипочем!»

В одно такое утро я шел к Глуховскому болоту на ловлю щуров. Может быть, вам не известна эта крупная ладная птичка с желтоватым или красным оперением, толстоклювая и медлительная, как все птицы из породы снегирей. Щуры прилетали в окрестности города поздно, в самом конце октября, и держались до выпадения глубоких снегов. Появлялись они не каждый год, по словам моего знакомого птицелова Ефимыча, «через семь лет на восьмой». Хотя вообще цифра «семь» для охотников, птицеловов и рыбаков — число магическое.

Известно, что если уж чижей зеленых накрыл — семь, глухарей на току считал — семь, окуней — во каких! — выудил — тоже семь...

Особенно ценились у любителей певчей птицы щуры старые, у которых перо даже не красного, а густомалинового цвета. Попадались такие старики редко, и мало было счастливцев, что могли похвастать поимкой чудесного «малинового». О таких птицеловах слагали настоящие саги, на птичьем рынке указывали пальцем, а слава их, наверное, переходила из поколения в поколение. Впрочем, чаще бывало, что какой-нибудь ловец малинового «окрылен» (птица вылетела из-под сети) или же пойманного щура вдруг съедала кошка, а еще чаще прямо в лесу покупал неизвестно откуда вынырнувший «один мужик», причем суммы указывались баснословные. Этот «один мужик», на корню скупающий редкую птицу, объявлялся то на Глуховском болоте, то за Сагрой, то в трамвае по пути на птичий рынок...

В нынешнем году щуры прилетели. Двух обыкновенных — красных — уже приносил на базар какой-то нездешний парень в овчинном полушубке. Причем, красочно рассказывая об их ловле, тут же упомянул, что «окрылся» сразу на трех малиновых.

Такое безудержное хвастовство возмутило самых доверчивых и простодушных.

— Да ты, парень, в глаза-то их видал? Ты соврал, да уж провери лучше. На трех окрылся?! — вопрошал парня кислоглазый сморщенный старикашка Ефимыч, известный знаток редкой птицы.

— Да что ты, дедушка! Правду говорю! Я еще вместе с малиновыми совсем необыкновенного видел, — не сдавался парень. — Вот прямо серебром голова у него отливает или, как голубь такой, знаешь, пестророженький... Этот щур поменьше, а кричит: «ции, ции...»

— А остальное-то у него красное было? — не отставал Ефимыч.

— Остальное-то, хвост, крылья, вроде бы розовое, — неуверенно отвечал парень.

— Ну, так это черемошник, — сказал кто-то.

— Какой черемошник? Какой черемошник? В октябре-то, — презрительно прошамчил Ефимыч.

— Нет, парень. Ты, гляжу, и лыко, и лапти вместе плетешь, — добавил он, отходя в сторону.

Я тоже не поверил в рассказы о малиновых щурах и невиданном пестророженьком, но все же решил побывать на Глуховском болоте, чтоб поймать для себя хотя бы обыкновенного красного щура.

В воскресенье, прихватив птицеловную сеть-тайник и клетку с приманным щуром, взятым напрокат у того же Ефимыча, я уехал на электричке за город. Рано утром я добрался по широкой граневой просеке до кромки огромного Глуховского болота и начал искать место, где можно расположить сеть. Я лазал по густым ивнякам, продирался сквозь осинники, вспугивая еще не вылинявших зайцев в белых штанах и затаившихся рябчиков, пока не нашел маленькую полянку, с трех сторон обросшую низким березняком, ольхами и молодыми елками. Впереди от поляны открывалась кочковатая равнина топкого болота с шапками засыпанного снегом багульника и голубики. За болотом снова белели сквозные березняки. Я построил между елок подобие низкого укрытия, с трудом расчистил от травы и снега ровную площадку и, установив на ней сеть, протянул веревку к шалашу. Теперь можно присесть на гнилой пенек, закурить, ждать, когда начнется пролет.

Пасмурное утро занялось над болотом. В его сумрачном свете пустыми, безжизненными кажутся дальние перелески. Сухо шелестят под ветром высокие тонкие соломины трав. Птицы уже проснулись. Справа, в кромке болота, по-плотничьему стучит дятел. Четочки то и дело летят в стороне. Их милое, мягкое «че-че-че» радует душу, напоминает детство. Когда-то вот в такое же задумчивое холодное утро отправлялся я с западенками на соседний пустырь, чтобы, притаясь в зарослях сухой лебеды, с замиранием сердца поджидать дорогую мальчишечью добычу. Четочки, четочки... Сколько же горя достается вам от нетерпеливых, жадных ребячьих рук — и сколько радости доставляете вы карим и серым детским глазенкам! И так ли уж редко бывает, что от

любви к вашим серым чистеньким перышкам, от которых пахнет дикой коноплей и ветром, вырастает и до конца дней остается великая любовь к родной земле, к своим березам и косограм. Сыпал редкий мягкий снежок. Расчищенный до земли ток на глазах покрывался пуховой порошей. Приманный щур в тесной клеточке спокойно клевал кисть рябины, поворачивая голову, поглядывал в снеговое небо и молчал. Щур — птица солидная, не то что суетливый чиж или щегол, попусту кричать не любит. Вот он насторожился, подобрал перья. Это в стороне низом, как подобает вору-разбойничку, пролетел сорокопут — хищная певчая птица. Большие дрозды-дерябы с храпом и чаканьем тянули над болотом. На противоположной стороне, в березняке, черными точками маячили тетерева. Вылетели на кормежку. Вдруг они разом снялись, исчезли. Я разглядел лисицу. Она мелькнула под деревьями, рыжий живой лоскуток, и тоже скрылась.

Много удается видеть в лесу, когда сидишь, не выдавая своего присутствия. Самый чуткий зверь, самая осторожная птица то и дело натываются на тебя, обманутые неподвижностью. Животные больше доверяют ушам, чем глазам и чутью. Вот и сейчас вблизи моего укрытия перепархивают забавные долгохвостые синицы-аполлоновки. С виду они, как пуховый белый одуванчик с длинным черным хвостиком. Шеи у синичек почти не заметно, круглая головенка с черными бисерными глазами сразу переходит в пухленькое тельце. Одна аполлоновка подлетела поближе, заметила меня, покачалась на тонкой ветке, настороженно тюркая, подрагивая хвостом. А потом, решив, что опасность невелика, позвала подружек, и они принялись лазать по ольхе над самой моей головой, так что твердые ольховые шишечки падали на колени.

— Вию-вию,— протяжно и громко засвистел приманный щур. Я вздрогнул, схватился за веревку. Стайка крупных птичек неожиданно вынырнула из-за перелеска, быстро приближалась. Щуры! Сердце громко и часто застучало. Сейчас, сейчас спустятся... Щуры откликнулись, кружили над поляной, кучно стали лепиться на тонкую вершину березы. Сели. Я замер, пригнувшись, исподлобья следя за птицами. Было их пять. Один красный, два желтоватых молодых и две серые самки. Щуры тихо переговаривались, чистили толстые клювы. Казалось, птицы совещались: стоит ли слетать туда, вниз, где разбросаны кисти рябины и сидит их товарищ.

Прошло десяток минут, в продолжение которых у меня совершенно онемела неудобно поджатая нога. Наконец щуры надумали. Как настоящие лесные птицы, они не сразу сели на землю. Сперва спустились по веточкам пониже. Потом красный самец порхнул на укрепленный в точке прут и настороженно замер, тихо повторяя: «хю, хю, хю...» Может быть, спрашивал у плененного товарища:

— Ну, как ты? Ничего?

— Ничего,— отвечал приманный.

И вольный успокоился, спрыгнул на землю, начал теревить рябину. Примеру красного самца последовали остальные.

«Крой!»—словно приказал мне кто-то. Я дернул веревку. Сеть подпрыгнула, приподнялась на палках и... упала обратно. В руках остался обрывок веревки. Щуры же испуганно взлетели и уселись на ольху над моей головой. «Вот и «окрылся». Что же это такое?— горько думал я, боясь шевельнуться.— Что случилось с сетью? Неужели подвела веревка?»

Положение мое было самое глупое. В руках был обрывок веревки, в полутора метрах надо мной сидели напуганные щуры, и вылезти из шалаша, чтобы проверить, в чем дело, я не мог.

Скорчившись в три погибели, полулежал я в шалаше, руки и ноги затекли, а птицы, по-видимому, не собирались улетать, ждали, когда снимется приманный.

«Нет. Невозможно больше... Вылезу»,— подумал я и на четвереньках потихоньку стал выползать из своего убежища. Краем глаза я: смотрел на птиц. Сидят, переговариваются... Дополз до обрыва веревки. Сидят... Связал концы. Все еще не улетели... Я добрался до сети. Поправил ее. Оказывается, край сети зацепился за выступающий корень.

«Можно назад... Где же мои щуры? На месте. Вот штука! Уж не принимают ли они меня за какое-нибудь четвероногое?»

Мне вовсе не хотелось доказывать птицам, что я человек. Решил оставить их в приятном заблуждении и ползком вернулся в шалаш. Щуры не улетели. Словно желая подразнить меня, они переместились с макушки ольхи на средние ветви, покачивались на них, лущили ольховые шишки, я же проклинал себя двадцать раз за то, что не попробовал сразу, как действует сеть.

На ловле птиц всегда торопишься. Думаешь, вот-вот кто-нибудь подлетит и, часто насторожив снасть кое-как, потом горько каешься. «Какие смиренные. Наверное, никогда не видали человека в своих глухих северных лесах»,— рассуждал я. Мне давно было известно о чрезвычайном простодушии этих северян, я читал даже, что щура можно снять с дерева петелькой на длинной палке, но сам, встречаясь со щурами в весеннее время, не замечал у них такой удивительной небоязливости. Время шло. Щуры словно решили испытывать мое терпение. У меня же давно озябли руки, стыли ноги, ныла спина.

«Подожду десяток минут и сгоню их»,— решил я. Вдруг тонкие странные голоса каких-то птиц заставили насторожиться. «Ции, ции» — протяжно раздавалось в березняке. Синицы, напуганные пролетевшим ястребом-перепелятником? Нет. Это не синицы. Звук ниже и короче.

Я вглядывался в березовую поросль. Вот у тока появились две птицы. Они были похожи на маленьких щуров. Такие же толстоклювые, но более аккуратные. Головы птичек отливали странным серебристо-розовым блеском. Перья на груди и спинке тоже были розовые... Никогда не встречал я в лесу таких. Кто они? Неужели это те «пестророженькие», о каких говорил парень с базара. Действительно, на головках птичек смутно виднелись мелкие пестринки. И все-таки где-то я видел таких... Это... это... Это сибирская розовая чечевица! Редкая залетная птичка, которую никто еще не встречал на Урале. Я видел ее чучело в Новосибирском музее. Даже про образ жизни сибирской чечевицы ничего не известно... Руки мои задрожали, когда птички вдруг разом сели на ток к щуру. Я готовился дернуть веревку и ждал, когда они переберутся поближе к центру площадки, чтобы крыть наверняка. И тут, еще более успокоенные появлением на току новых гостей, к сети слетели все пять щуров.

Пора! — я зажмурился и дернул веревку.

«Есть!»—какое магическое это слово для рыбаков, охотников и птицеловов! На моих глазах оно обращало старика Ефимыча в молодого парня. Какой рысью кидался он к дорогой добыче, забыв про седую бороду, почтенные лета и лому в поясице! Оно словно освобождало тысячи вольт скрытой энергии, которая таилась в немоющем на вид человеке. Не раз из-за этого «есть» я расшибал себе лоб и колени, взяв скорость реактивного самолета.

В миг очутившись у сети, я принялся распутывать добычу. Обе чечевички запутались сильно, шипели, клевали руки. Зато щуры просто сидели под сетью, глупо вытаращив глаза. Красный самец держал в клюве ягодку рябины. Я выпустил обоих молодых и самок, а себе оставил только приглянувшегося красного. Посаженный в полутемный садок, он не бился и тут же стал клевать ягоды.

Я прибрал сеть, поправил развороченный шалаш, сел на пенек. Время близилось к полудню, и пролет затихал. Снегири печально кричали в дальних кустах, гуще посыпал снег. «Пора домой,— подумал я.— Щура я поймал, чечевиц поймал. А то, что он не малиновый, какая беда? Мне красный цвет даже больше нравится». Я собрал снасти, уложил их в мешок и неспешно тронулся к станции.

Чечевичек подержал я недолго. Были они очень дикие, злобные и песен никаких не пели. Я выпустил их перед весной. А красный щур и до сих пор живет у меня. Стал он совсем ручной, и мы с ним друзья большие.

Страницы осени

Она приходит незаметно. В одно сентябрьское утро вдруг почувствуешь, что лето кончилось и осень светло и ясно смотрит в окна.

В такое утро голубой солнечный туман долго стоит над землей. Им подернуты дали, нежно окутаны улицы и дома. Пьяно-вянущий запах осени течет из садов, с огородов, с окрестных полей. Пахнет коноплей, бурьянами, озябшей землей, и на тонкой прогонистой березе над крышей уж золотится первое монисто.

Осенние дни зовут в лес. Летом за устойчивым теплом и зеленью как-то не замечаешь течения времени. Зато сейчас каждый лист, падающий в траву у забора, напоминает о бегущей жизни. И начинаешь думать, что где-то на зорях холодеют поля, последние цветы дремлют под ледяными росами на омежьях, где-то уже сыплет листопад, и отлетные стаи держат в поднебесье свой неразгаданный путь...

И каждую осень страдаешь от сознания того, что не достанет сил охватить все величие образов и чувств, которые рождает осенний ветер и высветленное им прохладное небо.

Поневоле завидуешь художникам. Ведь на нескольких холстах живописец может остановить всю русскую осень с ее дождями и тучами, с усталой кротостью теплых дней и белой печалью первого снега. А как же быть мне?

Писать об осени, как ее видел?..

Раньше я жил на окраине города и часто ходил осенью в лес по грибы, за хворостом, ловить птиц, или писать этюды грошовой акварелью — плачевные этюды, в которых преобладало лишь желание схватить лесную красоту.

Я вставал затемно, с первыми петухами, голосившими ночным, нездешним криком; одевался, не зажигая огня, стараясь не шуметь, чтоб не разбудить домашних. Обычно это редко удавалось. То наткнешься спросонья на стул, то застонет вдруг неслышная днем половица, то уронишь с печи тяжеленный болотный сапог, и он загрохочет по приступку, как двадцатипудовая гиря. Ковшик воды на дорогу. Краюху хлеба в карман. За плечо мешок со снастями, и вот выходишь на крыльцо, во двор.

Свежо. Темно и тихо. Тлеющие уголья звезд еще рассыпаны в вышине, но повозка Большой Медведицы склонилась дышлом за сарай. К утру.

Хороши ранние глухие часы, когда ночь уже кончилась, а утро еще не началось. Впереди утро — огромное утро, впереди день — не будничным примелькавшийся, начинающийся со звонка будильника, а огромный и новый, как праздник.

Стучает калитка. Иду по темной улице, вдоль черных домишек и спящих тополей на свет белой зари. После темной комнаты и ватного одеяла зябнется, сонная дрожь пробегает по спине, но спокойно, весело на душе.

А петухи по сараям снова опевают ночь голосами домовых.

Вот кладбище за окраиной. Призрачные стволы берез, кресты, голубцы и колонки памятников встают из полумрака. И нисколько не страшно. И никто не бродит там, кроме утреннего ветра, да разбуженная горихвостка монотонно покрикивает: «уйть, уить...»

Шагаю и шагаю километр за километром мимо полей пригородного совхоза, вдоль насыпи железной дороги через гулкий мост, под просветами которого неподвижно течет черная вода. И вот он лес. Глухая рань. Иней в траве по низинам. Еще оцепенело молчат деревья, спят травы, дремлют кусты. Первая электричка, будто олень, трубит в дальних лесах. Проступает слегка на опушке ржавая прожелть берез, светлое золото липняка, багрянец осин.

Знакомая ель будто замерла в ожидании, протянув ко мне темные, мохнатые руки. Сколько раз встречала она меня на пороге леса, сколько раз отдыхал я под ее Шатровым навесом. Здесь прятался, пережидая летний «комарный» дождичек, когда капли сыплются тепло и редко, а комары взлетают из-под каждой травинки.

В лесу на любимых местах все запоминается отчетливо: глухариный копанец¹, брусничник и груздевище на года укладывает память. И потому, придя на место, ревниво следишь, не срублено ли чего, не подсечены ли елочки на опушке, не осталось ли где черное пятно низового пала. Долго стою на опушке рядом с елью, трогаю ее блестящие ветки, слегка влажные от ночного тумана. Дышу холодным запахом утра. Смотрю, как просыпается небо.

Солнце ленивенько ощупывает макушки высоких берез, светится в сучьях лиственниц, высоко стоящих над лесом. В подлеске полумрак и покой. Листья кустов запотели. Сизеет заинеделая трава. Паутина серебрится узорным пятном. Не желая рушить волшебное творение, обхожу его стороной, и все-таки мелкие паутинки садятся на лицо, прилипают к одежде.

Надо мне выбраться к току на вырубке, возле опушки березовой рощи. Там ловлю я птиц, смотрю, как живет лес, пишу свои заметки.

Иду сквозь чащу напрямиком, по бронзовым папоротникам и лесной осоке. Шелест шагов и хруст сучьев далеко отдаются кругом, и мне хочется ступать как можно тише — так оскорбительно громко любой треск в великом лесном молчании.

Множество грибов попадает на пути: синие сыроежки, горькие свиляры, белые скрипицы, -

¹ *Копанец* — место, где глухари и тетерева купаются в земле.

округлые волнушки — все это богатство выросло на теплой, промоченной дождями лесной подстилке и пока не боится инеев, лишь ближе жмет к земле, укрывается хвоей, прячется в траву. Опята в коричневых касках приступом берут пеньки, осаждают колодник. Хитер осенний пехотинец — ведь гниющая древесина дает тепло, и недаром в пеньках живут личинки,

устраивают гнезда муравьи, зимуют бабочки. Бывает, пойдешь рано весной искать муравьиные куколки и нигде в простых муравейниках их нет, а в пеньковых — целыми горстями. Так, раздумывая о лесной жизни, незаметно уходишь дальше и дальше. Уже светло стало, и вот будто скрипка запиликала вверху: «пи-пие, пи-ти, пие-пи...» Идет вершинами пробужденная солнцем стая чижей. Перелет начался. Лес очнулся.

— Пинь-пинь! финьк!—задорно начинают зяблики в березах.

— Кээ, кээ, кээ,— слышатся голоса гаечек.

— Та-та... та-та-та-та... та,— телеграфно выстукивает дятел.

— Краэрэк,— противно орет рыжая кукша,

— Гви-гвик-ча-ча,— взвизгивает дрозд.

Утро началось.

Заспанный голубой поползень вдруг вылезает из дупла одиночной посохшей ели. Он потягивается перед самым моим носом, поднимает крылышки над головой, ерошит перья на темени и, сообразив наконец, что перед ним человек, цепко перебегает по шершавой коре на другую сторону ствола.

И чем выше солнце, тем радостнее рдеет, горит, золотится, благодушно посмеивается нарядный лес. Сколько безмерно щедрых красок вокруг: зелень и багрянец, прожелть и синева. Одних красных тонов не перечтешь на каждой осине: рудой, карминовый, ржавый, охристый и оранжевый, а про желтые я не говорю,— все оттенки от блеклого соломистого до яркого, как плавленное золото, пестрят в глазах. Отсюда, должно быть, от этой захватывающей цветности сентябрьского леса яркие росписи Мстеры и Палеха, необыкновенные тона живописи импрессионистов. Здесь ключевой исток вдохновения Саврасова, Коровина, Левитана, Шишкина и целых поколений пейзажистов прошлого, настоящего и будущего. Не знаю, у кого как, но у меня сентябрьский лес всегда вызывал безмерное желание взяться за кисть и одновременно острую злость на свою художническую беспомощность.

Скоро открылась новая опушка. Здесь кончалась полоса смешанного леса. Широкая вырубка клонила к ольховому болоту, а по другую сторону вырубки стояла березовая роща.

Поперек вырубки гривой растут сосны, елки, осины и березы. Их пощадила ненасытная пила лесоруба. Ими, словно мостом, лес соединяется с рощей и не случайно посередине гривки выбрано мной место для тока. По таким вот перехватам любят ходить птичьи стаи из одного леса в другой.

Подле гривки стекает в ольховое болото родниковый ручей. Я запрудил его, отрегулировал сток воды и образовал на току мелкую светлую проточную лужу для купания.

На этом точке ловятся зяблики, лесные коньки, синицы, славки и мухоловки. Даже осторожные иволги и подозрительные дрозды изредка навещают сюда.

Гриву с ручьем я нашел после долгих поисков. Нелегко выбрать место, где певчая птица хорошо «валится», как говорят птицеловы, то есть спускается на землю, под сеть. Иная поляна всем хороша: и подлесок красивый, и пролет превосходный, а птичьи станицы, не задерживаясь, пролетают мимо.

Человеку, не посвященному в тайны ловли, она представляется примерно так: вы приходите в лес, вешаете на дерево сетку или клетку (для многих это одно и то же), сыплете в клетку крошек; нужная птица прилетает, ей очень хочется попробовать городского хлебца, она залетает в клетку, и делу конец.

Такие представления о сложной, исключительно трудной и увлекательной охоте так же далеки от истины, как Земля от звезд. Здесь я не имею в виду ловлю птиц промышленниками, которые кроют чечеток, чижей и щеглов стаями на приманных птиц.

Я ловлю на прикормку, и потому моя охота не в пример интереснее. Самые различные птички привыкают летать на ток, где для них круглый год открыта даровая столовая.

Птицы уже здесь. Молодые зяблики один за другим спрыгивают на ток, пьют и купаются на мели, безбоязненно лушат зерно. Вместе с ними вертится юркая пеночка-теньковка. Она ни секунды не сидит на месте. То порхнет в кусты, то шмыгает по земле, то снова качается на ветке, негромко выговаривая: «ти... ти...»

Ни зяблики, ни теньковка не нужны мне. Достаточно подержал я этих милых, шустреньких, невероятно прожорливых крошек. Кормить пеночек надо обязательно муравьиными яйцами, и

очень скоро самому завязтому любителю надоедает ходить с руками, обожженными муравьиной кислотой и вытряхивать муравьев из натальной рубашки.

...А птиц все прибывает: две серые славки, самка овсянки, лесной конек и горихвостка-лысушка хозяйничают на току, черноголовая синица-пухляк с интересом поглядывает вниз, сидя на верхней еловой мутовке.

Забыв про шнур, я гляжу, как конек покачивает хвостиком, жеманно ходит по току, овсянка клюет торопливо, а пухляк по одному таскает подсолнушки и долбит их, зажимая лапкой, на ближней ветке.

Вдруг короткое стрекотание — и ток опустел. Уж не ястреб ли облетает свои владения? Нет. Не ястреб. Большой белобокий сорокопут сидит на елке у тока. Хищная певчая птица.

«Может быть, спустится», — думаю я и крепко наматываю шнур на кулак. Но сорокопут ныряет с елки и медленно летит вдоль гривы над самой землей. Уж он, конечно, разглядел человека своими зоркими подведенными черным глазами.

Понемногу на току снова набирается разнообразная птичья компания. Выводок зеленушек, два зяблика, та же синичка-пухляк и близкий родственник зябликов вьюрок. Все они хорошо знакомы мне и, досадуя на неудачную ловлю, я понемногу отвлекаюсь от сети, смотрю, как идет в роще редкий золотой листопад.

На светло-голубом сентябрьском небе березы пленяют светлотой и солнечной окраской вершин. Что-то святое есть в березах осенью.

Глядя на них, я припоминаю, какое удивительное впечатление произвело на меня однажды это дерево. Я увидел его летним утром, подъезжая к Москве, километрах в трехстах от нее.

Колоссальная многоствольная береза

стояла в поле, как могучая и прекрасная женщина, сияя белизной ствола, кротко клоня долу зеленые пряди своих мелколистных кос. Такие величавые красавицы поражают самого равнодушного. И думаешь, как же добра ты, земля, творящая красоту.

Даже отсюда видно, как сухо, тепло в березовой роще, словно горит она спокойным желтым пламенем, и жаль, что скоро под студеными ветрами сникнут, потухнут костры берез, угаснет игра теплых тонов. Ведь, облетев, березы растворяются в лесу, будто говорят: «Вот, мы все отдали».

Внезапное движение, писк и трепет выводят меня из березовых дум.

На ток словно упала серая рукавица. Что-то бьется там, взмахивает крыльями... Рука дергает шнур. Сеть стремительно кроет ток. Кто-то серый скачет у края, пытаюсь вырваться.

Со всех ног вылетаю из шиповника.

Сыч?! Воробьиный сыч!

Крохотная совка с пронзительными оранжевыми глазками, в пестрых штанишках, яростно щелкает клювом. В когтях накрепко стиснут задушенный пухляк.

Бедная доверчивая синичка, какой печальный конец твоей жизни!

Жаль пухляка, но я доволен добычей. Только как достать сыча из-под сети, не получив хорошей царапины на память?

— Ах, ты, паршивец! — говорю я маленькому злодею, прижимая его сеткой к земле. Теперь надо схватить его за спину. Вот так! Понемногу освобождаю от сети редкую птицу.

Воробьиный сыч — копия филина, уменьшенного до размеров скворца. Он охотится на мышей, полевок и птиц, чаще утром, как ястребок, бросаясь на добычу.

Сажаю сыча в темную матерчатую клетку, снимаю сеть, сматываю шнур. На сегодня довольно.

Надо в целости принести дорогую добычу. Обходной тропой шагаю назад.

День безветренный. Бабье лето. Солнце крепко пригревает плечи.

Тропа огибает лесистый кряж, выводит на южный склон. Сосновая опушка. Она дышит теплом, а кожаные подметки сапог оскользаются на сухой хвое. Сивые каменные лбы тут и там выступают из земли. Переросшие маслюки семейками тянутся в гору.

Я забираюсь к вершине, ложусь на теплую плиту, посыпанную хвоей, и отсюда гляжу на ближние увалы и распадки. Хочется мне записать все это, поведать, как несказанно велика сила осенних далей, увалов и ельников, и синих каменных плит, от века лежащих тут.

Здесь истоки любви к земле, правде и поэзии.

Жалкой кажется моя записная книжка, в которой я чего-то черкаю, зарисовываю в стремлении вобрать, схватить, не упустить.

А рыжий лесной муравей забежал на страницу и, подогнув брюшко, на дыбках бросается на мое «стило». Он воюет с авторучкой по всем правилам нападения, словно не желает допустить, чтоб я писал о нем.

В конце концов осторожно стряхиваю задорного муравьишку за край плиты. Вижу, как он, постояв, подумав, берет жвалами сдвоенную хвоинку, кладет на свое рабочее плечо.

Я люблю осеннее ненастье, люблю наперекор дождю и мокрому снегу шагать по оловянным дорогам, по кислому суглинку и сырой листве.

Сеет холодный дождик, темна впереди брюхатая туча, в серую мглу размылся горизонт — все нипочем. Ненастье замечательно освежает душу. Не надо прятаться в теплые комнаты, проклиная дождь и слякоть. Право же, неплохо хорошенько озябнуть и вымокнуть, хотя бы чтоб полнее оценить простые жизненные блага: кровлю над головой, сухое тепло печи, стакан горячего чая. Может быть, я странный человек, но я думаю, что непромокаемые плащи, теплое белье, автомашины и трамваи оставляют все меньше возможностей современному человеку ощутить сполна холодную прелесть мелкого дождя, свежее дыхание мокрого ветра и самый запах сырых полей, влажной листвы и вянущих трав.

В осенние дни хорошо оказаться на лесном озере — особенно величаво звучит здесь минорная гамма ненастья. Под ветром без конца вскипают, катятся волны. Холодная волна хлещет и хлещет в береговые камни, студено-прозрачная вода облизывает песок, толкает груды бурых водорослей, моет пустые створки перловиц.

Северные пролетные чайки взад и вперед носятся над волнами на своих узких длинных хищных крыльях. Странно видеть морских птиц в лесной стороне. Зябко на берегу. Коченеют пальцы. Дождь кропит и кропит. А уходить не хочется. Хочется смотреть, слушать и думать, вбирая всем существом осеннюю стынь, хмурость и свежесть.

Караван казарок вдруг выдвигается из-за вершин леса.

Гортанно звучат голоса. Торжественно плывет косяк прямошеих птиц, будто луки со стрелами нацелились в озеро.

Провожая их и думаю: «Хорошо бы написать этот мокрый пахучий пейзаж с низкими тучами, серыми волнами и облетевшими березами на берегу».

Холод. Ветер. Тучи. Удивительная поэзия севера. В который раз уже рождает она чувство невысказанной тоски и жадности — как бы захватить все это? Как передать самый вкус осеннего ветра, пролетевшего невесть над какими далями, как написать скупой, но величавый свет дождевого неба, живую смену холодных тонов на гребнях волн, печаль обнаженных берез.

Вот по сырой дороге вдоль озера идет куда-то девушка в телогрейке. Ржаные волосы, неласковые глаза, упругая щека, короткая юбка.

Прошла.

И снова дует ветер, шумит лес, летят листья, хлещут валы. А за далеким берегом, по-над крышами безымянной деревеньки вдруг брезжит белая размытая полоса. Оттуда будет конец ненастью.

* * *

Октябрь. Ясное утро с инеем. Я забрался в еловый лог и сижу на выворотне возле ручья. Смотрю и слушаю. Только так можно понять и почувствовать всю прелесть лесных тонов, запахов, света и негромких звуков. В одном этом моховом еленище столько нетронутой красоты, что ее хватило бы на сотню художников с талантом Шишкина.

Как жутко-величавы высокие сухары-обломьши! Издолбленные дятлами, источенные ходами короедов, опаленные пожарами и временем, они стоят — темноликие языческие идолы.

Тонкие березы взметнулись над ручьем. Мягко золотятся, чуть-чуть трепещут их поределые кроны. Уставив в небо зубчатые вершины, задумались ели. Спокойны пихты.

Ледяной сиверок слегка гуляет в вершинах, и я смотрю, как непрерывно и косо сыплется, падает желтый лист в черном ельнике. Лес облетает сильно. На прозрачной воде с незаметным течением листья плавают цветными корабликами. Листья всюду: на молоденьких елках, на сушняке с редкими прямыми сучьями, на кочках мха, на моих коленях.

Лист сваливается тебе в руки, как откровение, как прощальная весточка осеннего леса.

Скоро конец листопаду. Вон молодые липки уже разделись догола. Желтыми, палевыми, голубыми половичками устланы их подножия.

Ломкая утренняя тишина. Ни стука дятлов, ни синичьего писка.

— Цви, цви, цви-цири-ти-ти,— вдруг звучно и задорно несется из сумрака елей.

Рябчик.

— Цви, цви, цви-цири-ти-ти,— точно так же откликается другой из-за ручья.

— Кси, ксии, ксии... тюль-тюль, тюль-тюль,— плаксиво и жалобно вскрикивает в стороне невидимая самочка-рябушка.

Вот из-за нее, тихони-хохлуши, которая сейчас где-нибудь под елочкой кокетливо перебирает перья в подхвостье, будет целое сражение.

— Прр-прр,— гремит шумный порх.

По-над ручьем, на согнутой в дугу, растерявшей листья липе уже прогуливается чернобородый сердитый петушок.

Ослепленный ревностью, он не стережется. Не до того. Свались сейчас ужасный тетеревиатник, пугало леса, подползи куница-белогрудка,— все нипочем.

Не видит петушок и того, что черный зрачок ствола уже прицелился в его рябую грудку...

Что же дальше?

А дальше я тихо опускаю ружье, отвожу его в сторону. Слышу, как позади слегка шелестит. Кто-то бежит там по земле. Вот на замшелой колодине точь-в-точь такой же чернобородый красавчик с приспущенными крыльями, с поднятым хохолком.

Первый комом слетает вниз. Вижу, как рябчики надуваются, подпрыгивают, как забияки-петушки на деревенском прогоне. Летит перо. Наскок за наскоком, второй теснит первого, и скоро оба, перепорхнув ручей, убегают в ельник друг за другом, вертко поворачиваясь меж елочек и кочей. Снова молчание. Лес не любит показывать своих картин с быстротой кинематографа. А посидишь, послушаешь, присмотришь и... вон белка перемахивает с вершины на вершину, ползет в кочкарнике сонная гадюка, полосатый бурундук выбежал на ту же липу-дугу. Сидит, умывается, по-мышинному поводит лапами перед мордочкой.

Стая клестов сваливается с вершины елей. Падают шишки, скрипуче поют желтые и красные самцы, лазают по ветвям. Одиноко пиликает чиж, отбившийся от стаи. Мягко мяукают, чечекают чечетки.

Раз идет пролет этой серушки, значит над Полярным Уралом уж сыплет снег, и зима ползет с холодных гольцов.

Мне нравится пряный и сырой запах лога. Здесь пахнет елью, мохом, водой, немного туманом и завялыми листьями. Впрочем, в лесу всякое место пахнет по-своему, и никогда не спутаешь сухой и томный запах сосновой опушки с запахом холодной осинового чащи.

Вспомнив про осинник, подымаюсь с места. Надо заглянуть и туда, пока не поздно, до него от ельника близко, рукой подать. Осинный лес, да еще молодой, считается из последних. Осина — чертова лесина — небрежно высказался народ о трепетнолистом дереве. Но, право же, зря. Нет в осеннем- лесу, после березы, дерева более велико-ленного. Хороши его дрожащие листья — ладошки, скромная сероватая зелень стволов. Что-то тоненькое, детское, робкое есть в ней. Осина, как девочка-подросток, выросшая в неласковой семье.

Зато какое удивительное зрелище являет осинник в октябре, когда после долгих дождей и ветров сбросит свой багряный наряд. Несказанно прекрасны обнаженные осинки с худыми плечиками ветвей на золотом, оранжевом и голубоватом пологе опавшей листвы. Тихий теплый свет стоит тогда в осиновых чащах даже в самый сырой, непогожий день. Как пахнет здесь тополево — тонко и горьковато!

Изящные белые синицы-долгохвостики любят бродить по таким чащам. Пухленькие и легкие, они порхают по веткам и, непрерывно тоненько тюркая, перекликаясь залихватными голосами, цепочкой двигаются одна за другой.

Глубокая осень. Снега еще нет, но земля уже промерзла, закоковела от морозов. Скупа багровая октябрьская заря. Дни разгораются нехотя. Синеватые, пасмурные, нерассветные дни. Все ждет снега. Выдается на денек солнечная голубая погодка и оттого лишь холоднее, просторнее в лесах; безжизненно лежат поля.

Прощаться с осенью я приехал на полустанок Рябиново. Разъезд — на два двора. Кругом высокий нехоженный лес, березняки, ельники да несметное число рябины.

Мне очень нравилось провожать осень в этих больших лесах. Здесь она задерживалась подольше и всякий раз дарила меня чем-нибудь — котелком переспелой брусники, корзинкой листопадных

груздей, чудом уцелевших от инея, или просто светлой лесной печалью, без которой не полна картина уходящей осени.

Когда я спрыгнул с подножки вагона под откос, немолодая стрелочница со скатанным желтым флажком покосилась на меня и что-то пробормотала, вроде «черт носит...»

В стрелочной будке горел огонь. Отчаянно орал младенец. И, видимо, я со своим ружьишком в чехле, одетый в рваную телогрейку, явился для женщины тем козлом, на которого и обратилось раздражение, скопленное за бессонную ночь. А может быть, здесь проявилось обычное пренебрежение сельского жителя к городским охотничкам, именуемым по уральским деревням метким словом — «пужало».

Поздняя осень — тихое время в лесу, редко увидишь каких-нибудь птичек, еще реже зверьков. Все засыпает,

прячется, откочевывает, забирается в норы, в укромные уголки. Тогда на ягодниках заметнее осенняя жизнь. По склонам увалов рябинник на каждом метре. На иных кустах ягода крупная, сладкая, с легкой рябиновой горчинкой, а тут же рядом растет такая кисло-горькая дешевка, что отведаешь, и лицо кривится страшной гримасой.

Ягод я всегда наедаюсь до изжоги. Не то чтобы жадность одолевает или голод, а просто идешь мимо куста, как не отщипнуть сочную подмороженную кисточку? И обираешь ее, терпкую, холодную, вкусную, пока не засвербит во рту.

Благодаря рябиннику, отлетная птица скапливается здесь, собирается с окрестных лесов.

Сытые дрозды с квохтаньем и храпом загодя снимаются впереди. Черноголовые снегири алеют яркими грудками. Чисто-серые самки с ананасным зобиком держатся отдельно. Снегирь лушит ягоду, как торговка семечки, сорвет и лузгает в клюве, выбирает семена, отбрасывая пустую кожуру. Славные спокойные птички. Они так украшают бедную тонами палитру октябрьского леса. А их печально-звучные голоса как нельзя лучше подходят к этой поре.

Рябиново — место гористое, и потому почти не идешь ровняком: то лезешь на крутой увал, то опускаешься в лог. В логах теплее, не так прохватывает ветром, как наверху, и, глядь, еще цветет кое-где в затишье упрямый тысячелистник, желтеет осенний одуванчик-кульбаба. Так и уйдут они под снег с непокрытой головкой.

Дорого все, что редко. Летом мало кто позарится на тысячелистник. Зато сейчас так хочется собрать букетик последних цветов, что я долго брожу и ползаю по склону на четвереньках. Не сегодня-завтра все заметет вьюгой, а на моем столе еще долго будут стоять эти белые и розоватые мужественные цветы, напоминая об ушедшем лете.

Перевалив еще один широкий березовый кряж, я сажусь отдохнуть за ветром. Развожу теплинку — обогреть коченеющие руки, и от маленького огонька жизнь чудесно хороша своей суровой правдой, пролетающими снежинками, блеклым листом на лесной подстилке, озябшими темными елочками меж светлых берез.

День перемежается: то напозлзут тучи, то проблеснет солнце. Белый свет падет на березняки, и они заголубеют нежно, холодно, стыдливо, как женщины, скинувшие платья, перед тем как войти в студеную воду.

Сидя у костра, вглядываюсь в потаенную лесную жизнь. Она бьется тихо, но еще заметно. Вон, на макушке березы, трудно усаживаются хохлатые северные птички — свиристели.

«Ти-ли-ли... ти-ли-ли-ли-ли» — негромко, серебряно переговариваются они, прикидывая, какую рябину облюбовать в подлеске. Посовещались, и один за одним вся стая слетела в широкую рябиновую поросль. Видно, как крупные розовые хохлатки, сгибая ветви, жадно щиплют кисти, глотают ягоды. Свиристель с прилета прожорлив, и обдергать дочиста рябиновый куст такой стае на десять минут.

Вдруг вся станичка с маху бросается в сторону и улетает.

«Это почему?! — раздумываю я. — А вот...»

Меж стволами берез мелькает, приближаясь, светлая узкокрылая птица с длинным хвостом.

«Перепелятник?» — с сомнением хватаюсь за ружье.

Не долетев, птица наталкивается на невидимую стену, взмахивает крыльями и ныряет назад. «Ки-ки-ки... кьяк,

кьяк» — насмешливо звучит ее голос, постепенно удаляясь.

Ну, какая досада! Ведь это не обычный разбойный ястребишка, а редкая ястребиная сова —

дневная хищница с грудью, расписанной, как березовая кора.

Я откладываю ружье подальше от костра и вскоре, словно чтобы еще более подразнить меня, на спуске к ельнику неторопливо ковыляет заяц. Весь он какой-то белесый, белопалый, сквозь рыжую шерсть идет новый зимний волос.

Я затоптал костерок и с ружьем наизготовку заторопился вниз. Узкая тропка попалась мне, а по этой тропе навстречу бежала целая листовенная кочка. Еж, укатавшись в листьях, спешил куда-то. Заметив человека, он вздрогнул, свернулся и замер. Я попробовал задеть его носком сапога — еж поддал иглами в подошву и засопел.

Сердитый.

Брать домой его не хотелось. Не однажды я приносил из лесу колючих зверьков, и они не доставляли никому особенного удовольствия. Днем ежа нигде не было видно — он спал в темном углу, под кроватью или за шкафом, а ночью бродил по комнатам, как домовый, пыхтел, стучал коготками и оставлял на полу вонючие «визитные карточки». Говорят, что ежи хорошо ловят мышей, однако с этим делом не в пример лучше справлялся кот Васюта, который смотрел на ежей с глубоким кошачьим презрением.

Еж на тропе был огромный, старый. Он походил на футбольный мяч, оклеенный листьями.

— Иди-ка ты прочь да не попадайся больше,— сказал я ему и толкнул под горку. Еж скатился далеко под мелкие елочки, развернулся и затрусил восвояси.

В логу была темь и тишина. Деревья готовились к зимнему сну и стояли сосредоточенные, углубленные в себя, в свои еловые думы. Все дремало здесь, поджидая снега: елки, сухары, пеньки и колодины, даже крепкий осенний груздь — скрипица, в широкой шляпке которого застоялась коричневая вода. Один красивый трехпалый дятел с золотым хохолком не хотел спать. Он возился на гнилом березовом обломыше, тихонько скалывая труху и деловито оглядывая ее, так плотник, потесывая бревно, останавливается взглянуть — добра ли работа.

Мне не захотелось оставаться в логу, и я вылез на гребень нового увала. Сильный ветер порывами хватал с севера, прочесывал кроны берез, невидимкой рыскал в траве, взвивая и разбрасывая листья. Солнце больше не показывалось. На севере было мглисто и хмуρο.

По березняку валом валила пролетная чечетка. Тысячные стаи беловато-серых птичек осыпали макушки деревьев и, посидев недолго, слетали густо и дружно, оглашая воздух залихватным чечеканьем.

Никогда не видел я такого массового пролета.

«Значит, скоро жди зимы. Птицы никогда не тревожатся попусту. Наверное, непроглядная вьюга уже шаманит по гольцам Приполярья, засыпает багульниковую тундру».

От раздумий о близкой зиме становилось тепло. Как ни хороша осень, а первого снега я всегда ждал как дорогого гостя и радовался ему, пока в новую весну с той же радостью не встречал первую проталину.

Громкий свист-улюлюканье долетел со склона, прервал размышления.

— Щуры прилетели,—сказали уши,

Птиц я увидел скоро. Дымчато-розовые, малиновые и желтоватые, они сидели в рябиннике, меланхолично обрывая ягоду за ягодкой.

Я приблизился, однако доверчивые северяне даже не покосились в мою сторону — так были спокойны и заняты едой.

Тогда медленно, шаг за шагом я подошел к рябинам вплотную. До ближней птицы буквально было рукой подать. Наверное, я смог бы коснуться ее крыла.

Кто не видел щуров с прилета, не поверит мне. Только дальневосточный рябчик-дикуша да городской голубь-сизарь так же доверчивы, как щуры. Птицы определенно принимали меня за лося или медведя, от которых им никогда не бывало никакой беды. Зато мой охотничий азарт вдруг разгорелся, как дегтярная береста. Вот бы поймать того малинового, который так спокойно лущит ягоду крепким клювом.

Ни сети, ни западни у меня не было, но я знал, что щуров ловят даже петлей из конского волоса, укрепленной на длинном удилище.

Так же тихо, чтоб не потревожить стаю, я отступил, срезал гибкий рябиновый прут и задумался, где взять силок. Без силка нечего делать. Может быть, из своих волос? Так поступали первобытные люди, да, видать, волосы у них были получше, мои же, плохие и тонкие, никуда не

годятся. И все-таки я решил вопрос с гениальной простотой. Распорол подкладку пиджака и вытащил из бортовки целый пучок прекрасного прямого волоса нужной длины. Через минуту немудрая снасть готова. Снова осторожно, стараясь не глядеть в упор (взгляд очень пугает животных и птиц), я подошел к шурам. Теперь малиновый самец сидит выше всех. До него едва дотянешься, а надо поймать именно его. Тихо-тихо поднимаю удилище. Подвожу к шуру. Рука трясется. Очень трудно надеть силок на голову птицы. В конце концов задеваю по клюву, щур мотает головой и бочком поднимается по ветке еще выше. Вот незадача! Теперь не достать.

Решаюсь согнать птиц и делаю это, чуть ли не тыкая их прутом, вот так сгонял своих ленивых голубей сосед Пашка Подкорытов.

Щуры с легким хюхюканьем лепятся на соседнюю рябину, и я снова обхаживаю их с терпением лисицы.

На этот раз малиновый самец сидит низко. Петля на шее! Через секунду птица трепещется на земле. Щур страшно напуган. В руке у меня он вертит головой и повторяет, слово котенок: «мя... маа... маа...» Великолепная чистая малиновая птичка с коричневыми добрыми глазами.

Не имея с собой ни мешка, ни клетки, я посадил шура в дырявую шерстяную варежку таким образом, что голова его была наружу, а туловище и хвост внутри варежки.

А пока я возился с птицей, погода совсем испортилась. Крупный снег повалил вдруг, закружился пуховой метелью.

«Вот она зима, легка на помине»,— подумал я и заторопился назад.

Перед самым разъездом я вспомнил, что надо бы набрать шуру ягод. Вскоре попалась раскидистая рябина у ключика, вся увешанная тяжелыми потемнелыми кистями.

Сбросил сумку, положил шура в варежке на землю и стал собирать ягоды кисть за кистью в шапку.

Временами я посматривал на шура. Он сидел в рукавице спокойно, не то примирился с положением пленника, не то задумался о чем-то. Одной шапки рябины показалось мало. Зима долгая, надо побольше запастись. И высыпав ягоды в сумку, я стал собирать еще и еще, не забывая при этом угощаться сам. Громкий свист шура прервал мои занятия. Я глянул вверх.

Малиновая птичка сидела на суку березы. Она радостно отряхивалась, чистила крылья и хвост и вообще вела себя, как человек, выскочивший из переполненного трамвая и довольный тем, что все пуговицы целы и ребра на месте.

«Неужели?!»— подумал я, и взгляд мой упал на пустую варежку, уже припорошенную снегом.

Теперь щур не стал дожидаться, пока я подойду к дереву.

— Растяпа! Разиня!—ругал я себя.— Не надо было жадничать! Куда теперь целый воз рябины?!—

В конце концов всегда найдешь, чем утешиться. И вот размышляя о том, что шуру все-таки лучше будет на воле, чем в садке со всеми удобствами, и что клеткой у меня, к счастью, будет меньше, и что рябину отлично съедят мои другие птицы, я надел сумку и шапку и спокойно тронулся к разъезду.

Снег между тем сыпал гуще и гуще, путался в ресницах, холодил лицо, оседал на траве и елках.

Ветер утих. Умолкли птичьих голоса. И только непрерывный шорох снежинок едва-едва тревожил ухо.

На разъезде та же неприветливая стрелочница чуть-чуть помягче оглядела мою полную сумку и с сомнением спросила:

— Чо, полно рябков набил?

— Много,— соврал я.

— Видать!—понимающе усмехнулась она и вынула из-за пояса свой желтый флажок.

Из-за поворота вынырнула электричка.

Сидя у окна вагона, я вглядывался в мутные перелески под низким небом. Смотрел, как мелькает убыстренный движением снег. Зима хозяйничала там.

Земля белела, как-заячья шуба.

Соловьи

На окраинах большого города еще можно найти улицы, напоминающие деревню. Они широки, тихи и чисты. Короткая трава растет здесь в сухих неторных колеях, одуванчики густо глядят из тощего глинистого дерна возле телеграфных столбов. Здесь еще увидишь протертые до земли

дощатые тротуары, кисти рябины над ветхими заборами, расписные ставни и самодельные голубятни с дремлющими на шестах нахохленными голубями. Начинающие художники любят забираться сюда, чтобы, сидя с важным видом где-нибудь в тени, малевать живописный домишко, над которым распростер свои серые сучья столетний тополь. Кучка мальчуганов обыкновенно стоит позади художника и, не мигая, с благоговейным сопением следит за «дяденькиной» работой. Такой до недавнего времени была окраинная Луговая улица, где жил знакомый мне сапожник Алексей Семеныч Шишмарев. Невысокий, сутулый, жилистый, с желтым востроносым лицом и бородкой мочального цвета — он являл собою тип забубённого мастерового. Множество было раньше таких — столяров, печников, каменщиков.

А глаза у Шишмарева голубые, но не тусклые, не пьяненькие, не обезличенные старостью — они смотрели тепло, умно, весело, как у тех крепких, не поддающихся времени русских стариков, возраст которых определить необычайно трудно.

Ходил он всегда в одной одежде: потертом пиджаке, серой косоворотке, таких же портках, прикрытых спереди рыжим кожаным запоном, и в извечных латаных сапогах.

Сапогам этим по всем приметам шел пятый десяток, но сшить себе новые Шишмарев не трудился. Все как-то руки не доходили. Почти так же относился он и к прочей одежде.

— Куда мне ее. Было бы чисто. Обношенная одежда не жмет, не давит. Мне ведь не под венец идти, да и, сам знаешь, хвалят на девке шелк, коли в девке толк,— балагурил он по этому поводу. Жил он одиноко. Старуха давно умерла, сыновья разъехались, дочери вышли замуж. Получал пенсию да изредка прирабатывал — делал набойки или шил на заказ. На последнее соглашался редко, но уж если шил — сапоги выходили из его корявых просмоленных варом и дратвой рук самые генеральские. Точеные, с легким приятным скрипом. Такие сапоги хочется и погладить, и понюхать, и щелкнуть по гладкой твердой подошве. Крепко пахнут они новой кожей, и ходить в них легко и крепко, и словно бы мужества в тебе от этих сапог прибавляется. Словом, праздничные сапоги.

От заказчиков Семенычу не было отбоя. Слава мастера стояла высоко. Но не только ловким сапогом был он знаменит. Слыл Шишмарев страстным птицеловом и отменным знатоком певчих птиц на всю округу.

В двух его низеньких, беленных известкой комнатушках по стенам висели клетки, садки и садочки с жаворонками, реполовами, чижами, дубровниками и разными другими птицами. Особенно выделялись соловьи. Они сидели в лучших буковых клетках. Рыжеватые, тонкие, глазастые, птицы эти сразу замечались своим диким лесным обликом, выгодно отличавшим их от привычных щеглов и снегирей.

Старик любил соловьев какой-то страстной любовью, ухаживал за ними с особенной старательностью. Даже тараканов за печью развел, чтобы угодить черноглазым неженкам.

И соловьи у него были знаменитые. Ночные и «дневники», «проголосные», «с лешевой дудкой», «с ударом». Всех особенностей не перечислишь. Надобно знать множество названий специальных колен, скидок, раскатов и оттолчек соловьиной песни, а они известны только немногим посвященным.

Обычно по субботам, когда кончалась рабочая неделя и голова особенно уставала от заводского гама, лязга, воя станков и бабаханья прессов, я любил завернуть к Семенычу, посидеть, поговорить, а то и распить бутылку, хоть пьяницами ни он, ни я, по совести говоря, никогда не были.

Часто у Семеныча собиралось целое общество завязтых птицеловов и любителей высокого класса. Таких на весь наш большой город насчитывалось человек до десяти, и каждый знал не только своих птиц, но и птиц товарищей. Компания собиралась самая разношерстная. Был тут стекольщик, режиссер из оперы, сторож, с кирпичного завода, химик кандидат наук, двое сталеваров и один учитель.

Приходя к Семенычу, первым делом все мы шли на кухню, где висели у него особые матерчатые клетки-кутейки. В них «выдерживались» птицы свежепойманные, еще не привыкшие к клетке. И почти всегда Шигамарев, тихонько улыбаясь в мочальную бородку, показывал какую-нибудь диковинку: подслеповатую птичку-пищуху, крошечного королька с оранжевой полоской на темени и темными удивленными глазами, черноголовую славку — очень редкую в наших местах или веселую синицу-гренадерку с остроконечным пепельным хохолком на бойкой головке...

А потом мы пили чай или балагурили о том о сем. В центре внимания был Семеныч. Постукивая молотком, сладко затягиваясь махорочной сигаркой, он неспешно, обстоятельно повествовал, как ловил зябликов, «ходил» на лазоревых синиц, где водится какая птица, как выдерживать свежепойманных дроздов. Тут же составлялись всевозможные птицеловные планы, обсуждалось достоинство снастей, мало ли каких разговоров не ведут меж собой любители. Бывает, в сотый раз толкуют об уже известном и все-таки с удовольствием, ибо рассказ навевает дорогие воспоминания о днях, проведенных в лесу и в поле.

— Почему ты, Семеныч, соловьев на зиму не оставляешь?— часто спрашивали мы, зная за сапожником такую странность.

— Да уж так... Не к чему... Недосуг с имя валандаться. Опять же и птица-то нежная, муравьиного яйца ей

подай, мучного червя...— уклончиво отвечал он и переводил разговор на другую тему.

Мне было известно, что выдержать соловья круглый год дело не легкое, но такому мастеру оно было вполне под силу. И муравьиные яйца Шишмарев дудами запасал, и подолгу /кили у него пеночки, камышевки и долгохвостые синички, держать которых было не в пример труднее.

Однако старик упрямо отмалчивался, а каждый год, в августе, выпускал своих знаменитых певцов, за которыми по неделям самоотверженно бродил весной в непролазных чащах Сухореченского болота.

«Чудит просто»,— раздумывал я.

Он соловьев и не продавал никому. Спросишь — испугается даже:

— Что ты, господь с тобой! Для себя ловил... А деньги? На что мне деньги. Вот руки пока есть — они лучше денег... Соловушка мне друг. А друга кто продаст? То-то вот...

Я умолкал.

Но в конце концов или Семенычу неудобно стало отказывать, или просьбы мои ему слишком надоели,— он согласился.

— Хошь соловья подержать? Айда! Я тебя на ловлю свожу,— сказал он как-то между прочим.— Только рано надо идти. До свету. Место не близкое, а соловья ловить надо по заре, пока он не насбирался. Оно, конечно, и днем поймать немудрено, да все-таки на свету лучше, способнее. А ведь не захочется тебе в экую рань подыматься,— добавил Семеныч, испытующе глядя на меня, по-старчески беззвучно шевеля губами.

Я поспешил уверить, что приду в субботу с ночевой, и стал прощаться, опасаясь, как бы старик не изменил своего неожиданного решения. Семеныч на ловлю никого не брал. По лесу бродил всегда один. И разве только лещему было известно, где находились его тока. На все расспросы Шишмарев отвечал, что ловить ходит на Зеленый остров, и лукаво ухмылялся при этом. Но каждому мало-мальски знающему птицелову было известно, что на Зеленом острове даже чечеток мудрено поймать.

— Ну, помни своих, не забывай наших, значит,— ворчал Семеныч, провожая меня до ворот.

Всю неделю готовился я к предстоящей ловле. Всего труднее оказалось раздобыть муравьиных яиц. Весна стояла затяжная, и только на самых солнцепеках в пеньковых муравейниках уже появились крупные муравьиные куколки — самая лакомая прикормка для насекомоядных птиц. Я починил лучок и самолоры, сделал клетушку с мягким верхом, чтоб пойманный соловей не побился, достал у товарища обметную сеть.

И вот в полночь мы шагаем по размытой ручьями дороге. В темноте, впереди меня, бойко семенит Шишмарев, грязь хлюпает под его сапожонками. Миновали спящие избы окраины. Влажным ветром толкнуло в лицо: открылось темное ночное поле. Собаки чуть слышно лаяли позади, кричал бессонный паровоз на станции, далекие огоньки мигали там. А впереди ночь. Одинокие березы смутно белеют во мраке, да серебряная россыпь весенних звезд искрится и шевелится высоко-высоко. Свежо и пьяно пахнет оттаявшей землей, молодой травкой, почками и еще каким-то необъяснимо приятным, бодрым и мягким

запахом вольного ветра, простора и прохладного сумрака. Вдохнешь до слезы, полной грудью, ключевой холод ночи и чувствуешь, как разворачиваются плечи, радостно тукает сердце, нервная дрожь пробегает по спине. Славно жить на земле, даже ради единого вздоха!

А дорога виляет и вправо и влево, поднимается на косогор, сбегает в темную ложбину, поросшую

щетиной мелкого кустарника. Где-то поблизости нежно журчит вода — остаток апрельского паводка.

Сапоги то шуршат по прошлогодней листве, то смачно чавкают в раскисшем суглинке.

— Эх, мать честна! Здорово грязи в логовину-то натекло,— говорит Семеныч, останавливается, трудно дышит.— Однако далеко мы с тобой ускакали. Ф-фуу. Пристал. Птаха-то эко бьется, колотится... Тебе ладно, молодому... А грязь проклятая так и льнет, так и льнет...

— Далек еще?— осторожно спрашиваю я, стараясь разглядеть лицо старика.

— Как тебе сказать? Близко вроде. А может, и далеко. Дорога-то, вишь, кривулина на кривулине. Тут ее мерила старуха клюкой да махнула рукой,—шутит Семеныч.

Снова идем, теперь уже напрямик, через кусты и водомоины и наконец подходим к невысокому перелеску, полого спускающемуся к речке.

— Тут!— переводя дух, говорит старик.— Третьего дня слушал... Дудка у него есть. Этак: «туу-туу». Протяжно, басовито. А потом как рассыпет дробью, как хлестанет раскатом на перещелк! Душа вон! Отличный соловушка. Голосистый. Впервой такого здесь замечаю.

Прислушиваясь к говору воды в речке, он добавляет:

— У птиц, брат, все одно, что у людей. Иной хоть пьяный поет, а так-то радостно, а другой заведет козла драть — ни голосу, ни выносу... В этих местах и раньше бывали добрые соловьи, еще до войны. Перевелись. Прошлые весны я на них ходил. По две ночи сиживал. Нет ничего. Стукотня одна, треск. Молодь неумелая. Ну, а ноне совсем другой резон.

Семеныч ощупался впотьмах, достал берестяную скрипучую табакерку, неторопливо закурил. Горючий махорочный дымок едко и пряно защекотал в носу.

— Посидим пока, до свету. Покурим. А там глянем. Я ему прикормки под куст насыпал. Ежели поклевал — все одно наш будет. Соловей — птица умная, где покормится, никогда не забудет.

— А если не тронул?

— Тогда еще день-другой обождать придется,— философски ответил Семеныч, усаживаясь на каком-то бревнышке, занесенном, должно быть, полой водой.

Я опустился рядом с ним. Темно и тихо. Чуть булькает речка в объятых мраком кустах. Звезды лучатся, подмигивают в торжественной высоте прозрачно-черного неба.

Мне слышно, как надсадно ноет грудь, потрескивают корешки махорки, когда Семеныч затягивается сигаркой. Красный свет на секунду освещает его лицо, острый старческий нос. О чем думает старик? Какие мысли, какие думы трогают его? Или вспоминает чего, или думает о будущей охоте, или просто так, беспечно рассеянный, замороженный тишиной и мраком ждет рассвета...

А близость утра уже чувствуется. Коротка майская ночь. Глухой мрак спустя полчаса сменяется редющей сутемью. Бледная ранняя заря еще неясно, холодно брезжит на северо-востоке, и узкие неподвижные облака над нею вдруг начинают теплиться слабым розовым светом. Ветерок ощупью бродит в кустах. Вот послышались голоса камышевок. Певчий дрозд фюилиюкнул в черной лесной кромке.

— Пора бы ему,— заворчался Семеныч.— Зариться начала. Хо! Во!..

Словно в ответ на его слова, чистый отчетливый звук дрогнул, родился в тишине.

— Фюить,— ясно и мягко сказала невидимая птица.— Фюить, тю!

И смолкла.

— Тю... тю-тю... тю-тю. Чип, чип, чип... тюи, тюи... Соловей запел. Сперва негромко, чисто, спокойно, как будто с сознанием собственной силы. Потом громче, мощнее, громче...

— УУ- УУ- Вую, вую,— вдруг басом высвистнул он. Легкая дрожь пробежала по мне.

Неужели это птица? Скромная рыжая птичка! Уж не кудлатый ли леший, зеленая борода, поет и свистит на своей дикой дудке в темной чаще голых черемух? Никогда до сих пор не понимал я, не чувствовал всей прелести соловьиного рокота. Что-то удивительно свое, русское, сладко щемящее и печальное было в этих звуках. Очень идет соловьиная песня к ранней заре, к спящим полям, дремлющим перелескам.

Мы слушали. А раскат следовал за раскатом. Рокочущая дробь, и щелканье, и нежные оттолчки шли одна за другой. Вот смолкнет он на чистой дрожащей ноте — и слышно тогда журчание воды, то залыется вдруг с горячей силой, удар за ударом.

— Ах ты, господи...— услышал я дрожащий, тоскливо-восторженный шепот Семеныча.— Ах ты, господи...

Крупные слезы горохом катились по его лицу, дрожала .его жидкая бороденка, тряслась руки. Стоя на коленях на влажном дерне, он весь подался вперед, бессознательно тянулся туда, навстречу соловьиной песне.

— Семеныч! — прошептал я, дергая его за рукав.— Эй, Семеныч! Давай, не будем его ловить! Ну, не будем! Жалко. А?.. Не выдержать мне его. Пусть поет себе... Лучше я сюда десять раз снова приду. А, Семеныч?

Старик обернулся. Странно, влажно, молодо глянули его глаза. И, стыдясь непрошеного откровения, все еще во власти нахлынувших чувств он горько сощурился, рукавом потянул по лицу, что-то невнятно пробормотал.

...Обратно шли, когда совсем рассвело. Утро устоялось тихое, ясное. В полях веяло тем особенным, майским теплом, которому радуется все живое после долгих холодов. Дорога подсыхала на глазах. Желтенькие цветки мать-и-мачехи задумчиво-ласково смотрели из пробивающейся травы, и обтрепанные, перезимовавшие крапивницы порхали и кружились над ними. Жаворонки, трепеща крыльями, столбиком поднимаясь с комьев влажного пара, терялись в вышине, где легко и неспешно плыли к западу кучевые облака — вестники доброй сухой погоды.

— Вот ты все допытывался, почто соловушек своих я на волю отпускаю,— заговорил дотоль молчавший Семеныч.— Долгая сказка, а скажу я ее тебе. Может, поймешь ты меня...

Рос я в большой семье. Было нас семь человек ребят, мал мала меньше.

Отец мой тоже сапожником был. Суровый мужик, характерный, работяга и пьяница и-их какой! Бывало, сидит день-деньской над колодками, спины не разгибает, а снесет работу и ввечеру — в кабак. Напьется. Домой валит и воюет. За волоса да под небеса. Мать боем бил ни за что ни про что, и нам по чем попада доставалось... Меньшие, те сразу под лавки ползли, а кто на печь. Навоюется, поутихнет, сядет в угол в свой и заревет, зальется. Как теперь его вижу: сидит темный весь, как туча снеговая, а слезы-то на верстак кап да кап. Заснет в углу, утром сызнова за работу. И тут уж ты ему тоже не подвертывайся, сопит, зверем зыркает, а то гляди и колодкой но башке оденет. В великой нужде мы росли. Один с одного одежонку таскали. Летом — ладно, тепло, а зимой — беда. Одне худые пимы на четверых... Отец-то так и спился на крест. Мать за ним вскоре померла. Болела много... Поотбивал он ей вздохи-то...— тут Семёныч дернул мочальную бородку, горько прижмурился, глядя под ноги, собираясь с мыслями.

— Остались, значит, мы сиротами. За главных сестра Анисья да я. Что прожить можно — прожили. Анисья на фабрику спичечную к Логинову поступила. Я птиц ловил, отцовским ремеслом сколь мог прирабатывал. Да только починки мало было. Отцу-то едва носили, а мне — малому кто понесет? Испортит, мол... Так бились мы с хлеба на квас. Только что с голоду не пухли. Много ли Анисья заработку принесет, гроши бабам платили.

Вижу, не проживешь на ее пятаки. Пошел я тогда на завод. Не берут... Накланялся вдосталь. Потом уж один, заказчик отцов — купец Иван Прохорыч устроил из милости. Сперва-то я в механическом робил, потом в прокатке. Ой, каторга там была. Двенадцать часов в жаре да в огне. Домой приволокёшься, как сухарь из печки. Весь сок из тебя за день вытянет, всю силу вымотает. Пожрать бы только, да спать сунуться, А жалованье получишь — считать нечего. Мастеру еще на шкалик, как водится. Не дашь — без работы заморит, штраф с тебя сдерет. Терпели, терпели мы, а в седьмом году забастовали. Весь завод встал. Ну, конечно, сейчас нагнали тут полиции, казаков этих — их в городе всегда две сотни стояло, дьяволов гладких. Свалка здоровая получилась. Потом аресты пошли. И меня взяли. Я хоть не заглавная фигура был, а все-таки двоим полицейским в рыло насовал, при стачечном комитете был, в маевках участвовал. И доказал на меня сосед — старичишко тут один жил — караульщик заводской... Ну, что дальше-то? Тюрьма... Суд. Да опять тюрьма. На восемь лет меня запечатали. Сижу, а сам все думаю, как они там без меня? Вспомню ребят босых, голодных, в ремках — сердце кровью зайдется.

Раз по весне пришла ко мне Анисья. Худая, худая в чем душа держится. Стоит и глаз не подымает. Чую, беда... — Как, мол, вы? Что там?..

Рассказала, что меньшая померла, одну девчонку в приют сиротский кое-как взяли, а братишки по миру пошли. Во, друг, как... И так-то мне тошно стало, надумал я руки на себя наложить. Дождал ночи, шнурок добыл. Привяжу, думаю, за решетку...

Уснули все, с кем я сидел. А я не сплю. Духота в камере, параша воняет, стены эти проклятые давят, тяжело мне, слез нету. Страшно. Страшно, милой ты мой, в тюрьме. И не дай бог никому в ей сидеть... За что, думаю, так? Молодость вся прошла в нужде, да в поте, дальше просвету не видать. Лежу на нарах, жизнь свою проклятую вспоминаю.

Решился. И уж петлю сделал. Вдруг, слышу где-то птица поет. Подтянулся к решетке, там стекло выбито было. Слушаю. Соловей! Тюрьма-то в аккурат у кладбища. И поет он в кустах перед утром так жалостно, сладко, и ветром ночным в камеру пахнет.

Слушал я, слушал, пока руки не заостенели. А потом отпустился, шнурок спрятал. Так мне жить захотелось. Еще хоть раз на воле сигарку покурить, в поле выбраться... Нет, думаю, не поддамся! Не вся жизнь прожита. Может, увижу еще свет. И укрепился я с той ночи... А там война подошла, и революция, и гражданская. В Красную гвардию я ушел.

Ты вот спрашивал, почто я первейших соловьев на год не держу. Не хочу. Жалко мне их. Святая это птица. Истинно русская. Беречь ее надо...

Мы подходили к окраине. Город нежно голубел в дымке весеннего пара. Еще прозрачные тополя зеленели клейкими сережками и мелким листом. Сладкий запах молодой весны растекался в спокойном воздухе.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ

О вреде и пользе

Пение птиц

ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ ПОЛЕЙ, ПУСТЫРЕЙ И ГОРОДСКИХ ОКРАИН

Полевой жаворонок

Прочие жаворонки

Жаворонок рогатый, или рюм

Скворец

Каменка

Дубонос

Реполов, или коноплянка

Щегол, или щегленок

Зеленушка

Пуночка, или снежный подорожник

Лапландский подорожник

Краснозобый конек и луговой конек

Воробьи

Ласточки

ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ ЛУГОВ. БОЛОТ И РЕЧНЫХ УРЕМ

Тростниковая, или болотная, овсянка

Соловей

Дубровник

Белая лазоревка, или князек

Камышевки

Трясогузки

Чеканы луговой и черноголовой

Чечевица, или черёмошник

ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ ОПУШЕК И КУСТАРНИКОВ

Пеночки

Славки

Славка черноголовая

Славка ястребиная

Славка садовая

Другие славки

Сорокопуты

Овсянка обыкновенная

Овсянка-ремез
Лесной конек
Лесной жаворонок-юла
ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ ЛЕСА
Синицы
Большая синица, или синица-кузнечик
Московка, или моховушка
Зеленая лазоревка
Синица длиннохвостая, аполлоновка
Синица хохлатая, гренадер
Королек
Поползень-ямшик
Пищуха
Иволга
Несколько правил выкармливания птенцов всех птиц
Дрозды
Певчий дрозд
Черный дрозд
Дрозд-деряба
Дрозд-белобровик
Зарянка
Горихвостка-лысушка, или садовая горихвостка
Пеночка-пересмешка, лесная малиновка
Свиристель
ЩУР
Клесты
Чиж
Чечетка
Снегирь обыкновенный
ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА СОДЕРЖАНИЯ ПЕВЧИХ ПТИЦ
Корм
Чистота
Свет
Обдерживание и приручение
Уход во время линьки
СНАСТИ ОХОТНИКА
ГЛАВНЫЕ СПОСОБЫ ЛОВЛИ
ОСНОВНЫЕ ЗАПОВЕДИ ЛЮБИТЕЛЯ ПЕВЧИХ ПТИЦ
ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ СРЕДНЕГО УРАЛА
РССКАЗЫ
Черный дрозд
Уникальная птица
Чижи
Синичьи пляски
За малиновым щуром
Страницы осени
Соловьи
